

АНАЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ГЕОПОЛИТИКА
И
БЕЗОПАСНОСТЬ
GEOPOLITICS AND SECURITY

№ 4 (12) 2010

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:
**БАЛТИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВОЕНМЕХ» ИМ. Д. Ф. УСТИНОВА,
ООО «ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ»,
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПЕТРОПОЛИС»**

ПРИ УЧАСТИИ
АКАДЕМИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Главный редактор — И. Ф. Кефели

Редакционная коллегия:

Акаев А. А. —	д. т. н., иностранный член РАН (Москва);
Арефьев И. Б. —	д. т. н., профессор, академик АГП (Россия, Польша);
Бородавкин В. А. —	д. т. н., профессор (Санкт-Петербург);
Васильев Ю. С. —	д. т. н., профессор, академик РАН (Санкт-Петербург);
Вертлиб Е. А. —	профессор политологии, академик РАЕН (Франция);
Виноградов С. А. —	д. т. н., профессор, академик РАЕН (Санкт-Петербург);
Иванов К. М. —	д. т. н., профессор (Санкт-Петербург);
Ивашов Л. Г. —	д. ист. н., профессор, генерал-полковник,
президент Академии геополитических проблем (Москва);
Ильин И. В. —	к. геол.-минерал. наук, доцент (Москва);
Кефели И. Ф. —	д. ф. н., профессор, вице-президент АГП (Санкт-Петербург);
Кирвель Ч. С. —	д. ф. н., профессор (Беларусь);
Ковалев С. Н. —	к. ист. н., член-корреспондент АГП (Санкт-Петербург);
Мозелов А. П. —	д. ф. н., профессор, академик АГП (Санкт-Петербург);
Никулин Е. Н. —	д. т. н., профессор, член-корр. РАЕН (Санкт-Петербург);
Нурышев Г. Н. —	д. полит. н., профессор, академик АГП (Санкт-Петербург);
Сивков К. В. —	д. воен. н., первый вице-президент АГП (Москва);
Соколов К. Н. —	к. т. н., вице-президент АГП (Москва);
Татаркин А. И. —	д. э. н., профессор, академик РАН (Екатеринбург);
Чумаков А. Н. —	д. ф. н., профессор, первый вице-президент (Москва);
Юнтунен А. —	д. ист. н., исследователь-эксперт (Финляндия);
Ян Цзиньхай —	доктор философских наук, заместитель
Генерального секретаря Бюро переводов при ЦК КПК (КНР)

Журнал «Геополитика и безопасность» включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 19.02.2010 г. № 6/6)

ISSN 2071-2332

9 772071 233007

© Геополитика и безопасность, 2010

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

В последнем номере журнала за этот год помещены статьи, авторы которых раскрывают широкий круг геополитической тематики. Иностраный член РАН А. А. Акаев на примере событий в Киргизстане рассмотрел идеологическую подоплеку «цветных революций», прошедших волной на постсоветском пространстве. Статья Л. Г. Ивашова представляет собой текст доклада, с которым он выступил в БГТУ «ВОЕНМЕХ» после вручения ему диплома почетного доктора Университета. Авторы раздела «Теория и история геополитики» выступили с оригинальными идеями, в частности, О. Н. Тынянова, которая предложила включить принципы энерго-информационное моделирования в теоретический аппарат современной геополитики, и О. В. Мурай, вскрывшая подоплеку языковой экспансии США в современном мире. В ракурсе информационной геополитики представлены статьи Л. В. Балахонской, С. С. Бодруновой и С. Н. Большакова. Речь идет о механизмах рекламной информации и медиаполитики, задающих императивы воздействия на общественное сознание в пространстве информационной безопасности. И. В. Ильин и А. Д. Урсул рассматривают глобальную безопасность как безопасность мирового сообщества, реализующуюся в условиях коэволюции системы «человек–общество–природа». Собственно политический аспект рассматриваемой проблемы заключается в создании механизмов глобального управления,

обеспечивающих не только глобальное развитие, но и глобальную безопасность.

Социально-экономические аспекты глобального развития рассмотрены в статье академика РАН А. И. Татаркина, который, сосредоточив внимание на проблеме критических ситуаций в общественном развитии как проявлении глобализации национальных экономик, предложил меры по прогнозированию и оценке критических ситуаций, а также организации постоянного мониторинга для нейтрализации негативных последствий.

Мы открываем новую рубрику, представляющую аналитические обзоры новых геополитических и геостратегических концепций и видов глобальных технических систем, в т. ч. военного назначения. В этом номере эта рубрика представлена статьями М. В. Кыбального и О. А. Толпегина. В разделе «Научная жизнь» освещаются основные события в деятельности Академии геополитических проблем. Обращаю внимание читателей на информацию о предстоящем Форуме-2011 «ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ», который пройдет в Архангельске в июне 2011 г., а также на представленную В. А. Дергачевым информацию об аналитическом и образовательном портале «Институт геополитики профессора Дергачева».

Продолжается подписка на наш журнал. Его индекс в каталоге ОАО «Роспечать» — 35 575. Ждем новых читателей и авторов.

И. Ф. Кефели

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	3
--------------------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ

АКАЕВ А. А. Затаившаяся угроза («Цветные революции» не ушли в прошлое)	9
ИВАШОВ Л. Г. Россия в геополитическом контексте XXI века	20

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

МУРАЙ О. В. Языковая экспансия США и ее манифестация на геополитической карте мира	27
СУХАРЕВ А. В. Этнофункциональная парадигма в геополитике	33
ТЫНЯНОВА О. Н. О пространственной причинности геополитических процессов	37
ШЕСТОВА Т. Л. Геостратегическая концепция Полибия	50

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

КЕФЕЛИ И. Ф. Геополитический пасьянс сил в Восточной Азии накануне и после окончания Второй мировой войны	55
---	----

ГЕОЭКОНОМИКА

ШМЕЛЕВА Е. В. Национальная идентичность в контексте глобализации	68
--	----

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

БАЛАХОНСКАЯ Л. В. Рекламная коммуникация в контексте информационной безопасности	72
БОДРУНОВА С. С., БОЛЬШАКОВ С. Н. Политический маркетинг в контексте британской медиаполитики	78
ИЛЬИН И. В., УРСУЛ А. Д. Проблемы безопасности в глобалистике: политический аспект	85

ТАТАРКИН А. И. Критические ситуации в социуме и механизмы их нейтрализации	94
--	----

ГЛОБАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

КЫБАЛЬНЫЙ М. В. Морская мощь-21 по-американски	104
ТОЛПЕГИН О. А. Космические аппараты сверхмалого класса	115

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

БЕЛУКОВА Е. С. Шанхайская организация сотрудничества: история формирования и предпосылки создания	118
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Институт геополитики профессора Дергачева	123
Соловецкий форум-2011 «Геополитика Арктики»	124
Почетный доктор БГТУ «ВОЕНМЕХ»	126
«Россия — геополитический центр мира XXI столетия» (конференция в Челябинске)	128
Научно-практическая конференция «Инновационные технологии и технические средства специального назначения»	130

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДОГОВОР между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений	131
ПРОТОКОЛ к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (извлечения)	138

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2009– 2010 гг.	146
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	158
--------------------------	-----

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	160
---	-----

EDITOR'S COLUMN	3
------------------------------	---

COMMON GEOPOLITICS' PROBLEMS

AKAEV ASKAR A. Hidden Threat. Colour revolutions has not passed away	9
IVASHOV LEONID G. Russia in the geopolitical context of the XXIst century	20

THEORY AND HISTORY OF GEOPOLITICS

MURRAY OLGA V. Language expansion of the United States and its manifestation in linguistic and political map of the world	27
SUKHAREV A. V. Ethnofunctional paradigm in geopolitics	33
TYNYANOVA OLGA N. About generalized spatial causality of geopolitical processes (testing the possibility of geopolitical modelling)	37
SHESTOVA TATYANA L. Geostrategic conception of Polybius	50

REGIONAL GEOPOLITICS

KEFELI IGOR F. Geopolitical solitaire of the forces in East Asia before and after the Second World War	55
--	----

GEO-ECONOMICS

SHMELEVA E. V. National identity in the context of globalization	68
--	----

NATIONAL SECURITY

BALAKHONSKAYA LUDMILA V. The epatazh as the method of action on the consciousness of the addressee of the advertising communication and the problem of the social- information safety	72
---	----

BODRUNOVA SVETLANA S., BOLSHAKOV SERGEY N.,
Political marketing in a context of a media policy of Great Britain 78

ILYIN ILYA V., URSUL ARCADY D.
A security problem in global studies 85

TATARKIN ALEXANDER I.
Critical situations in social development and neutralization mechanisms 94

GLOBAL WEAPONS AND GLOBAL SECURITY. ANALYTICAL REVIEWS

KYBALNY M. V.
American 'Marine power-21' 104

TOLPEGIN O. A.
Spacecrafts of small-size class and international project «TEMPUS»«CRIST» 115

WORD TO YOUNG RESEARCHERS

BELUKOVA EKATERINA S.
The Shanghai Cooperation Organization: creation history and foundation preconditions ... 118

SCIENTIFIC LIFE

Prof. Dergachev Geopolitics Institute 123

Forum-2011 in Solovky «Geopolitics of the Arctic» 124

Honorary Doctor of BSTU «Voenmeh» 126

«Russia is the world geopolitical center of the XXIst century» (conference in Chelyabinsk) 128

Scientific-practical conference
'Innovative technologies and technical means of special purpose' 130

OFFICIAL DOCUMENTS

The AGREEMENT between the Russian Federation and the United States of America
on measures for further reduction and limitation of strategic offensive arms 131

PROTOCOL to the AGREEMENT between the Russian Federation and the United States
on measures for further reduction and limitation of strategic offensive arms (extract) 138

ARTICLES PUBLISHED IN 2009–2010 146

OUR AUTHORS 158

RESUME 160

EDITOR COLUMN

The last issue of this year includes the articles, whose authors reveal a wide range of geo-political subjects. Foreign Member of RAS A. A. Akaev, took as an example of the events in Kyrgyzstan and considered the ideological implications of “color revolutions” which were like a wave in post-Soviet area. Article of L. G. Ivashov is the text of the report that he made in BSTU ‘Voenmeh’ after awarding him a diploma of honorary doctorate of the University. The authors of the section «History and Theory of Geopolitics» came up with original ideas, in particular, O. N. Tynianova, who proposed including the principles of energy-information modeling in the theoretical apparatus of modern geopolitics; and also O. V. Murai, who revealed the background of the language expansion of the USA in the modern world. The articles of L. V. Balahonskaya, S. S. Bodrunova and S. N. Bolshakov are presented in the perspective of the informational geopolitics. They are about the mechanisms of advertising information and media policy which define impact imperatives on the public consciousness in the space of informational security. I. V. Ilyin and A. D. Ursul consider global security as the security of the world community, implemented under the co-evolution of systems ‘human-society’ and ‘human-society-nature.’

Actually the political aspect of this problem is to create global governance mechanisms that provide

not only a global development, but also the global security. Socio-economic aspects of the global development are discussed in the article of RAS Academician A. I. Tatarkin, who focused on the problem of critical situations in the public development as a manifestation of the globalization in the national economies and proposed measures on the prediction and evaluation of critical situations, as well as organizing regular monitoring for neutralizing the negative effects.

We open a new column which represents the analytical reviews of the new geopolitical and geo-strategic concepts and types of global technical systems, including military applications. In this issue, this column contains the articles of M. V. Kybalny and O. A. Tolpegin. In the section ‘Scientific Life’ highlights key developments in the activities of the Geopolitical Problems Academy. I draw readers’ attention to the information about upcoming Forum-2011 ‘GEOPOLITICS OF THE ARCTIC’, which passed in Archangelsk in June 2011. And also pay your attention to the information submitted by V. A. Dergachev, which is dedicated to the analytical and educational portal ‘Prof. Dergachev Geopolitics Institute’.

Subscription to our magazine continues. Its index in catalog ‘Rospechat’ is 35 575. We are waiting for new readers and authors.

I. F. Kefeli

АКАЕВ А. А.
ЗАТАИВШАЯСЯ УГРОЗА
(«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НЕ УШЛИ В ПРОШЛОЕ)

Еще 5–7 лет назад тема «цветных революций» была во всем мире в центре общественного внимания. Средства массовой информации изо дня в день живописали события, связанные с «революцией роз» в Грузии, «оранжевой революцией» и событиями на киевском «майдане» в Украине, а также «тюльпановой революцией» в Киргизстане. В настоящее время общественные страсти по «цветным революциям» казалось бы утихли. Однако не ушла в прошлое их идеология. Более того, в стремительно меняющемся мире, в частности — под влиянием предстоящего сворачивания американских военных операций в Ираке и Афганистане, по мере намечающегося снижения милитаристского компонента в политике Вашингтона и его союзников по НАТО и других факторов, подвергнувшийся мутации метод «цветных революций» может быть снова востребован. США не отказались от давно провозглашенной ими миссии по насаждению в мире демократии с помощью внешних рычагов. В заокеанских «мозговых центрах», находящихся в услужении спецслужб, «цветным революциям» могут на новом этапе придать иное изощренное обличье. Мишенью для очередной «демократической» атаки могут оказаться те постсоветские страны, которые по тем или иным причинам пока сумели избежать «цветной инфекции». Что касается «тройки» стран (Грузия, Украина, Киргизстан), попавших ранее под каток «цветных революций», то они в предстоящие годы будут испытывать тяжкое «похмелье». Похоже, что постреволюционные шоковые испытания заранее заложены в сценарии «цветных революций» с це-

лью создать в постсоветском мире условия, наиболее полно отвечающие в долгосрочном плане интересам Вашингтона. Наряду с дестабилизацией речь идет о линии на отрыв соответствующих стран от России, об их втягивании в орбиту заокеанского влияния. Только политические дилетанты могут по этому поводу испытывать иллюзии. Жестко столкнувшись с методами «цветных революций» на практике, зная о них не понаслышке, намерен подтвердить свою позицию, прежде всего, на примере родной республики — Киргизстана.

Из огня да в полымя...

Как известно, в марте 2005 г. в Киргизстане произошла «тюльпановая революция», под прикрытием и лозунгами которой был совершен государственный переворот¹. Те события обошлись без крови. В силу гуманистических убеждений и приверженности демократическим принципам я отказался — с целью сохранения своей президентской власти — стрелять по толпе, которая, собравшись на центральной площади столицы, готовилась штурмовать Дом правительства. Несмотря на ее агрессивность, она состояла из моих соотечественников. Последним

¹ Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. Алматы, Бишкек, 2005; Б.Акаева. Цветы зла. О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. М.: Международные отношения, 2006; Киргизский переворот. Март–апрель 2005. М.: Европа, 2005.

президентским решением был мой приказ «Не стрелять!». Это позволило тогда избежать кровопролития и гражданской конфронтации. Новая власть во главе с Бакиевым, начавшая свою работу в сравнительно стабильной ситуации, в конечном итоге привела страну к критическому состоянию.

Через пять лет в апреле 2010 г. вспыхнувший в Киргизстане народный бунт — по контрасту с 2005 г. — завершился в Бишкеке кровавой расправой над участниками восстания. Пытавшийся удержаться у власти президент Бакиев отдал изверский приказ стрелять по людям. Погибли более 80 человек. Через пару месяцев — в июне с. г. весь мир содрогнулся, узнав о зловещих кровавых эксцессах на юге республики, за которыми также стояла клика Бакиева. Вследствие межэтнических столкновений там погибли, по имеющейся информации, около двух тысяч человек. Пожары и погромы превратили в руины прекрасные древние города Ош и Джалал-Абад. Сотни тысяч южан лишились крова и имущества, оказались беженцами. Над страной нависла опасность гуманитарной катастрофы, возникла угроза ее территориального распада. На горизонте замаячил призрак гражданской войны.

Ситуация усугублялась возникшим после низложения Бакиева безвластием. Сформированное на волне народного восстания из числа лидеров антибакиевской оппозиции Временное правительство, разогнав прежнее правительство и национальный парламент, являлось по сути дела самозванным нелегитимным органом и действовало волонтеристски, вне конституционного поля. В политическом обиходе такие правительства называют хунтой. Сосредоточившись на междусобойном дележе власти, ВП оказалось не в состоянии эффективно контролировать ситуацию в стране, предвидеть и предотвращать опасные повороты. Кровопролитие на юге республики во многом вызвано преступным пренебрежением с его стороны наиболее опасных угроз для внутренней стабильности.

По справедливости следует признать, что, как это не раз бывало в нашей истории, от надвигавшегося коллапса Киргизстан спасла Россия. Признав сложившуюся в стране политическую реальность, Москва была вынуждена вступить в контакт с Временным правительством во главе с Р. Отунбаевой, заявить о поддержке предпринимаемых этим правительством шагов по стабилизации обстановки, быстро предоставила республике экономическую

помощь и тем самым предотвратила сползание Киргизстана к краю пропасти. Проявляя присущую нашему народу способность к самовывживанию, свою роль сыграло и само кыргызское общество. Это дало возможность Временному правительству 27 июля провести общенациональный референдум по новой Конституции Киргизской Республики. На 10 октября назначены выборы в новый парламент, важность которых подчеркивается тем, что в свете новой Конституции КР страна превращается в парламентскую республику. Путем референдума на пост президента Киргизстана на срок до конца 2011 г. избрана Р. Отунбаева. Институт президента ныне оказался в республике единственным легитимным органом государственного управления. Другие временные органы власти, в том числе Временное правительство, действуют вне конституционного поля и не располагают надлежащими легитимными рычагами для осуществления своих функций. Внутренняя атмосфера в республике продолжает оставаться сверхнапряженной. Предпосылок для ее коренного перелома пока не видно. Недалеко и от новой беды.

Многие наблюдатели, а также средства массовой информации, сопоставляя происходившие в Киргизстане события в марте 2005 г. и в апреле-июне 2010 г., как правило, рассматривают их по отдельности, в отрыве друг от друга, пытаются найти лишь внешнее сходство, проявляющееся в обоих случаях в массовых народных выступлениях. Такой подход грешит поверхностностью. На самом деле события 2010 г. являются прямым продолжением, связаны общей пуповиной с происшедшими более пяти лет назад достопамятными мартовскими событиями, именуемыми «тюльпановой революцией». У них общие генетические корни. Было бы наивно считать, что «цветные революции» являются кратковременными акциями, прекращающимися после перехода власти в новые руки. Как показывает анализ, идеологи «цветных революций», преследуя далеко идущие цели, заложили в свои сценарии — с учетом интересов стоящих за ними сил — соответствующий алгоритм долгосрочных действий, осуществляющихся в авторежиме. Судя по событиям в Грузии, Украине и Киргизстане, внутривнутриполитическая и социально-экономическая обстановка в этих странах после «цветных революций» подверглась губительной эрозии. Решение основных политических вопросов переносилось на улицу, отдавалось толпе. Демократические институты повсеместно

были резко ослаблены, нарастали автократические тенденции. Произошел раскол внутри политической элиты. Возникла острая борьба за власть между бывшими единомышленниками. Вспыхнули внутренние межрегиональные и межэтнические конфликты. Территориальные проблемы в отношениях с соседями стали перерастать в открытое противостояние, в некоторых случаях дело дошло до применения военной силы. Радикальные перемены наметились в отношениях с Россией, из былых партнерских и союзнических они стали трансформироваться в открыто или скрыто недружелюбные. Это проявилось даже в Киргизстане, народ которого веками связан с российским народом узами искренней дружбы и тесной духовной привязанности. Вряд ли случайно, что эти сходные по характеру явления оказались одинаковыми для всех трех стран, испытавших на себе зловещие превратности «цветных революций».

Деструктивные издержки произошедших революций далеко не ограничиваются упомянутыми выше последствиями. Не менее важны моральные и правовые аспекты. Приход «цветных революционеров» к власти путем организации массовых выступлений, а не на основе упорядоченного демократического волеизъявления электората, порождает пренебрежение традиционными методами борьбы за власть, присущими цивилизованным странам с устоявшимися политическими системами. В итоге, и без того находящееся в возбужденном состоянии общество вносится вирус вседозволенности, правового и политического нигилизма, насаждается представление о возможности волюнтаристского решения кардинальных государственных и политических проблем, была бы лишь кучка авантюристов, способных поднять общество «на дыбы», а также финансовая подпитка, будь то внутренняя криминальная или внешняя в открытой или тайной форме. Можно добавить еще и то, что в затронутых «цветными революциями» странах, как правило, наблюдаются быстро наступающий спад производства, сокращение инвестиций, рост безработицы, ухудшение социальных показателей. Каких-либо новых «точек роста» как предвестников позитивных перемен «революционеры» предложить не в состоянии. Те круги, которые иницируют и подпитывают «цветные революции», брать революционные страны на свое иждивение не собираются. Подкармливается лишь новая элита, что еще больше способствует ее отрыву от народных нужд. На поверхности все

отчетливее становится видно, что на революциях паразитируют определенные силы, взявшие, в частности, курс на передел национальной собственности в пользу новопришельцев во власть. Читатель вправе задать вопрос, не нагнетаю ли я политические страсти вокруг последствий «цветных революций». Интересующиеся легко могут найти ответ в многочисленных информационных материалах на эту тему, в том числе в Интернете. Мои оценки в этом свете являются весьма и весьма сдержанными.

Заокеанские разработчики революционных сценариев для постсоветских стран несомненно являются профессионалами высокой пробы. Они отчетливо понимают пагубные издержки своих детищ, но сознательно закладывают их в долгосрочные революционные схемы, как это делается, например, в компьютерных программах, предназначенных для долгосрочного планирования. Цель заокеанских «революционных» манипуляций состоит, очевидно, в том, чтобы разворошить внутривнутриполитическую ситуацию в постсоветском мире, внести в нее элементы «управляемого хаоса» и тем самым обеспечить реализацию далеко идущих геополитических задач в выгодном для США ключе. Пожалуй, лишь Украине на сегодня удалось в определенной мере выйти из революционной пучины и встать на путь реального преодоления возникших вследствие «оранжевой революции» трудностей. Тяжелым остается положение Грузии. Режим Саакашвили пока держится за счет крупных заокеанских вливаний, политической и моральной поддержки Вашингтона. Но вряд ли в долгосрочном плане это его спасет. «Революция роз» оказалась для Тбилиси фатальной. Потеря Абхазии и Южной Осетии стала слишком дорогой ценой за революционную авантюру. Наихудшее положение, пожалуй, сложилось в Киргизстане. Страна попала «из огня да в полымя». Единственная надежда остается на дружественную всестороннюю помощь со стороны России и наших соседей по региону. Некоторые возлагают какие-то надежды на помощь США. Перефразируя известную поговорку, скажу: «Бойтесь американцев, дары приносящих». Нам сполна хватит их «тюльпановой революции».

Откуда растут ноги?

Несмотря на то, что проблема «цветных революций» в научном и практическом плане представляет исключительный интерес, сколько-либо

крупных теоретических исследований, до сих пор не появилось. Дело не в том, что эта тема «обжигает руки», но и в полной закрытости ее истоков. В числе разработчиков «цветных» революционных сценариев, как правило, называются американские Международный республиканский институт, Национальный демократический институт, Национальный фонд поддержки демократии, Институт Альберта Эйнштейна и др. Вряд ли кто-то сомневается, что в действительности за их плечами стоят спецслужбы США, умело использующие в качестве «крыши» вышеуказанные фонды. От манипуляций спецслужб, похоже, не удержался и Фонд Дж. Сороса «Открытое общество», который грязно наследил практически во всех «цветных революциях». Активным участником в этом деле, если не вдохновителем, является Госдепартамент США, использующий в «революционных» целях американские посольства в постсоветских странах. Это я испытал на собственном опыте в Киргизстане. Тем самым становится очевидной роль правительства США, которое поощряет и направляет в данной сфере деятельность как правительственных, так и неправительственных учреждений США. Летом нынешнего года международной группе хакеров «Вилкикс» удалось, например, взломать секретные файлы с более чем 70 тысячами разоблачительных материалов, касающихся американских военных операций в Афганистане. Секреты же относительно «цветных революций» хранятся в США намного надежнее, чем это делается в Пентагоне. Но когда-то и до них дойдет очередь.

Считается, что теоретические и практические основы «цветных революций» были заложены 17 лет назад американским исследователем Джином Шарпом². Он ориентировал демократическую оппозицию в тех странах, где она испытывает трудности, на отказ от ставших привычными легальных методов борьбы, взяв курс на организацию массового политического неповиновения властям. Американец предложил тактику и стратегию оппозиционных действий в борьбе с тоталитаризмом путем мобилизации в этих целях различных слоев населения, вплоть до армии и полиции. «Принципы Шарпа» были дополнены в соответствующих американских кругах линией на щедрую внешнюю поддержку оппозиционных движений в постсоветском мире. В одном из докладов Госдепартамента

² Джин Шарп. От диктатуры и демократии. Концептуальные основы освобождения. Бангкок, 1993.

США говорилось о том, что на «развитие демократии» в мире в 2006 г. США потратили гигантскую сумму в 1,2 млрд долларов, причем больше половины этих средств пошло на Россию и другие страны СНГ, в том числе на Центральную Азию.

Затрону еще одну важную тему, связанную, так или иначе, с «цветными революциями». Их нельзя рассматривать в отрыве от общих тенденций в вопросах войны и мира. Международная политическая практика никогда не стояла на месте, перманентно развиваясь и адаптируясь к складывающимся реалиям. С присущей известному американскому дипломату Генри Киссинджеру обстоятельностью он отразил это в своих фундаментальных трудах³. Читать его толстые книги нелегко, но поучительно. В одной из своих работ⁴ в указанном контексте я обратил внимание на следующие обстоятельства.

Линия на силовое вмешательство в дела других государств для продвижения собственных интересов в XX веке считалась чуть ли не естественным правом великих держав. В годы «холодной войны» США и СССР не отставали друг от друга в расширении зон своего влияния, в использовании в этих целях военной силы, методов политического контроля и идеологического влияния. После распада Советского Союза американские возможности по диверсификации методов внешнего влияния заметно расширились. Практика односторонних и групповых силовых акций была дополнена механизмом «гуманитарных интервенций», к которому подверствовалась концепция «ограниченного суверенитета». Характерно, что концепция «гуманитарных интервенций» была даже легитимизирована Организацией Объединенных Наций.

В обоих случаях — односторонних и групповых силовых акций, а также «гуманитарных интервенций» — достижение намеченных целей требует осуществления весьма дорогостоящих массированных военных акций с приведением в действие вооруженных контингентов на односторонней или коалиционной основе. Все это сопровождается бомбардировками, наземными операциями, массовой гибелью военнослужащих и гражданского населения, большими материальными разрушениями, а также элементами

³ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997; Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.

⁴ Акаев А. Киргизстан: сбылись ли ожидания? М.: Свободная мысль. № 2, 2010.

падения морали, роста в мире политического и нравственного цинизма. Мировое сообщество в той его части, которая не вовлечена в соответствующие акции и воинственную риторику, на каждый случай внешнего вмешательства в дела суверенных государств реагирует, как правило, весьма негативно. Это отчетливо проявилось в вопросе об американском вторжении в Ирак. Исключением стала, пожалуй, лишь афганская антитеррористическая кампания в конце 2001 г., которая приобрела тогда широкое международное измерение и глобальную поддержку. В наши дни на войну в Афганистане и Ираке мир стал смотреть другими глазами. В обоих случаях дело пришло к полному краху военных акций США и их союзников с тяжкими глобальными последствиями в борьбе с международным терроризмом и афганским наркотрафиком. Велика при этом вероятность возвращения к господству в Афганистане сил средневекового клерикального типа.

На данном мрачном фоне технология «цветных революций», которая призвана при достижении определенных целей обходиться без военных акций, человеческих жертв и материальных разрушений, выглядит чуть ли не изящно. Первой практической проверкой новой международной политтехнологии можно, пожалуй, считать события, происшедшие в конце 2000 г. в Югославии, которые завершились отставкой президента С. Милошевича и приходом к власти оппозиции. Эта политтехнология получила название «бархатной революции», похоже, по аналогии с лозунгами, под которыми проходили события в Чехословакии в начале 90-х годов. Достаточно откровенно о подоплеке югославских событий рассказал известный американский журналист М. Доббс: «Проводимый в октябре 1999 г. за закрытыми дверями в роскошном отеле в столице Венгрии Будапеште брифинг демократа Шоена (американский эксперт по предвыборным технологиям. — А. А.) должен был быть своего рода начальным событием, ведущим к революции через выборы, которые привели к падению Милошевича год спустя. Он также обозначил начало экстраординарной попытки США свергнуть главу иностранного государства, но не через тайную операцию ЦРУ, когда-то использованную в таких местах, как Иран или Гватемала, а через технологию современной выборной кампании»⁵.

Через три года после югославских событий другой американский журналист П. Бейкер

опубликовал материал «Сербы научили грузин, как совершать “бархатную революцию”». Американский журналист пишет: «Бескровная “бархатная революция”, завершившаяся отставкой президента Э. Шеварнадзе, проходила на улицах Тбилиси, но черпала вдохновение в событиях, которые происходили ранее на улицах Белграда... Грузины приняли на вооружение даже лозунги сербского восстания. Лидеры грузинской оппозиции ездили в Белград для того, чтобы набраться опыта. Их сербские коллеги в свою очередь приезжали в Тбилиси. Тысячи грузин были обучены методам, которые были в свое время применены в Белграде»⁶.

В одном из опубликованных в декабре 2003 г. материалов в российском журнале «Эксперт» был подзаголовок «Буревестник Майлз». Речь идет о после США в Грузии, который в те годы считался лучшим американским специалистом по «смене режимов». До Грузии Р. Майлз побывал послом своей страны в Азербайджане, Югославии и Болгарии. Наблюдатели указывают, что одним из его первых шагов в 1996 г. в Югославии стало налаживание контактов с сербской оппозицией, в частности студенческой организацией «Отпор». Именно она в 2003 г. консультировала активистов грузинской студенческой организации «Кмара!», прославившейся в дни «бархатной революции» в Тбилиси своим экстремизмом. По контрасту с дорогостоящими военными операциями, обходящимися государственной казне в сотни миллиардов долларов, «бархатная революция» в Югославии, по имеющимся сведениям, стоила лишь около 40 млн долларов, а в Грузии по крайней мере вдвое меньше. В Киргизстане, судя по всему, «тюльпановая революция» оказалась самой дешевой: технология была отработана ранее и проверена в деле, местные расходы — ниже.

Правомерность аналитического обобщения событий в Грузии, Украине и Киргизстане связана, прежде всего, с тем, что эта «тройня» вышла из общей советской материнской утробы. Сами события связаны генетически еще и тем, что осуществлялись по сценариям из одного и того же заокеанского центра. Попытки представить дело так, что в основе «тюльпановой революции» лежали лишь национальные корни, совершенно несостоятельны. Явно проглядывают заокеанские «уши». Характерно, что в Вашингтон были заранее приглашены лидеры киргизской оппозиции и речь там шла, разумеется, не

⁵ The Washington Post. 11.12.2000.

⁶ The Washington Post. 23.11.2003.

о тьянь-шанских туристических достопримечательностях. Группа оппозиционных активистов из Киргизстана побывала в Грузии и Украине с целью ознакомления с «революционным» опытом. Из центра Европы через Украину и Грузию новая политтехнология по эстафете перекинулась в Центральную Азию.

Можно ли избежать «цветной» опасности?

После мартовской 2005 г. «тюльпановой революции» в своих выступлениях в средствах массовой информации я не отрицал, что предпосылки для перемен в Киргизстане в духе «цветных революций» имелись хотя бы потому, что соответствующая технология работает в странах, прошедших первый этап демократических реформ. Там уже разрыхлена почва для дальнейшего поступательного развития демократии и вывода таких стран в обозримые сроки на базисный уровень народовластия. В республике не было цензуры. Свободно действовали оппозиционные партии непримиримого толка и СМИ, не только не скрывавшие, но и кичившиеся своей антиправительственной линией. Существовало около 5000 неправительственных организаций (одна НПО на тысячу жителей!), многие из которых открыто финансировались из зарубежных источников. В условиях почти неограниченной свободы в республике функционировал филиал американского «Фридом Хаус», вокруг которого концентрировалась непримиримая оппозиция. Уровень демократического развития в Киргизстане был неоспоримо выше, чем в других центральноазиатских странах. Если бы в республике было авторитарное правление, то взрыв рассыпались бы любые попытки реализовать цветные революционные технологии. В тех условиях наши проблемы т.н. авторитаризма раздувались искусственно, полезней было бы говорить о необходимости укреплять и совершенствовать демократию. Несмотря на это, за океаном в отношении Киргизстана был выбран экстремистский вариант свержения существующего режима. Посеявшие в марте 2005 г. ветер через пять лет — в 2010 г. пожали губительную кровавую бурю. Такова цена «тюльпановой революции». Произошедшие на постсоветском пространстве в 2003–2005 годах «цветные революции» в Грузии, Украине и Киргизстане, обошедшиеся без крови, осуществлялись путем силового давления на власть. Сотысячные толпы

агрессивно настроенных людей на столичных улицах и площадях — это оружие, которое по своей эффективности превосходит танки и спецназ. Августовские события 1991 г. в Москве служат тому убедительным подтверждением.

Возвращаясь мысленно к своим собственным действиям в марте 2005 г., задаюсь вопросом, могли ли я, как президент, остановить накатывающуюся «революционную» волну. Да, мог. Для этого, прежде всего, нужно было остановить на одном из горных перевалов рвущуюся в столицу воинственно настроенную лавину южан, среди которых ударная роль предназначалась группе боевиков, нанятых криминальными авторитетами и наркобаронами. В самой столице — ввести войска, взять под контроль комплекс правительственных зданий и другие стратегические объекты. Силы правопорядка, спецслужбы, части Национальной гвардии, несомненно, выступили бы на стороне президента. В чрезвычайных условиях я, как президент, имел конституционное право применить оружие. Но для этого нужно было бы изменить сложившимся у меня с юности гуманистическим убеждениям, зачеркнуть все то, что было мной сделано в республике по демократическому переустройству жизни, поступиться собственным добрым именем и высоким имиджем республики в мировом сообществе. Моим последним президентским решением был приказ «Не стрелять!». Я считал, что даже капля пролитой крови моих соотечественников не стоит власти. Киргизский народ после кровавой бойни, учиненной Бакиевым весной–летом 2010 г., стал хорошо понимать мотивы моего поведения в те мартовские дни, о чем свидетельствует нарастающая ныне волна сигналов поддержки с родной земли в мой адрес. Отвечать на охлократическую силу толпы применением оружия, хотя таким путем можно сохранить власть, это плохая политика. На подобный путь я не встал и другим не советую.

Революционная мысль не дремлет...

Лейбл «цветные революции» к событиям, происшедшим в 2003–2005 годах в Грузии, Украине и Киргизстане, похоже, приклеился прочно. Это удобно для практического использования. Однако применение революционной терминологии к указанным событиям вряд ли является оправданным. Тем самым возвеличивается их значение, и они ставятся по существу вровень

с социальными революциями прошлого, такими как Французская революция 1848 г., Октябрьская революция 1917 г. в России, революция 1949 г. в Китае, а также революция 1991 г. в Советском Союзе и т. д. При множественности теоретических построений относительно революционных процессов наиболее точным мне представляется понимание революции как скачкообразного перехода социальной системы, находящейся в возбужденном состоянии, в иное качественное состояние. При таком толковании, близком к марксистско-ленинским взглядам, революционным может считаться процесс, который ведет к системным переменам. Новоявленные же «цветные революции» во главу угла ставят далеко не системные перемены, а лишь утилитарные цели борьбы за власть, перехода ее к группам, не удовлетворившим свои политические и финансовые амбиции в сложившихся ранее условиях, преследующим собственные, преимущественно корыстные, цели. Перемены, происходящие на подобной основе, было бы ошибочно признавать революционными, облагораживая революционной символикой имидж их инициаторов и организаторов. Их характерной особенностью является опора не на идеи, не на сознательное творчество масс, а на целенаправленное разжигание в обществе деструктивных мятежных настроений, безответственные посулы обеспечить быстрые перемены в жизни людей к лучшему.

По сути дела «цветные революции» в Грузии, Украине и Киргизстане были государственными переворотами со всеми присущими таким явлениям особенностями. Бакиев, пришедший к власти в Бишкеке в 2005 г. путем государственного переворота, на самом деле не был ни демократом, ни революционером, хотя эти ипостаси ему угодливо приписывали заокеанские круги, которые подталкивали и направляли его авантюристические действия. Перевод Бакиевым революционных стрелок на ханский азимут — тому прямое подтверждение. Ханство средневекового типа в Центральной Азии стало бы настоящим притонном для «бородатых», позволило бы сомкнуть ряды действующих в регионе исламских экстремистов (Аль-Кайеда, Талибан, Исламское движение Узбекистана, Хизб-ут-Тахрир и др.) в единый фронт. Дело явно шло к тому, что огромный, важнейший в стратегическом плане евразийский регион был бы выбит с современной колеи развития, вернувшись во времена средневековья. Появились поистине сенсационные разоблачи-

тельные материалы⁷ о силах, которые стояли за «оранжевой революцией» в Украине. Они убедительно свидетельствуют о том, что действия Ющенко как главного «оранжиста» направлялись идеями и усилиями «коричневых» националистических групп, действующих в рамках неизвестной Организации украинских националистов. ОУН, как известно, была создана тесно сотрудничавшим с нацистами С. Бандерой. Через десятилетия кровавые бандеровские руки с помощью американки К. Чумаченко, ставшей женой украинского политика В. Ющенко, дотянулись до политической жизни Украины. Коричневый и оранжевые цвета в клане Ющенко родственно сомкнулись.

О «цветных революциях» в «тройке» Грузия, Украина и Киргизстан написано много, они проанализированы «вкривь и вкось». Складывается впечатление, что остальные постсоветские страны оказались чуть ли не в стороне от «революционного» процесса. Между тем политическая жизнь в них не стояла на месте, развивалась по не менее острым и жестким сценариям, чем в странах, попавших в «революционные» жернова. Появились сведения, например, о том, что «были попытки политических переворотов в Белоруссии, Азербайджане, Узбекистане, России, но они оказались неудачными»⁸. В случае с Узбекистаном речь идет об андижанских событиях в мае 2005 г., а в Азербайджане — о предпринятой в ноябре 2005 г. попытке оппозиционной группы внутри правительства, используя парламентские выборы, существенно ограничить полномочия нового президента Ильхама Алиева, перехватить у него власть в свою пользу. К этому можно добавить события, связанные с борьбой за власть в Армении и Молдавии. Стремление раскатать власть наблюдалось в последнее десятилетие — с разной степенью успеха — практически во всех постсоветских странах.

Вожделенной целью предпринятых попыток была и остается Россия. Американский исследователь А. Коэн из «мозгового центра «Херитидж Фаундейшн», например, считает: «Кое-кто в США все еще смотрит на Россию как на прирожденную империю зла, несмотря на неоднократные заявления ее лидеров о том, что Россия не заинтересована в воссоздании Советского

⁷ Крашенинникова В., Росс А. Пушки августа. Нацисты, НАТО и цветные революции. М.: Политический класс, 2009. № 8–9.

⁸ Зуев В. Украина и «цветные революции». Лефт.ру Краматорск, 5.01.09.

Союза и не имеет для этого ни силы, ни финансов, ни причин. В некоторых кругах можно услышать заявления в том роде, что «мы так любим Россию, что желали бы видеть несколько России». Они мечтают о распаде России на несколько регионов»⁹. Данная линия при привычном словоблудии официальных документов прослеживается и в американских правительственных директивах. В Стратегии национальной безопасности США (СНБ-2006) указывается: «Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддерживать демократические движения в любой стране и культуре... Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств»¹⁰. Кем управляемых? Ответ очевиден. Администрация Обамы несколько смягчила стратегические установки относительно роли США в распространении демократии в мире, но суть их остается прежней.

Вашингтон последние 5–7 лет попробовал на прочность практически все постсоветские страны. Результат получился, мягко выражаясь, сомнительным. Но это лишь начало. Похоже, что курс на «цветные революции» Соединенными Штатами взят надолго. Считать, что революционная волна пошла на убыль, было бы пока преждевременно. Это лишь тайм-аут. Отдельные первичные неудачи американцев никогда не останавливали. Американские идеологи не могут вместе с тем не учитывать, что постреволюционный негативный поворот дел в «тройке» Грузия, Украина и Киргизстан в высшей степени встревожил постсоветскую политическую элиту, которая вынуждена в целях сохранения стабильности и действующей системы власти осуществлять превентивные действия против применяемых Вашингтоном в постсоветском мире методов давления. Это означает, что «мозговые центры» и спецслужбы США постараются пересмотреть старые, отслужившие свой век «революционные» методы, позаботиться о внедрении новых способов распространения демократии, лучше адаптированных к изменившимся условиям. Вашингтонские «революционеры» своего не упустят.

Не время для благодушия...

«Цветные революции» в Грузии, Украине и Киргизстане вряд ли оправдали надежды их заокеанских вдохновителей и организаторов. В Украине и Киргизстане не произошел переход на развитие демократии по сценариям «made in USA». Более того, «тюльпановый главарь» Бакиев повернул дело в противоположную от демократии сторону. Вашингтон, похоже, еще не потерял веру лишь в Грузию, продолжает подкупать там политическую элиту, делает крупные вливания в модернизацию грузинских вооруженных сил, поддерживает «на плаву» экономику этой страны. Однако позиции М. Саакашвили продолжают оставаться шаткими, заокеанские подпорки не спасают. Вряд ли этот режим долго удержится у власти. И самое главное. Революционная волна 2003–2005 годов не оторвала постсоветские страны от России, о чем, похоже, в первую очередь мечтали заокеанские революционные идеологи. Нельзя, однако, констатировать и прямо противоположное. Ущерб все же нанесен. Предстоит длительный курс политического врачевания, чтобы залечить нанесенные революционные раны.

Что дальше? Первый раунд постсоветских «цветных революций» ориентировался, по всей видимости, на методы политического «блицкрига» с целью быстрого взятия власти на основе лежащих на поверхности поводов, таких, как итоги парламентских и президентских выборов. В условиях, когда после выборов массовый политический пыл электората еще не остыл, в него вносился вирус воинственного протеста, адресованный государственной власти. Остальное довершали агрессивные антиправительственные манифестации с неизбежными эксцессами. Их губительные последствия в Киргизстане испытали в полной мере. В цветном революционном арсенале этот метод, прошедший тестирование на практике, несомненно, сохранится. Он будет, по-видимому, использоваться в тех случаях, когда соответствующие американские центры сочтут это необходимым. В то же время в Вашингтоне не могут не осознавать, что против «цветных революций» типа 2003–2005 годов в постсоветском мире выработаны превентивные механизмы, возникли защитные реакции. Наученные горьким опытом правительства вряд ли в последующем допустят по итогам выборов вспышки инициируемой извне революционной стихии. В этом свете следует предвидеть, что в

⁹ Cohen A. Competition over Eurasia: Are the U.S. and Russia on a Collision Course?// <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/hl901>

¹⁰ The National Security Strategy: March 2006 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/index.html>

запасе у Вашингтона есть и другие методы достижения подрывных целей на постсоветском пространстве.

В мировой политической практике помимо одномоментных революционных или псевдореволюционных акций существуют методы длительной осады, способы ползучего насаждения тех целей, реализации которых добиваются те или иные силы на определенных исторических этапах. Фигурально выражаясь, это линия на длительное раскачивание политической лодки, приводящая, в конечном счете, к достижению намеченного результата. Мотивов для «ползучей революции» в каждой постсоветской стране, большинство из которых еще не достигли надлежащей политической и социально-экономической стабильности, можно найти превеликое множество. «Ползучие» методы можно легко вписать и в выборные дела. Ожидаемый исход выборов достигается при этом путем систематического непрекращающегося общественного давления на власть, а при исчерпании этого ресурса — массовыми антиправительственными выступлениями под революционными лозунгами. Помимо выборов среди поводов для «ползучих» акций можно также назвать неоправданные меры правительства по повышению налогов, цен на продукты питания и лекарства, тарифов на коммунальные услуги и др., затрагивающие интересы основной части общества. Апрельское народное восстание в Киргизстане, низвергнувшее режим Бакиева, в существенной мере вызывалось и этими факторами. Все более возрастает роль проблем экологии, охраны окружающей среды, обеспечения безопасности населения, работы правоохранительных органов, заботы о сооружениях, связанных с исторической памятью народа, и т. д. Каждую из этих проблем, независимо от их локальной, региональной или общенациональной значимости, можно использовать как предлог для возбуждения антиправительственных настроений с приданием им ползучего революционного характера. Оппозиция, будь то правая, левая или центристская, ждет лишь случая, чтобы использовать возникающие на том или ином этапе подобные факторы в своих целях.

Пример Киргизстана показывает, какую важность приобретает в современных условиях вопрос о межрегиональных и межэтнических отношениях. В последнее время в связи с особой позицией мэра южной столицы республики г. Оша Мырзакматова с новой силой вспыхнул, например, вопрос о межрегиональных

отношениях по линии Север–Юг, несущий в себе угрозу раскола страны. В ряде постсоветских стран в центр общественного внимания выходит также вопрос о межконфессиональных отношениях, способный в случае непродуманных действий в этой области со стороны государства послужить «гремучей смесью».

Подобно фитилю у бочки с порохом действует несоразмерная воинственность со стороны государства в отношении мирных манифестаций, какими бы внешне агрессивными они ревнителям порядка ни представлялись. Угрозы, подобные тем, которые, будучи президентом, не раз высказывал Бакиев («в случае необходимости я сам возьму в руки автомат»), заранее готовят общество к ответным насильственным действиям против власти, что и произошло в нынешнем году в Киргизстане. Нельзя при этом не подчеркнуть, что «ползучие» революционные сценарии могут опираться на современные информационные технологии типа «флэш моб». Подобным путем можно, например, сомкнуть локальные и региональные оппозиционные выступления в акции общенационального характера, особенно если в них непосредственно втянуты оппозиционные силы, базирующиеся в столицах. Очевидно, что при реализации «ползучих» (сетевых) революционных проектов существенно повысится роль средств массовой информации.

Какими бы «цветные революции» ни были, одноактными или ползучими, в их фундаменте неоспоримо лежит курс на насилие, линия на недемократические методы решения вопроса о власти. Не опоры на деятельность легальных политических партий, институтов гражданского общества и иных общественных движений, а выведение в центр событий охлократической власти толпы, не поддающейся практически никакому контролю. Удивительно, что заокеанские блюстители демократии, кичащиеся приверженностью ее принципам, подводят под политическую жизнь постсоветских стран — в фальшивых заботах об их интересах — взрывоопасную мину долгосрочного негативного воздействия. Краткосрочные интересы США при этом возводятся в абсолют. Откровенно скажу, что не для того бывшие союзные республики в составе СССР боролись за суверенитет, чтобы в новых условиях, пользуясь свалившимися на них временными трудностями, им начали высокомерно диктовать свою волю из-за океана, из находящегося за многие тысячи верст Вашингтона, навязывая чуждые евразийским народам американские порядки.

Над проблемами развития демократии я как ученый, государственный и политический деятель размышляю уже давно. Мои мысли на эту тему изложены в ряде книг¹¹. Главным выводом стал тезис о том, что нет и не может быть универсальной формулы демократии, одинаково применимой ко всем временам, странам и народам. Каждый народ сам выбирает путь демократического развития, своего рода «путь к Храму». В некоторых российских общественно-политических кругах появилось понятие «суверенная демократия». Мои взгляды близки к этой концепции. В своих размышлениях прихожу далее к выводу о том, что в ходе исторического процесса, видимо, будет происходить процесс конвергенции, последовательно приближающей нас к тому, что порой называется «идеальным вариантом». Вариантом многообразия, но не нивелирования. У каждого народа, у каждой цивилизации есть непреходящие духовные, моральные и нравственные ценности, которые надо не только беречь, но и приумножать во имя сохранения в мире культурного многоцветия. Нельзя допускать в духовной жизни монополии ни Запада, ни Востока, ни отдельных частей Запада, ни отдельных частей Востока. Иначе духовное и культурное богатство малых стран бесследно сторит в схватке мировых великанов за монопольное положение. В конечном счете, я пришел к выводу о неизбежности развития в историческом плане процесса многосторонней демократической конвергенции, при которой в этой области будет происходить взаимное обогащение демократическими ценностями. Подчеркиваю — взаимное обогащение.

В историческом контексте страны Центральной Азии и Россия совсем недавно встали на путь развития демократии. Их многовековая культура на равных вошла в мировую духовную сокровищницу. Они вносят ныне весомый вклад в мировой демократический процесс. Этот вклад, в чем я уверен, будет стоять вровень с их многовековым духовным и культурным наследием. Хотя аналогии порой и рискованны, но все же в подтверждение высказанных выше мыслей попытаюсь к этому методу прибегнуть. Человек, прежде чем достичь гражданской зрелости, проходит через этапы детства, отрочества, юности и взросления. Нечто схожее

можно проследить и в социальных системах. С точки зрения развития демократии центрально-азиатские общественно-политические системы ныне находятся на границе между юностью и взрослением. Дайте время, не подталкивайте их силой к торопливым шагам, к спешке, к смутам и неурядице. Тогда мы намного быстрее получим на центральноазиатском пространстве зрелое гражданское общество. Тяга к идеалу всегда и для всех народов была стимулом прогресса, хотя в понятие «идеал» вкладывается разное понимание. Демократический идеал в этом плане понимается более единообразно. Тяга к нему будет со временем возрастать, в чем я уверен.

Заключение

США и страны Западной Европы пережили в своей истории крупные внутренние гражданские неурядицы, революционные потрясения и разрушительные войны, в которые в XX веке был втянут весь мир. Однако своего нынешнего благополучия и процветания они достигли на путях эволюционного развития, в котором революционное влияние проявлялось лишь в научно-техническом и информационном аспектах. В связях этих стран с постсоветским миром есть множество рычагов, с помощью которых они могут помочь молодым государствам, возникшим после распада СССР, вступить на путь устойчивого прогресса, используя имеющейся у них позитивный опыт эволюционного развития, будь то в сфере демократии, в политической, социально-экономической и других областях. Эволюционный путь требует времени, но зато обходится без ломки, без нанесения ущерба интересам народов, активно вовлеченных в перестройку своей жизни. Замечу, что перестройка, которой М. Горбачев придавал революционный характер, сопровождавшаяся к тому же линией на ускорение, по существу погубила СССР. Постсоветскую перестройку путем инициирования «цветных революций» по чужеземным сценариям ныне странам СНГ пытаются навязать из-за океана. Пагубность этих попыток со всей очевидностью проявилась в Грузии, Украине и Киргизстане. Необходимость поставить жесткую преграду этой линии Вашингтона становится императивом. Явный крах совершенных под знаменами демократии американских военных интервенций в Ираке и Афганистане, дискредитация «цветных революций» на постсоветском

¹¹ Акаев А. Трудная дорога к демократии. М.: Международные отношения, 2002; Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М.: Международные отношения, 2004.

пространстве, казалось бы, должны образовать Пентагон, Госдеп, ЦРУ, многочисленные фонды и «мозговые центры» США, отвратить их от абсолютизации силы в международных отношениях, повернуть, наконец, лицом к эволюционным мирным подходам. Думается, что происходящее ныне коренное изменение соотношения сил в мире, явное ослабление политических и экономических позиций Вашингтона, морального

авторитета США и — по контрасту — укрепление влияния России, Пекина, стран БРИК заставят заокеанских идеологов, в конечном счете, отказаться от милитаристского менталитета в пользу подлинно демократических методов. Отказ от идеологии и практики «цветных революций» был бы уверенным шагом в правильном направлении.

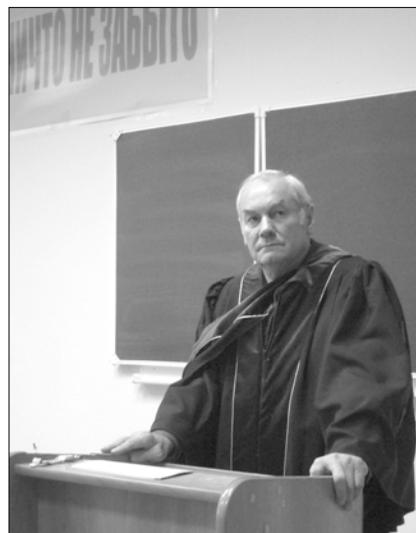
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Платонов Ю. П. Геополитика в паутине технологий власти. М.: Речь, 2010. — 608 с.

Эта книга посвящена геополитическим аспектам власти. Автор раскрывает суть тех «кратий», которые являются наиболее выраженными инструментами геополитики на сегодняшний день. Кроме того, особое внимание уделяется геополитическим реалиям, которыми живут современная Россия и ее ближайшие соседи. Анализируя процессы глобализации и учитывая демографические показатели, автор приводит ряд прогнозов, касающихся расстановки политических сил в будущем.

ИВАШОВ Л. Г. РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА

Геополитическая ситуация начала XXI столетия

То, что происходит в современном мире, трудно обозначить какой-то одной традиционной фразой. Слишком сложны и многообразны происходящие события, совершенно не очевидны перспективы развития человечества, да и тенденции развития проступают довольно туманно в своем многообразии и противоречивости. С одной стороны, отчетливо проявляют себя законы, закономерности и субъекты традиционной геополитики, теории и концепции которой определяли международную ситуацию и историю XX столетия. Но с другой — возникли и обрели политическую силу субъекты мировых процессов, которые не могут быть адекватно описаны классической геополитикой. Это, прежде всего, транснациональные глобальные сообщества, пытающиеся подмять под себя народы, государства, мировые и локальные цивилизации и навязывающие человечеству свое понимание мироустройства, смысла жизни, целей развития. Они обуздали объективные процессы глобализации в своих интересах, принуждают служить им не только людей, но и природу, ближний космос, океанские глубины, накопленный и вновь обретаемый человечеством интеллект. Они формируют новый миропорядок под себя, свою мировую власть, под свои интересы и прибыли. Цель их: создание единого планетарного пространства, подконтрольного мировой финансовой элите. Формулой глобальной власти провозглашен контроль над ключевыми районами мира, стратегическими коммуникаци-

ями, важнейшими ресурсами планеты. Стратегия действий — столкновение цивилизаций, военное подавление несогласных, создание потенциала абсолютного военного превосходства, финансово-криминальный контроль за правящими элитами всех стран мира. Главным инструментом нового мирового порядка выступают деньги, американский доллар, прежде всего. Ситуация, сопутствующая достижению цели, — глобальный системный кризис, мировой хаос.

С таким миропорядком не соглашаются ни народы современного мира, ни природа. Однако организованного сопротивления со стороны мировых держав и этно-культурных цивилизаций надвигающемуся новому мировому порядку не прочтывается. Наблюдаются лишь хаотичное, партизанского типа, сопротивление, прежде всего со стороны фундаментального ислама, России, национальных организаций, лидеров ряда стран (У. Чавес, Ахмадинежад, М. Каддафи, ранее С. Милошевич и С. Хусейн). Но такие действия немедленно объявляются терроризмом, подавляются международными силами, или берутся под контроль западными спецслужбами. Во что выльются эти попытки создать глобальное государство денег, прогнозировать трудно. Но, что очевидно, так это острая потребность в мировом интеллектуально-духовном лидере человечества в лице не просто отдельного государства, но мировой цивилизации.

Далее: известные исторические архетипы человека, опять же, не поддаются проецированию на формирующееся сегодня человеческое сообщество. Возникает нечто необычное,

мутационное: стадные социальные организации, но, наряду с инстинктами животного мира, несущие в себе принципы жизни, отличные от законов живой природы.

Человек маргинального типа, бездумный, пораженный не естественными инстинктами и не божественными принципами жизни, идет на смену homo sapiens. Каким сформируется новый архетип, сказать не берусь. Можно лишь уловить тенденцию: этот тип человека не будет ни героическим, ни аскетическим, ни мессианским, ни гуманистическим, ни человеком-личностью. И этот индивид — потребитель всего сущего на Земле, как ни печально, идет с Запада, распространяясь, как эпидемия по планете. И, естественно, возникает потребность в новом архетипе человека, сочетающего в себе качества высокой духовности, гуманистических начал, принципов совести и справедливости, выдающегося интеллекта, основанного на понимании материального и метафизического миров.

Сегодня к управлению странами и народами, цивилизациями и историческими процессами приходят элиты с ограниченной узостью мышления, самыми низменными нечеловеческими инстинктами, не способные не только управлять сложными системами, но и не понимающие смысла этого управления, совершенно не обладающие методами геополитического анализа и стратегического планирования. Но они просто пешки в большой игре глобальных сил. Их приводят к мнимой власти, чтобы создать иллюзию демократии, порядка и заботы о своих народах. Европейский исследователь геополитики И. Рамоне пишет: «Колоссальный беспорядок все смешал в геополитической расстановке сил после «холодной войны». Каждый ищет смысла, каждый хочет понять, ЧТО ПРОИСХОДИТ»¹. Реальной глобальной силой, навязывающей человечеству вектор развития мировых процессов, становится сеть мафиозного типа теневых структур, таких как международная финансовая олигархия, наркомафия (с годовым оборотом наркотиков порядка 1 трлн долларов), торговло-посреднические ТНК, подпольные структуры торговцев живым товаром (дети, проститутки, жертвы изъятых человеческих органов), торговцы оружием, частные военные корпорации, сеть масонских лож и пр. Сложилась ситуация, когда все народы мира живут в состоянии тревоги (и паники), не видят своего определенного

будущего, не чувствуют себя в безопасности. И, при этом, не видят (за редким исключением) явного своего противника. И все эти явления жизни народы мира справедливо связывают с цивилизацией Запада.

Человеческий и природный потенциалы используются вышеописанными силами не во благо развития всего человечества, а для безумной власти над миром антисоциальной касты людей. С целью установления мирового господства в полной мере используется мощь Америки, Западной Европы, обретает глобальные функции блок НАТО, втайне создаются новые виды оружия массового поражения, такие как климатическое, психотронное, генетическое.

Духовная сторона жизни постепенно уходит из ареала западного человека, настойчиво внедряется универсальная мировая религия, где понятие Бога подменяется верой в человека — гуру, в «богоизбранный» народ, распятие Христа — Холокостом, церковь — сектами, библия — наставлением по саентологии, нью-эйдж и др. Католическая церковь, как и все западное христианство, переживает острейший морально-этический кризис. Духовная сторона жизни западного мира стремительно деградирует. Но, вместе с тем, продолжаются попытки навязать именно западный образ жизни всему человечеству. Международные организации, и прежде всего ООН, искусственно дискредитируются, утверждаются в неспособности решать мировые проблемы. И все это происходит на фоне нарастающего социального расслоения: с одной стороны растет число сверхбогатых людей, с другой — четверть населения планеты живет за чертой бедности. Разрыв этот постоянно увеличивается, что формирует глобальное поле социальной напряженности.

Человечество, через создание ситуации хаоса, непреодолимых страданий, чувства безысходности, подводится к мысли о создании единого органа мировой власти, наделенного глобальными диктаторскими полномочиями. Сегодня эта теневая сила претендует на роль главного субъекта мировых исторических процессов. Государства, и даже союзы государств, противостоять теневоу монстру не в состоянии, а их правящие элиты (в силу своей неадекватности вызовам и низким морально-деловых качеств) становятся легкой добычей глобальной сети финансового капитала, криминальных структур и идеологии нового миропорядка. Востребован новый тип элиты: геополитически ответственной и

¹ Рамоне И. Геополитика хаоса. Пер. с французского. М., ТЕИС, 2001. С. 12.

глубоко понимающей суть происходящих мировых событий; элиты, способной остановить разрушительные процессы, восстановить гармонию с природой, предложить новую философию и смысл жизни и сохранить человеческую цивилизацию. Российское интеллектуальное сообщество пока сохраняет потенциал лидерства в этом важнейшем вопросе будущего.

Субъекты мировых исторических процессов

Каково сегодня соотношение глобальных мировых сил на планете и каковы перспективы развития планетарной ситуации? Формальный геополитический статус субъекта № 1 принадлежит США. Самая мощная экономика мира, ни с кем не сравнимая военная мощь, фундамент мировой финансовой системы, передовые технологии, сеть военных баз и ТНК, место постоянного члена СБ ООН. К этому надо добавить геополитическую идею, нацеленную на мировое доминирование и сформировавшую в течение столетия мировоззрение политических элит. Непокколебимая воля по достижению главной геополитической цели позволяет глобальным теневым силам формировать через Америку глобальную повестку дня, разворачивать мировую политику и экономику в сторону своих интересов, обеспечивать высокий уровень безопасности и безнаказанности, сдерживать развитие конкурентов, уничтожать противостоящие им народы и государства. Но США (прежде всего часть англо-саксонской элиты) находятся одновременно в состоянии войны и мира с глобальной теневой сетью. К тому же, США — довольно хрупкая социальная и межнациональная искусственная конструкция. Американский социальный и национальный мир держится на материальном благополучии населения, пафосе первой державы мира и политической безграмотности ее граждан. Сейчас американское общество и государство находится не просто в состоянии финансово-экономического, но системно-цивилизационного кризиса с непредсказуемыми последствиями. Да и Б. Обама уже заговорил о многополярном мире, а господа З. Бжезинский и Г. Киссинджер пытаются договориться (к счастью, пока безуспешно) с китайскими лидерами о совместном управлении мировыми проблемами, что лишь подчеркивает несостоятельность американской претензии на роль лидера XXI века. К тому же, с развалом системы

социализма и СССР США утратили причинные начала, консолидирующие Запад и капиталистический мир в целом перед лицом «коммунистической угрозы». Вновь придуманные угрозы («ось зла», «международный терроризм», ракетно-ядерное распространение) долго не живут и не обладают потенциалом консолидации вокруг США даже стран Западной Европы. О духовном лидерстве Америки даже упоминать не приходится. И еще один вопрос стоит перед элитой США: готово ли американское общество «затянуть пояс» до уровня второразрядной державы, особенно если доллар перестанет быть мировой резервной валютой?

Вторым геополитическим статусом обладает Китай, являющийся третьей экономической планеты, самой высокой динамикой развития, набирающим мощь военным потенциалом, самым многочисленным гомогенным населением. Ему пророчат в недалеком будущем мировое лидерство. Однако в силу своей культурно-цивилизационной автономии Китай может стать экономическим, возможно, даже военным лидером, но духовным лидером и объединителем мировых цивилизаций он быть не может. У него не прочитывается концепция и стратегия такого лидерства. Да и геополитические цели КНР не ясны, а идеология «срединной империи», «поднебесной» вряд ли будет воспринята другими цивилизациями и народами. Вероятнее всего, Китай в XXI веке станет лидером восточно-азиатского региона, обладая рядом параметров первой величины. Но не более того.

К тройке мировых держав иногда причисляют и Россию благодаря самому высокому в мире геополитическому потенциалу, сохранившемуся советскому ядерному арсеналу, масштабности и геополитически выгодному пространственному положению ее территории, запасам природных ресурсов, инерции правопреемства СССР и месту постоянного члена СБ ООН. Но это пока лишь потенциальный мираж, но не реальность.

Продолжает играть традиционную роль одного из ведущих мировых игроков объединяющаяся Европа. Но еще в 1923 г. немецкий мыслитель Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы», провидчески предсказав объединение Европы, тем не менее, не видел ее в качестве центра мировой истории: «Слово “Европа” вообще следовало бы вычеркнуть из истории. Никакого “европейца” как исторического типа не существует». Чуть позднее, в 1938 г., другой выдающийся немец

В. Шубарт тоже писал, что Европа «закисла» в своем развитии, утратила свою душу². Журнал «Шпигель» (август 2010 г.) привел весьма интересные данные социологических опросов: 88 проц. немцев не желают жить при нынешнем капитализме. Но проекта построения нового общества у европейцев нет. Европа после Второй мировой войны не выдвинула ни одного глобального проекта, она полностью отдалась власти США и транснациональных структур.

Медленный экономический рост, и не только в результате кризиса, но как общеевропейская тенденция, высокий уровень безработицы, заполнение европространства малообразованными мигрантами из стран Азии и Африки, не желающими идентифицировать себя с западной культурой, делают будущее Евросоюза проблематичным. Сюда же следует добавить активное вмешательство США и международного капитала, столкновение национальных интересов с общеевропейскими, зависимость экономики от природных ресурсов извне. Экономисты прогнозируют: к 2030 г. Западная Европа по объему ВВП уже серьезно будет отставать не только от США, но и от Китая. Но, тем не менее, Европа имеет высокий запас социальной прочности, базирующейся на исторических культурных ценностях, европейской идентичности, стабильном (несмотря на кризис) социальном положении населения, устойчивости демократических институтов. Но Европе нужна Россия в качестве:

- баланса сил в отношениях с Америкой;
- сдерживающего фактора в отношениях с исламским миром и Китаем;
- источника сырьевых ресурсов и рынка сбыта своей продукции;
- поставщика интеллектуальных ресурсов и квалифицированной — дешевой рабочей силы.

Набирают обороты комплексного развития и начинают претендовать на роль мировых игроков Индия, исламский мир, Южная Америка.

Геополитические перспективы мира XXI века

В конце первого десятилетия нового столетия прослеживаются и другие тенденции:

- центр мирового развития устойчиво перемещается на восток, а западная модель развития теряет перспективу;

- в качестве ведущих глобальных игроков на международную арену выходят этнокультурные цивилизации, вытесняющие на вторые позиции государства и даже империи и способные сдержать натиск «богоизбранных» теневигов;
- усиливается геополитическое межцивилизационное противоборство, обретая планетарный масштаб. Наиболее остро оно проявляется в геополитическом столкновении между Западом и исламским миром;
- ощущаются попытки межцивилизационного взаимодействия (ШОС, БРИК, АСЕАН и др.) по поиску новых моделей мироустройства, мировой экономики и финансовой системы, структур коллективной безопасности;
- усиливается потребность в сильном лидере мировых цивилизаций, альтернативных западной цивилизации;
- в мировой экономике наблюдается тенденция формирования больших экономических пространств с числом потребителей порядка 400–500 млн человек.

Объектами геополитического противоборства становятся: ключевые (стратегически важные) районы мира, стратегические коммуникации, глобальные ресурсы. Обладание этими объектами во многом будет определять геополитический статус цивилизаций и групп государств, динамику их развития, степень внешней и внутренней безопасности, уровень суверенности.

Главной сферой геополитической борьбы в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера.

Динамика цивилизационных процессов позволяет делать некоторые прогнозы и выводы. Так, неспособность государств противостоять глобальным мафиозным структурам рождает в качестве ответа выход на мировую арену более крупных социально-политических игроков — цивилизаций и цивилизационных союзов. Наиболее динамично развиваются и обретают ведущие позиции в мировых процессах восточные цивилизации, прежде всего Китай и Индия. Из третьеразрядных государств они превращаются в государства-цивилизации первой величины. Причем Индия, понимая, что в одиночку она попадает в тень китайского превосходства, активно ищет себе союзников. Первым кандидатом на этот пост всегда была Россия. Политическая элита Индии в свое время с восторгом восприняла предложение Б. Ельцина о стратегическом партнерстве между

² Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003.

Дели и Москвой. Да и России стратегический уровень отношений с Индией жизненно необходим, чтобы балансировать динамику геополитических устремлений Китая. Но к сожалению вся «стратегия» российских властных и коммерческих структур свелась к формуле «купи — продай».

В стадии глубокого осмысления ситуации и перспектив XXI века находится мир ислама. Исламская элита начинает осознавать, что ключи от будущего развития человечества лежат в мусульманских странах. Основные мировые запасы углеводородов находятся в исламском ареале, здесь проходят стратегически важные коммуникации, перекрестки цивилизаций и стыки экономических зон. Исламский мир наиболее жестко отстаивает и хранит свои культурно-цивилизационные ценности, осваивает Европу, Америку, практически не ассимилируясь с народами других цивилизаций. Процессы, происходящие в исламском мире, позволяют предположить следующие решения:

- создание в рамках Организации исламской конференции координирующих и управляющих структур;
- введение в оборот единой исламской денежной единицы и переход в расчетах за углеводороды с доллара на валютную корзину;
- формирование системы коллективной безопасности, в том числе требование исламского представительства в СБ ООН в качестве постоянного члена.

Исламскому миру остро требуются союзники в лице цивилизаций, такие, например, каким был Советский Союз. Элиты многих исламских государств долго и с надеждой смотрели на Россию, но, похоже, пришло разочарование. Властно-олигархическая элита России разместила ислам на Запад и сионизм. Наиболее свежим примером является брошенный вызов Ирану и оглашение Институтом современного развития (ИНСОП) в июле 2010 г. курса на встраивание в иудео-христианскую цивилизацию и вступление в НАТО в качестве приоритетных направлений российской внешней политики [<http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/prigovormedved>]. Еще раньше, 16 марта 2010 г., председатель правления этого института И. Юргенс в интервью «Независимой газете» откровенно заявил: «Если мы ценностно и экономически не синтезируемся, как в нашем пространстве СНГ, с европейцами, у нас остается путь в Китай. Который более дорогой для населения, с моей точки зрения. И к тому же цивилизационно

не доказано, что мы совместимы». Комментарии, как говорится, излишни...

Наблюдается пробуждение потомков ушедших в историю цивилизаций майя, инков, ацтеков в лице латиноамериканских государств. И они уже бросают вызов самим Соединенным Штатам. Мощно развивается Бразилия, независимый от США курс проводят Куба, Никарагуа, Венесуэла, Боливия и др. Практически начавшийся интеграционный процесс в южной части американского континента получит развитие и приведет в ближайшие 20–30 лет к воссозданию основ цивилизаций, уничтоженных европейскими пришельцами. При этом, скорее всего, в этот процесс включатся латиноамериканцы, проживающие в США, которые будут поддержаны большинством афроамериканцев из числа граждан Соединенных Штатов. Этот континент желает видеть Россию в лице не только союзника, но и братского народа.

Идет процесс объединения Европы, она уходит от подчиненной роли в отношениях с США и пытается играть самостоятельную роль в мировой политике и экономике. Судьба европейской интеграции, скорее всего, будет зависеть от ряда геополитических факторов. Важнейшие из них: способность европейского сообщества разрешить проблему цивилизационной идентичности (романо-германская, англо-саксонская культурно-цивилизационные матрицы, страны с пограничной идентичностью, плюс наращивание исламского присутствия); перспективы выхода из-под американской и финансово-олигархической зависимости.

В Монголии в 90-х годах прошлого столетия был образован комитет по объединению монголоязычных народов в Великую Поднебесную Монголию. Вряд ли таковая будет создана, тем более за счет территорий России и Китая, однако наследники Чингисхана, улавливая тенденции в грядущем изменении геополитической структуры мира и неизбежное поглощение Монголии китайской цивилизационной мощью, пытаются найти поддержку монгольских общин, проживающих в Европе, Австралии, России, Китае, и заключить цивилизационный союз с Россией.

Не менее интересны и межцивилизационные процессы. Китайцы не только преодолели свои внутрикитайские разногласия, но и активно работают по объединению (пока в непонятном формате) с Японией и Кореей. Впервые в истории японо-китайских отношений состоялся визит императора Японии в Китай, регулярными

стали встречи глав правительств, подписываемые сторонами документы во многом носят стратегический характер. Намечается сближение Китая с Индией. В январе 2008 г. состоялся визит премьер-министра Индии М. Сингха в Китай, в ходе которого было подписано стратегически важное соглашение «Совместное видение XXI века», ряд долгосрочных договоренностей в различных сферах сотрудничества, сделаны заявления сторон, позволяющие прогнозировать возможность геополитического альянса между азиатскими гигантами. М. Сингх подтвердил поддержку «политики одного Китая», выступил перед научной общественностью с докладом о совместимости экономического роста и социальной справедливости, сделал предупреждение Соединенным Штатам, что «Индия не состоит уполномоченным Вашингтона по делам Китая», признал Китай в качестве «главного объекта» восточной политики Индии.

Здесь, на Востоке, похоже формируется новая геополитическая система, включающая в себя мощные цивилизационные ресурсы: людские (2,5 млрд человек), природные, интеллектуальные, духовные, технологические, финансовые. Естественно, концентрация столь мощных сил в рамках прилегающего к российским границам пространства не может не вызывать у нас беспокойства. Крайне необходима система баланса сил в этом большом регионе. Срочно требуется ряд геополитических решений со стороны России, например, таких, как:

- наполнение геополитическим содержанием стратегического партнерства между Россией и Индией;
- оформление членства в ШОС Индии, Ирана, Монголии, приглашение в качестве кандидатов Вьетнама, Афганистана, Пакистана;
- активизация участия России в работе таких региональных форумов, как АСЕАН, АТЭС, ОИК;
- корректировка приоритетов российской внешней политики.

Важнейший вопрос в становлении геополитической структуры будущего мира — поведение глобальной финансовой олигархии (Фининтерна), более двух столетий мощно влиявшего на формирование мировых исторических процессов. Сегодня под ее контролем находятся: значительная часть (более 70%) денежных ресурсов, драгоценных металлов, углеводородного сырья. До 80% ведущих мировых СМИ также контролируются

крупнейшими финансовыми структурами и ТНК. Бывший генеральный секретарь ООН Б. Бутрос Гали утверждает, что и правительства большинства стран мира подконтрольны «теневикам».

Не случайно ряд американских исследователей бьют тревогу по поводу будущего Соединенных Штатов. Названия вышедших в США за последние годы работ говорят сами за себя: «Смерть Запада», «На краю гибели», «Конец американской гегемонии». Глобальная сеть контролирует США, Великобританию, Россию, ЕС, имеет систему глобальных органов управления экономическими и политическими процессами (Давосский форум, «восьмерка», Бильдербергский клуб, Мировой банк, МВФ и др.), теневые вооруженные и специальные силы (частные военные корпорации, террористические формирования), глобальную наркомафию с годовым оборотом около 1 трлн долларов. В ее распоряжении фактически находятся НАТО, ОБСЕ, ПАСЕ и пр. структуры. Фининтерн настойчиво реализует стратегию однополярного (рассеянного) миропорядка, основанного на всеисильной власти денег. Базовой основой Фининтерна по-прежнему остаются Финансовая резервная система США, финансовые группы Ротшильдов, Рокфеллеров, Ватикана.

Как поведет себя этот субъект глобального управления в процессе кардинального переустройства мира, сказать сложно. Ясно одно: без боя он свои позиции не сдаст. Контуры его стратегии прочитываются — мировое правительство, перемещение финансовой инфраструктуры в Восточную Азию, создание планетарной дуги нестабильности, установление финансовой диктатуры. Наиболее откровенно и цинично цели мировой финансовой мафии провозгласил в марте 2010 г. в газете «Московский комсомолец» известный либеральный демократ Г. Попов: «Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества (??? — Л. И.) всех богатств планеты. Прежде всего — запасов углеводородного сырья». Г. Попов не одинок в своих изысках даже в России, и даже не первооткрыватель, Он просто цитирует и развивает т. н. «Гуманистический манифест–2000», претендующий на Евангелие XXI столетия и широко распространяющийся по всему свету. Вот некоторые пассажи из этого «международного проекта»: «Пора ввести в обиход новый способ идентификации человека — принадлежность

к мировому сообществу. Этот признак должен быть приоритетным по отношению ко всем остальным... Де-факто политические границы мира произвольны. Мы (интересно, кто такие МЫ. — Л.И.) не можем с ними считаться... Отдельные государства обязаны делегировать часть своего суверенитета определенной системе транснациональной власти...»

Так что эти «МЫ», уже сегодня подмявшие под свои корыстные интересы добрую половину человечества, открыто ставят вопрос об официальной передаче им части суверенитета, а остальную часть они возьмут сами, если где еще не взяли. Но их власть будет сильна, пока будет силен доллар. Пока большинство стран мира готовы держать свои денежные ресурсы в долларах и рассчитывать друг с другом американской валютой, США и финансовая олигархия будут жиреть и властвовать. Сокращение «территории доллара» неизбежно приведет к его ослаблению и уменьшению влияния его производителей на мировые процессы. Изменение философии жизни человечества (больше духовности, нравственности, интеллекта — меньше потребления), бережное отношение к природе (гармония с природой) приведут к краху власти денег. К концу столетия человечество не досчитается не только ряда государств, но и цивилизаций. Вероятнее всего, это будут европейская (исламизируется), североамериканская (распадется). Однако мир станет более нравственным, гармоничным с природой, иррациональным. Просто потому, что при нынешних западных принципах и стандартах жизни человечество не выживет.

Геополитическое место России в XXI веке

Что представляет сегодня Россия? С одной стороны мы — одна из несостоявшихся в развитии стран, сырьевой придаток чужих экономик, вымирающая огромная территория, на которую жадно поглядывают как на добычу наши оппоненты. Такие страны никогда не входили в мировую элиту и не определяли мировую повестку дня, а население, как правило, становилось этнографическим материалом благополучия более удачливых конкурентов.

Но, с другой стороны, Россия обладает самым мощным геополитическим потенциалом, в составе которого фантастические природные богатства (более двадцати первых

мировых позиций по запасам важнейших природных элементов), уникальный самобытный цивилизационно-исторический материал, соединивший в едином социальном организме почти 200 народов и этнических групп, опыт глобального переустройства мира и социалистического проекта, самые масштабные военные победы и единственный в истории человечества жертвенный подвиг во имя спасения человечества. Плюс великие достижения мирового уровня в области культуры и науки, высокая духовность. Храним мы и опыт подлинного лидера человечества в лице СССР, мессианский крест «Третьего Рима», славу разрушителя колониальной системы планеты. Практически все ныне здравствующие мировые цивилизации своим существованием и развитием обязаны русскому народу и всей многонациональной России. Видимо, таков наш удел, таков Божий промысел, «служить человечеству, спасти его от гибели». Великий знаток человеческих душ Ф. М. Достоевский писал: «Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом обретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

Русь, Россия в своей истории взрывались в развитии лишь тогда, когда начинали жить своим умом, опирались на собственные традиции, культуру, ставили перед собой не меркантильные, а грандиозные цели, когда лидеры Отечества в полной мере осознавали и организовывали огромный потенциал народа и дарованного ему пространства.

Сегодня человечество ждет российского «взрыва», российского интеллектуально-духовного лидерства. Сегодня в мире не только ощущается дефицит углеводородов, пресной воды, продовольствия и других материальных ресурсов. Прежде всего, остро ощущается дефицит совести, справедливости, чести, духовности, нравственности. У русского и других коренных народов России все это в изобилии, но в дремлющем состоянии. Недостает этого у властно-олигархической корпорации.

Россия вполне может и должна стать геополитическим центром мира текущего столетия.

МУРАЙ О. В.
ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПАНСИЯ США
И ЕЕ МАНИФЕСТАЦИЯ
НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Данная статья посвящена рассмотрению глобальных лингвистических процессов на современном этапе развития европейских языков. В частности, анализируются некоторые аспекты распространения заимствований из английского языка в другие языки мира. Как считают некоторые филологи (4, 11), распространение английского языка принимает характер глобальной экспансии, лингвистические и культурные последствия которой требуют тщательного рассмотрения и практического изучения. В статье рассматриваются последствия англоязычной экспансии и анализируются некоторые особенности ассимиляции заимствований из английского в другие европейские языки. В современном мировом лингвистическом пространстве существуют две тенденции. Первая связана с предпринимаемыми мерами высшего слоя общества различных национальных государств по сохранению монополии на национальный язык в качестве государственного языка и языка общения, так как именно язык по-прежнему воспринимается как основной маркер государственности и национальной идентичности. Вторая тенденция вступает в противоречие с первой и касается масштабного распространения английского языка как языка международного общения. Эти две тенденции имеют свои истоки в разных эпохах. Но на настоящее время вряд ли кто-либо может подвергнуть сомнению тот факт, что интернет-пространство и взаимосвязанные глобальные процессы кардинально изменили глобальную лингвистическую карту, а глобальный английский — это политическая и культурная реальность XXI в. Из-

вестный японский лингвист Ю. Цуда, как и многие другие филологи, убежден, что глобализация и степень распространения английского языка в мире — это взаимосвязанные процессы (22). Одним из основных признаков процесса колонизации стран в настоящее время является культурная экспансия США. Параллельно происходит ущемление гражданских прав иностранцев по сравнению с резидентами, насаждение в том или ином государстве чуждой религии, языка, обычаев, любая дискриминация местной культуры, вплоть до расовой, сословной или иной сегрегации.

Языком межнационального общения в мире является английский. Это «lingua franca» (язык-посредник. — *Ред.*) мирового сообщества эпохи глобализации. По данным английского лингвиста Д. Кристалла, число людей в мире, говорящих на английском языке, более 1 млрд 100 млн чел., из которых только четверть признает его своим родным языком (9). Тем не менее, проблема выбора второго языка для овладения даже на разговорном уровне не выглядит столь однозначно. Британский лингвист Д. Креддол убежден в том, что английский язык утратит свой статус языка глобализации из-за уменьшения количества его носителей. Уже сегодня по этому показателю он занимает второе место в мире, а лидером является китайский: свыше 1,2 млрд чел. говорят сегодня на разных его вариантах, что в три раза больше, чем признающих английский как родной. Как считает тот же лингвист, английский язык к 2050 г. опустится на третье место, а второе между собой поделают азиатские

и индоевропейские языки, включая испанский и арабский (21). По мнению ряда социологов, английский язык не может эффективно выполнять функцию языка международного общения именно по причине своего национального своеобразия (3, 19). Его растущее господство они связывают с понятием «лингвистического империализма», за которым может последовать империализм других сортов (к примеру, «интеллектуальный колониализм», «культурный империализм»).

Естественный или искусственный билингвизм всегда был и остается глобальным явлением, необходимым для взаимодействия различных этносов и культур. Сам по себе феномен билингвизма содержит множество противоречий. С одной стороны, инновационные технологии нынешнего столетия неизбежно подталкивают к употреблению английского как единого языка международного общения. В то же время существование билингвизма, где в качестве базы выступает английский, а надстройкой родной язык, подрывает саму возможность существования национальной монолингвальной культуры и вызывает опасение за ее сохранение. Однако не будем отрицать, что явление билингвизма несет в себе не только отрицательные, но и положительные стороны. Во-первых, знание иностранного языка расширяет культурный диапазон любого человека, приобщает его к опыту различных социальных сообществ; во-вторых, владение другими языками несет в себе потенциал усвоения общечеловеческих ценностей. Положительно и то, что в современном глобализирующемся мире, стремящемся найти способы для успешной интеграции народов и стран, впервые создана возможность установления гуманистического сообщества с устойчивыми национальными моделями. Одновременно в этой ситуации таится ряд скрытых опасностей для сохранения национальных культур и идентичности различных народов мира. Рассмотрим некоторые из них.

Происходит англоязычная монолингвизация людей всех национальностей в масштабах еще более мощных, чем когда-то происходили латинская, испанская, французская, русская монолингвизация народов и наций. Конечно, многое зависит от способности национальной культуры к критическому и творческому восприятию воздействий извне, от ее способности трансформировать заимствованные модели лексических и грамматических структур, отсеивая при этом все то, что несовместимо с лингвистической традицией. К счастью, эти качества представляют

собой проблему внутреннего потенциала национального языка, творческой состоятельности самой культуры, а не внешних регламентаций, искусственно стремящихся сохранить культурные идентичности в их изначальном виде. Все искусственные попытки предотвратить использование заимствований в русском языке не могут остановить взаимопроникновение языков. «Русский язык, — как заявил президент Института Русского языка академик Виталий Костомаров, — менялся на протяжении столетий в процессе наших контактов с внешним миром. В сегодняшнем глобализированном мире он не может не меняться еще быстрее. Единственный способ остановить этот процесс — уйти в полную изоляцию. Хотим ли мы этого?» (8).

Некоторыми филологами отмечено, что глобализация способствует распространению некой общей потребительской культуры. Но под поверхностью этого в значительной мере унифицированного, общего потребительского стандарта сохраняются реальные культурные различия. Более того, именно глобализация во многих случаях препятствует их размыванию. Благодаря возросшей открытости мира, развитию новейших средств коммуникации, люди разных культур получают более ясное представление друг о друге. И это способствует их освобождению от некоторых неправильных представлений относительно достоинств иного образа жизни, позволяет им с гораздо большей четкостью увидеть недостатки тех культурных моделей, которые воспринимались как безусловный образец для подражания. Не случайно некоторые исследователи отмечают сегодня, что западные (и в особенности американские) стандарты поведения и формы организации общественной жизни, еще несколько десятилетий назад служившие своеобразным ориентиром для стран Востока, утрачивают привлекательность.

Филолог В. В. Кабакчи утверждает, что экспансия английского языка усиливает опасения народов за свои языки, которые подвергаются сильнейшей англоизации (6). Все неанглоязычные народы в той или иной степени начинают принимать меры для сбережения родного языка. Взгляды многих отечественных лингвистов подтверждают его мнение (8, 17). Так, сегодня принято говорить о «лингвистической гегемонии» (linguistic hegemony) в неравенстве, дискриминации и колонизации сознания людей, не говорящих на английском (17, 22). Часто неоправданное заимствование слов американского

происхождения вызывает негативную реакцию в обществе, поскольку оно грозит потерей языковой и культурной идентичности. Язык рассматривается сегодня не только как основной признак нации и инструмент ее сохранения, но и как механизм формирования картины мира (2, 11, 13). Национальные ценности выступают базовой категорией при построении картины мира; конфигурация ценностей определяет культурный тип той или иной общности и специфику национальных картин мира, что находит выражение в языке (4, 5, 12). Носитель любого языка рассматривается как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию. Общеизвестно, что важнейшим механизмом, обеспечивающим культурную идентификацию, является язык. На его неоспоримую роль в патриотическом воспитании указывал К. Д. Ушинский: «Язык народа лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей ее духовной жизни... В языке одухотворяется весь народ и вся родина... В светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается вся история духовной жизни народа... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое и живое целое» (20).

Английский язык имеет ряд преимуществ по сравнению с другими международными языками, что позволяет ему доминировать в современном языковом пространстве (10). Во-первых, он опередил другие языки в качестве мирового лингвистического стандарта. Он является первым мировым универсальным языком, то есть используется не только как язык современной науки, но и как язык международного делового общения. Английский является родным языком 500 млн людей в 12 странах мира, тогда как около 900 млн говорят на мандаринском наречии китайского языка (10). Около 600 млн носителей других языков говорят на английском в качестве второго языка. Кроме того, несколько миллионов обладают определенными знаниями английского языка, который имеет официальный или полуофициальный статус примерно в 62 странах. Во-вторых, английский язык — язык средств массовой информации, путешествий и связи на международных авиалиниях. Во всех международных аэропортах пилоты и диспетчеры говорят на английском. Пять крупнейших

телекомпаний (Си-би-эс, Эн-би-си, Эй-би-си, Би-би-си и Си-би-си) охватывают аудиторию приблизительно в 500 млн. человек с помощью трансляций на английском языке. В-третьих, английский — язык века информации и науки. Более 80% всей информации в более чем 150 млн. компьютерах по всему свету хранится на английском языке. Сегодня большая часть всех научных работ публикуются сначала на английском языке. Более половины мировых технических и научных периодических изданий выходят на английском языке, который также является языком медицины, электроники и космической технологии.

На данном этапе формирования глобальной языковой ситуации происходит борьба китайского языка с английским для повышения распространения и утверждения престижа первого языка. Китай проводит достаточно последовательную языковую политику по распространению языка в глобальном пространстве. Министерство образования Китая разработало специальные программы для обучения китайскому языку иностранцев. Действуют они при китайских культурно-образовательных центрах — Институтах Конфуция, организованных в 54 странах мира. Главное их предназначение — развитие дружеских отношений с другими странами и продвижение китайской культуры. Несмотря на кажущуюся схожесть с японским, китайский — совершенно другой язык. Тем не менее, язык этот необычайно красив, логичен и, хотя вряд ли его можно отнести к числу самых легких, он вполне доступен для изучения. Как показывает практика, даже люди с не очень высокими лингвистическими способностями к концу учебного года могут вести несложные диалоги на китайском языке, а также читать и переводить тексты. Также они могут использовать на практике несколько сот иероглифов. К числу факторов, способствующих дальнейшему распространению китайского языка, можно отнести следующие:

- 1) высокие темпы роста экономики и быстрое развитие бизнеса в Китае;
- 2) динамично развивающиеся российско-китайские торгово-экономические отношения;
- 3) перспективность и дешевизна китайского образования;
- 4) богатое культурное и историческое наследие Китая, что делает язык привлекательным для изучения;

5) распространенность китайского языка по числу носителей: это один из шести официальных языков ООН.

Все эти факторы способствуют дальнейшему возвышению английского и китайского языков в качестве языков международного общения. К сожалению, на настоящем этапе своего функционирования на территории постсоветского пространства русский язык имеет тенденцию утраты доминирующего средства общения. Проводимая политика внутри страны, когда в ходе этнической мобилизации и суверенизации искусственно поднимался рейтинг национальных языков, привела к существенному падению престижа русского языка, русской культуры, а в конечном счете — культуры общероссийской. Из языка доминирующего он стал языком национального меньшинства, для которого характерны:

- 1) преимущественное использование в семейных ситуациях;
- 2) функциональная вторичность в социально значимых сферах — делопроизводстве, законотворчестве, средствах массовой информации, образовании и некоторых других;
- 3) более низкий социальный престиж (и дальнейшее его понижение) по сравнению с языком титульной нации или с мировыми языками типа английского. Это означает, что русский язык становится коммуникативно ущербным: он используется не во всем объеме своих лексических, синтаксических, стилистических и иных средств (11).

Кроме того, на территории РФ проявляются тенденции негативного отношения к употреблению русского языка. Резко меняется языковая ситуация в Чечне и Северной Осетии. В Чечне постепенно сокращается объем общественных функций русского языка в связи с большой миграцией из этого района русского населения. Там межнациональные противоречия зачастую перерастают в языковые конфликты. Большинство лингвистов отмечают падение престижа русского языка как средства межнационального общения не только на территории России, но и в странах ближнего зарубежья. В основе такого пессимистического вывода лежат следующие причины:

- 1) негативные явления в самом русском языке, проявляющиеся в расшатывании его норм — фонетических, грамматических, стилистических, а также в засорении не-

оправданными заимствованиями, в свертывании терминотворчества на русском языке в сфере высоких технологий и т. д.;

- 2) сокращение теоретических исследований и прикладных разработок по проблемам функционирования и изучения русского языка как средства межнационального общения;
- 3) резкое уменьшение количества изучающих русский язык в системе школьного и вузовского образования (прежде всего в странах СНГ) (1). В русском языке как средстве межнационального общения все большее отражение находят процессы опрошения разговорного русского языка и, как следствие, — *пиджинизации* (т. е. словообразования русского компьютерного жаргона (коннектиться, пишишка, виндуза и др.) под влиянием англоязычной компьютерной терминологии с помощью русских префиксов, суффиксов, флексий и постфиксов. — *ред.*), что ведет к снижению его статуса (14). После распада СССР русский язык потерял статус государственного более чем для 130 млн человек (граждан бывших союзных республик) и охватывает (как государственный) всего лишь чуть более 140 млн человек — граждан России. По оценкам экспертов, активно владеют русским языком в странах СНГ лишь 63,6 млн человек, а почти 38 млн человек уже не владеют русским языком (8, 12, 14). Родным русский язык в странах СНГ и Балтии считают в общей сложности 23,5 млн человек. Однако прослеживается тенденция неуклонного снижения этого показателя. По имеющимся прогнозам, через 10 лет в странах ближнего зарубежья количество людей, не владеющих русским языком, увеличится почти в 2 раза (т. е. примерно до 80 млн человек) и превысит число в той или иной мере владеющих русским (60 млн чел.). Особенно тревожным является быстрое сокращение числа владеющих русским языком среди молодого поколения бывших советских республик. Так, в Литве русским языком владеют сегодня в среднем 60% населения, из них 80% — лица среднего и старшего возраста, а среди детей и подростков в возрасте до 15 лет — всего 17%. Аналогичная ситуация наблюдается в западных областях Украи-

ны. Происходит переориентация молодежи на знание европейских языков в Армении, Грузии, Туркмении, Эстонии, других государствах. В Азербайджане резко усилилось языковое влияние Турции и англоязычных стран. К 2005 г. русский язык сохранился государственным лишь в Беларуси. 75% детей учатся в русскоязычных школах, а в вузах доля учебных предметов, преподавание которых ведется на русском языке, составляет не менее 90%. Русский язык доминирует в белорусских СМИ.

Близость русского, украинского и белорусского языков объясняется тем, что эти три национальных языка имеют общий корень — древнерусский язык. В национальном составе населения Украины русские занимают второе место. Русский язык является родным для 40% населения, свыше 70% активно им владеют. Но и здесь официально он считается иностранным, имея статус языка национальных меньшинств. Из 22 тыс. школ на Украине осталось всего лишь 1430 с обучением на русском языке — это менее 6,5% от общего количества. В Киеве к 2007 г. осталось только 6 средних школ с русским языком обучения из 324, а в Киевской области нет ни одной школы с русским языком обучения. В 16 западных и центральных областях Украины работает всего 26 русских школ, что составляет 0,2%. Почти полностью отменено русскоязычное дошкольное воспитание. Необходимо иметь в виду, что если язык изучает менее 10% детей, то он находится под угрозой исчезновения. Забота о сохранении русского языка и возвышении его культуры должна стать сейчас одной из основных задач законодательных и исполнительных органов власти. Хотя Комитет Государственной Думы РФ по образованию занялся разработкой Федеральной программы поддержки русского языка в России, странах ближнего и дальнего зарубежья, этого явно недостаточно. Необходимо разработать комплекс мер по внедрению русского языка в международные образовательные системы. Наблюдающееся сейчас повсеместное распространение культуры и ценностей западной цивилизации приводит, в конечном счете, к разрушению статуса русского языка, уничтожению русской культуры, русских традиций и русского национального самобытного самосознания.

Сейчас много говорят о выработке русской национальной идеи. Одной из составляющей реализации такой идеи должен быть русский язык. Именно культивирование родного языка, родной культуры помогает не только объединить всех россиян, но и сохранить все то, что составляет достижения России. Несмотря на все сложности настоящего периода, следует помнить, что русский язык — наше национальное достояние и мы должны обходиться с ним как с национальным богатством — культивировать и способствовать его возвышению. Русский литературный язык должен охраняться на государственном уровне. Его изменения должны идти своим естественным путем развития и быть защищены от негативного вмешательства, искусственного насаждения иноязычных заимствований. Всё это, учитывая характер и средства распространения этих повреждений языкового сознания масс, включая промывание мозгов, информационную агрессию, наиболее точно определяется как «языковое насилие». Слово — не только орудие общения. В его метафорах, в его понятиях сосредоточен огромный умственный, чувственный, духовно-нравственный и практический опыт народа, который необходимо беречь и приумножать.

Примечания

1. Белоусов В. В. О состоянии и перспективах функционирования русского языка в международном общении // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: 1994.
2. Бромлей Ю. В. О предмете культурной и социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа) // Этнография за рубежом. М.: Наука, 1979.
3. Вевёрка М. Формирование различий // Социол. исслед. 2005. № 8. www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/02/11/.../Nizamova_9.pdf
4. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурораспецифичных контекстах // Thesis, 1993. Вып. 3. С. 185–206.
5. Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1999.
6. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения — новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе. 2000. 6. С. 84.

7. *Караулов Ю. Н.* О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. М., 1995. С. 5–23.
8. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: изд-во МГУ, 1971.
9. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи (из наблюдений над речевой практикой масс-медиа). М.: Педагогика-Пресс, 1994.
10. *Кристалл Д.* Английский язык как глобальный; пер. с англ. М.: Весь мир, 2001.
11. *Крысин А. П.* Русский язык как язык национального меньшинства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: 1994.
12. *Крючкова Т. Б.* Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
13. *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. С. 59.
14. *Нерознак В. П.* Современная этноязыковая ситуация в России // Изв. ОЛЯ. Серия литературы и языка. М.: 1994. Т. 53. С. 2.
15. *Сиротинина О. Б., Кормилицына М. А.* Хорошая речь. 2 изд. Изд-во: ЛКИ, 2007.
16. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
17. *Тимашева О. В.* Угроза американизации и современная художественная литература Франции // Западная Европа и культурная экспансия «американизмов» / Состав. Ю. М. Каграманов. М., 1985. С. 213.
18. *Туманян Э. Г.* Языковые законы и международные конфликты // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: 1994.
19. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 46–92.
20. *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1. Л., 1950.
21. *Graddol D.* English On Decline For World Youth // www.guardian.co.uk/britain/article. 27.02.2004.
22. *Tsuda Y.* Language Inequality and Distortion / The Netherlands: John Benjamins, 1986. С. 8.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Геополитика: учебник / Под ред. В. А. Михайлова и др. М.: изд-во РАГС, 2010. — 368 с.

В учебнике освещаются актуальные проблемы геополитики в глобализирующемся мире, связанные с ее ведением в экономической, военно-силовой, информационной, конфессиональной, космической сферах, и положение России в современной геополитической реальности. Для аспирантов и студентов РАГС, государственных служащих, участвующих в принятии политических решений на уровне геостратегии России, а также для всех интересующихся данной проблемой.

СУХАРЕВ А. В.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ГЕОПОЛИТИКЕ

Общественно-историческая роль географического фактора, являющегося ведущим в классической геополитике, в современном научном самосознании заметно снижается [5]. Все большее значение в общественно-историческом развитии обретают информационно-психологические и культурные параметры. Системный кризис развития человечества требует на современном этапе новых средств, методов и, самое важное, — теории и методологии решения насущных проблем сосуществования народов в экосистеме нашей планеты, другими словами, создание новой научной парадигмы [3] с целью обеспечения устойчивого развития природы и общества. Важнейшим направлением в методологии геополитических исследований, как мы полагаем, должно стать целостное рассмотрение взаимодействия природных (экологических), культурно-психологических и духовных параметров исторического развития человечества.

Современная геополитика учитывает не только пространственные (географические и политические) факторы, но и временные параметры. Последние способны отражать динамику не только природно-экологических, но культурно-информационных и духовных факторов. История природы и общества представлена в психике отдельного человека как история образов этносред или история ментальностей [7]. В развитии ментальности общества и личности происходит постоянное взаимодействие образов, зачастую, самых различных этносред. Взаимодействие этносред влияет на развитие «образной сферы личности» (термин

А. А. Гостева) и, соответственно, на поведение человека и общества [1]. Возникает проблема выявления закономерностей, механизмов влияния ментальности (как образной сферы) на поведение личности и общества. Исходя из изложенных ценностных и методологических оснований, нами были сформулированы теоретические основания, валидизированные в ряде экспериментальных исследований [7].

Произвольный образ этносреды наделяется этнической функцией, интегрирующей либо дифференцирующей его с различными этносредами. В идеале все образы какой-либо одной этносреды являются этноинтегрирующими, а образы различных этносред — этнодифференцирующими. Данный подход мы называем *этнофункциональным*. При этом этническая функция образов должна определяться компетентными специалистами-этнологами по отношению к идеальному прообразу развития (архегении) той или иной этносреды.

Этнофункциональный подход органично дополняет типологический (собственно этно-психологический) подход. Границы их применимости определяются следующим образом: этнофункциональный подход применим для неоднородных этносов, а этнопсихологический — для однородных этносов («приблизженных к идеалу», но на практике — только для этнических изолятов). Теоретически можно выделить величину этнической функции. Например, для ментальности русской этносреды в отношении продуктов питания образы репы или чеснока обладают более высокой величиной этноинтегрирующей функции, чем гораздо позже

ассимилированные в русскую ментальность образы банана и авокадо. Образы репы и чеснока более укоренены в русской ментальности по сравнению с бананами или авокадо, в частности, из-за большей длительности периода ассимиляции. Существенно, что наши экспериментальные исследования показывают, что наиболее дискриминантным для уровня психической адаптированности человека является его отношение к этнодифференцирующим и этноинтегрирующим образам природы (ландшафты, климат, животный и растительный мир — т. е. группа ландшафтно-климатических этнических признаков) [7].

Попробуем ответить на вопрос: почему этнические характеристики ментальности являются наиболее существенными характеристиками современного человека и социума? В целях преодоления методологической вседозволенности, характерной для современного кризисного сознания, нам представляется целесообразным введение *принципа исторической актуальности*, выделяющего в ментальности общества ведущие факторы — актуальные смыслы, представления, определяющие развитие культуры и личности в данный исторический период. Вводимый нами данный принцип фиксирует еще один, выделенный П. Н. Шихиревым [8] важнейший методологический признак парадигмы — наличие в ней «базовой науки», признак, характеризующий валидность парадигмы в данный исторический момент, — признак ее исторической актуальности. Бурное развитие естественных наук обусловило историческую актуальность биологической (свойства нервной системы, генотип) и социально-экономической (средства производства, капитал) парадигм, господствовавших в науках о человеке в XIX–XX вв., однако ныне они утрачивают свою прогностическую силу. Исторически более актуальными становятся другие методологические «образцы», ориентированные, в частности, на социогуманитарное знание. Какая же «базовая наука», по П. Н. Шихиреву, является исторически актуальной в современном мире?

На современном этапе исторического развития обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х гг. XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. А. А. Сусоколов полагает, что именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна

выполнять функции «информационного фильтра», оптимизирующего информационное воздействие на современного человека в единицу времени. Этому способствуют такие свойства этноса, как: 1) нормативная целостность; 2) устойчивость этнического статуса личности; 3) стабильность состава; 4) устойчивость во времени. Понимание этноса как «информационного фильтра», отмечает Сусоколов, объясняет возрастание роли этнического фактора в жизни общества в условиях формирования новой информационной ситуации. Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этническим ценностям, представляющимся вечными и незбылемыми. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса, и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов [6]. По нашему убеждению, в современную кризисную эпоху этничность является «болевым точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека, что дает ему чувство уверенности в незбылемости ценностей. Согласно концепции Э. Эриксона в определенные «исторические моменты» происходит радикальное изменение образа мира, рушатся традиционные идеологии, привычный социальный порядок. Человек, воспринимая эти изменения, испытывает чувства тревоги, страха, бессмысленности существования [9. Р. 20]. Такая ситуация обуславливает необходимость поиска новых ответов на вопросы, которые ставит история. Соответствующий ответ предполагает решения, дающие веру и смысл жизни, формирование новых образов поведения.

Следует заметить, что этничность, так же как и в эпоху современного кризиса, играла важную роль и остро переживалась людьми и во времена кризисов прошедших эпох. В исторической литературе описано огромное количество таких примеров. В частности, эпоха правления римских императоров Цезаря и Августа (I в. до н. э.), по единодушному мнению большинства исследователей являвшаяся периодом кризиса, характеризовалась «смешением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты—изношенности, измельчания характеров» [4. С. 179, 180]. Кризисным был также, например, исторический период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последний период маньчжурской династии

Цин (конец XIX – начало XX в.), завершившийся превращением Китая в слабое государство, практически обслуживающее интересы Европы и США. Причиной успешности проникновения иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэюаней («боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами — не нарушать заветов родителей и обычаи (не быть жадными, не развратничать и т. п.), уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников — представителей этнически чуждой маньчжурской власти [2. С. 59].

Приведенные выше рассуждения дают основания полагать, что именно этничность в условиях современного кризиса является исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, а этнология — базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения. Теории, построенные на данной методологии, позволяют связать частные и эмпирические факты и закономерности с философскими, социологическими, психологическими и даже богословскими концепциями. В целом этнофункциональная парадигма в науке включает ряд методологических принципов: этнофункциональности, системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, принцип этнофункционального детерминизма. В процессе теоретико-экспериментальных исследований установлено, что общая способность человека преодолевать различные жизненные проблемы, понимаемая как ее адаптационный психологический потенциал (энергия личности), является результатом приближения развития содержания структуры ее образной сферы к этнофункциональной архегении данной этносреды.

На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма мы, по аналогии с развитием ментальности личности, полагаем, что возможность общественного субъекта (этносреды в целом) преодолевать возникающие в его ментальности проблемы также определяется степенью приближения данной ментальности к этнофункциональной архегении. Указанные проблемы могут иметь духовный, политический, экономический, военный, культурный, биологический и пр. характер. Важно, что для решения возникающих проблем ментальности этносреды, с одной стороны, необходимо учитывать представления наиболее древних этапов ее развития, а с другой — систему современных научных представлений. Древние образы выполняют, как и в случае индивидуального развития,

мотивационную функцию, а развитые научные представления — инструментальную. С этих позиций стратегически наиболее перспективной в современном мире является китайская ментальность. В современном Китае, с одной стороны, активно поддерживаются традиции тысячелетней давности, с другой — ускоренными темпами нарастает технологическая оснащенность и развивается фундаментальная наука. Ни один из исторических этапов развития ментальности Китая, включая коммунистический (!), не подвергается дискредитации и уничтожению.

В процессе взаимодействия этносред возникает задача сохранения и повышения их энергетического потенциала. Данную задачу мы определяем как задачу информационной безопасности этносред и этносферы в целом. Информационная безопасность, с наших позиций, понимается как этнофункциональная безопасность и, прежде всего, безопасность ментальности как системы образов. Однако этнофункциональный подход в геополитике помимо собственно географических факторов учитывает влияние на поведение человека и общества образов растительного и животного мира, климата, мифологических, религиозных и научных представлений, а также факторов, которые ранее рассматривались философами и исследователями как совершенно особая группа, вне какой-либо позитивно определяемой связи (на практике) с другими факторами. Речь идет о трансцендентных факторах, т. е. идеальных образах всего сущего — духах природных стихий, «мира невидимого», высших сущностях мировых религий. В связи со сказанным выше, определим этнофункциональную информационную безопасность как сохранение и повышение энергии этносреды в процессе восстановления в ее ментальности идеального прообраза развития данной этносреды (этнофункциональной архегении этносреды). Информационная безопасность обеспечивается двумя взаимосвязанными направлениями приложения сил, условно обозначаемыми как *активная* (наступательная, внешняя по направленности) и *пассивная* (оборонительная, внутренняя) безопасность.

1. Главным направлением во внутренней, пассивной информационной безопасности мы полагаем правильную организацию системы образования — от детских садов до вуза (оптимальное планирование развития системы на срок не менее 25 лет), а также максимальное использование для этих целей СМИ [7].

2. Внешняя или активная этнофункциональная информационная безопасность имеет целью разрушение этнофункциональной целостности (этноинтегрированности) ментальности этносреды предполагаемого противника. Для этого могут быть использованы различные средства информационно-культурного взаимодействия, в процессе которого в ментальность этносреды противника внедряются этнодифференцирующие образы. При этом необходимо преобладание именно «экспорта» продуктов культуры, питания, культурных традиций и т. п.

Конструктивное направление во внешней политике мы рассматриваем как стремление к идеалу *этнофункционального глобализма*. Данное понятие мы определяем как современную спецификацию представления К. Н. Леонтьева о «цветущей сложности» во взаимодействии народов. Суть этнофункционального глобализма во внутренней и внешней политике состоит в том, чтобы этнофункциональные инструменты воздействия на ментальность как отдельной этносреды, так и этносферы планеты в целом достигли оптимума во взаимодействии народов. В этом смысле можно говорить об этнофункциональной идеологии как новом типе геополитического мышления. Данная идеология содержит в себе необходимый, экспериментально обоснованный теоретический аппарат для «тонкой дифференциации» взаимодействия

народов Земли в таких областях, как конфессиональная, культурно-психологическая, антропологическая, а также трансцендентная — на основе этнофункциональных закономерностей, дополняющих традиционный в науке типологический подход в этнологии, истории, психологии, культурологии и др. науках.

Примечания

1. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
2. *Ефимов Г. В.* Ихэцзюань // БСЭ. 3-е изд. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 59.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
4. *Моммзен Т.* История Рима. Л.: Лениздат, 1993. С. 179–180.
5. *Мухаев Р. Т.* Геополитика. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 17.
6. *Суколов А. А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
7. *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
8. *Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора психол. наук. М.: 1993.
9. *Erikson E.* Life history and the historical moment. N.-Y.: Harper and Row, 1975.

ТЫНЯНОВА О. Н.

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПРИЧИННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В 1840 г. А. Жомини дал определение стратегии, в известном смысле не утратившее свое значение и поныне: «Стратегия есть искусство вести войну по карте» [28, 22]. Действительно, со времен Х. Маккиндера это определение фактически приобрело вид формулы: «Геостратегия есть искусство оказывать военнополитическое, экономическое и культурное давление в соответствии с геополитической моделью». Геополитические модели являются не моделями в строгом смысле слова, а космогониями, где «большую роль играет ментальный фактор. Достаточно большое количество политиков верили в правоту модели хартленд-римленд, в результате чего она стала идеологическим инструментом творцов внешней политики» [20, 94]. С другой стороны, согласно В. Лефевру, «современные космологические модели порождены физикой» [24, 19]. Поэтому физические термины оказываются сегодня неотъемлемой частью геополитического дискурса (так, процесс формирования и взаимодействия экономических и политических центров в ряде случаев описывается в терминах теории поля [20; 27; 39; 41], а понятие «энтропия» прочно вошло в политологический лексикон). В этой связи логичным было бы предположить, что классические модели Х. Маккиндера и К. Хаусхофера по-прежнему актуальны по той причине, что отражают не только геополитическую, но и, более широко, социальную реальность.

Следует отметить, что перспективы геополитического моделирования глобальных процессов определяются возможностями

междисциплинарного подхода: «...когда дело касается глобализации, то гуманитарное, естественнонаучное и техническое знание под влиянием активных процессов интеграции нередко оказывается единым конгломератом... Более того, современный уровень развития глобалистики дает основание говорить о принципиальной применимости в области общественных наук некоторых методов и принципов, сформулированных в естествознании» [46, 35].

В основе геополитического моделирования заключается представление о геопространстве как о сложной системе, между отдельными элементами которой (цивилизациями, мировыми державами и региональными центрами силы, государствами полупериферии и периферии) происходит обмен веществом, энергией и информацией [32, 10; 11; 49]. Энергия как мера движения материи выступает сущностной характеристикой всех социальных процессов, и не случайно уже М. Вебер вводит в научный оборот термин «энергия социального действия», понимаемый в переносном смысле. Такой же обмен веществом, энергией и информацией происходит между геопространством и его внешней средой (метасистемой), отчего любая геополитическая модель должна быть, во-первых, «энергетической». Во-вторых, в качестве метасистемы геополитического пространства следует рассматривать природную среду, поскольку *«истинной системой является весь Космос, а любая подсистема — лишь его частью, неразрывно с ним связанной, в свойствах выделяемого класса (систем. — О. Т.) должна быть*

отражена эта связь» [49, 67]. Источником энергии социального действия признавали Солнце А. Л. Чижевский и П. А. Сорокин [45; 40, 772–773]. Аналогичных взглядов придерживается и современное направление экономической науки — эконофизика: «Глобальная экономика является... динамической диссипативной структурой, функционирующей на основе энергетического потока, идущего от Солнца» [34, 84]. Согласно И. П. Копылову, источником энергии социального действия является и электромагнитное поле Земли [21, 15–78]. Подобная «энергетическая» модель отражает (в виде картографической проекции) пространственный перенос энергии социального действия за счет движения человеческих масс, товарно-денежных потоков и идей в геополитических процессах. В этой связи следует признать существование корреляции между направлениями переноса по поверхности Земли солнечной энергии и энергии электромагнитного поля, с одной стороны, и направлениями переноса энергии социального действия, с другой.

Существенный интерес здесь представляет описание устойчивых «траекторий» переноса энергии от одного цивилизационного «ядра» к другому, выполненное Н. В. Морозовым в работе «Продвижение цивилизации от Передней Азии к Северо-Западной Европе». Автор предпринял решение задачи «обрисовать перемещение ведущих центров хозяйства и культуры за исторический период — от зарождения цивилизации в Месопотамии и Египте до утверждения капитализма в Северо-Западной Европе» [30, 174]. В самом общем виде концепция Н. В. Морозова выглядит следующим образом. Смещение центров интенсивности хозяйствования и перемещение культурно-хозяйственных центров из Передней Азии в Средиземноморье связано, прежде всего, с увеличением глубины дифференцированности ландшафтов хозяйствования с Востока на Запад. «Подвижность, гибкая приспособляемость производственной структуры к сложному разнообразию географических условий, меняющихся не только от места к месту, но и во времени под воздействием самого же хозяйствующего человека, — справедливо полагает автор, — находит отражение и в политической организации средиземноморских обществ». Историко-географические сдвиги проявляются в форме изменений политической системы общества, направленных: 1) от Вавилона через Ассирию и Хеттское государство

с ядром Каппадокия к Ирану, 2) «от Египта через Крит, Афины, Царьград к Корсуню и Киеву, т. е. в направлении с юга на север, с таким же основанием, как и о продвижении на северо-запад — от Греции через Италию в Галлию, Прирейнскую Германию, Великобританию». Согласно Н. В. Морозову, падение Римской империи и «перенос империи» на восток не нарушает выявленную тенденцию: «...выдвижение Византии и падение Италии, иначе говоря, смещение центра тяжести хозяйства с запада на восток, имеет существенное отличие от ...противоположно направленного продвижения цивилизации. В первом случае мы имеем сдвиги в географических рамках старого цивилизованного мира... Во втором же случае дело идет о расширении сферы цивилизации за счет включения в нее варварских стран» [30, 181–187].

Геополитическая модель отражает протекающие процессы переноса энергии социального действия в пространственно-временной системе координат [19, 12–13]. Существенное затруднение заключается в отсутствии физической концепции времени, конкретизирующей его свойства, а не ограничивающейся измерением промежутков времени [48, 412]. Так, с одной стороны, сегодня принято считать, что время есть форма движения материи, что позволяет выделять объективное время, измеряемое отрезками пути небесных тел, и субъективное, основанное на осознании времени. С другой стороны, утверждается, что объективного времени нет, а то, что считается таковым, есть лишь координата в четырехмерном континууме, где время выступает в качестве четвертой оси координат. При этом сам «континуум постижим как чистая абстракция» [8, 182], что значительно затрудняет рассмотрение геополитической реальности как одновременно энергетической и пространственно-временной. Для преодоления данного методологического затруднения, на наш взгляд, целесообразно обратиться к концепции причинности времени советского астрофизика Н. А. Козырева, согласно которой:

- 1) «время обладает особым, абсолютным свойством, отличающим будущее от прошедшего, которое может быть названо направленностью или ходом. Этим свойством определяется отличие причин от следствий, ибо следствия находятся всегда в будущем по отношению к причинам. Это последнее положение вводит в механику новое физическое понятие — ход времени. ...Всякая конкретная причинно-следственная связь

определяется еще и пространственным направлением» [18, 244, 250, 251, 329];

- 2) «в силу этой направленности **время может совершать работу и производить энергию ... ход времени может создавать дополнительную напряженность в системе и тем самым менять ее потенциальную и полную энергию. Поэтому ход времени может быть источником энергии** (выделено мной — О. Т.)» [18, 238, 331];
- 3) для вращающихся небесных тел (включая Землю) движение по часовой стрелке соответствует ходу времени [47, 10, 13–16], так что время может рассматриваться как физическая сила [1; 31; 44], имеющая определенное, не меняющееся направление в пространстве (пространственный вектор), что позволяет говорить о постоянном «потоке времени», направленном справа налево (далее для этого явления будет использоваться термин «мировой ход времени»);
- 4) время обладает плотностью (т.е. способностью хода времени создавать дополнительную большую или меньшую напряженность в трехмерном пространстве системы), которая максимальна на широте экватора, значительна на широтах тропиков к северу и к югу, убывая к широтам Северного и Южного полярных кругов и полностью исчезая на 73° с. ш. [10, 41];
- 5) «воздействие времени не распространяется, а появляется всюду мгновенно, убывая обратно пропорционально расстоянию. ... Материя не экранирует время, его можно

экранировать только физическим процессом» [18, 329].

Понимание времени как физической силы, имеющей определенное, не меняющееся направление в пространстве, которое в проекции на плоскость выглядит как движение справа налево (т.е., в условиях Земли, с востока на запад), отсылает нас к В. И. Вернадскому, называвшему в качестве одного из фундаментальных свойств живой материи принципиальное отличие правого от левого [6; 7]. Аналогичным свойством, по-видимому, обладает и геопространство. Так, стратификация геопространства и социального пространства по оси «Восток — Запад» («правое» — «левое») находит свое отражение и в существовании «восточного» и «западного» типа политической организации общества, проявляющегося в таких сферах, как политико-экономическая (нерасчлененность политики и экономики, отсутствие или неразвитость института частной собственности и ограниченные товарно-денежные отношения на Востоке — выраженная дифференциация политической и экономической сфер, господство частной собственности и рыночных отношений на Западе), социально-политическая (поглощение общества «восточным» государством — государство и «гражданское общество» западного типа) и политико-управленческая («восточная» власть-собственность как логическое продолжение родовых отношений — «западная» власть-технология как противовес родовым отношениям [4, 69]). Таким образом, следует говорить о наполнении геополитической оси «Восток–Запад» «энергетическим» содержанием. Разработанная

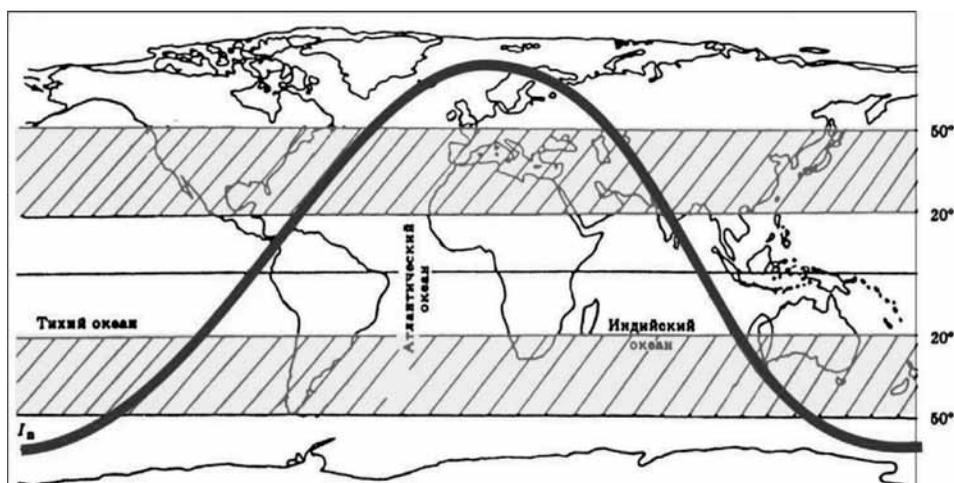

Рис. 1. Зоны наибольшего влияния электромагнитного момента по И. П. Копылову.
 I_v — круговой поперечный ток (в проекции на плоскость имеет вид синусоиды)

И. П. Копыловым модель, устанавливающая корреляцию между электромагнитным полем Земли и геополитически активными зонами, позволяет выявить аналогичное содержание и у оси «Север–Юг»: в Северном и Южном полушариях зоны наибольшего влияния электромагнитного момента между 20° и 50° широты являются одновременно и зонами наиболее высокой геополитической активности (рис. 1) [21, 43].

Важнейшим принципом организации геопространства является также закон энтропийного убывания энергоресурса от центра к периферии, проявляющийся в форме т.н. «краевого» эффекта, характерного для периферийных областей пространственных структур. О высокой энергетике «краевых» процессов в природе и обществе пишет В. А. Дергачев [12, 97]. «Краевой» эффект лежит в основе отмечаемого А. С. Васильевым феномена «убывающей этнической солидарности»: «...в ее (этнической общности — О. Т.) недрах фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически, но подчиняется законам энтропии: сила ее убывает с увеличением дистанции, как социально-родственной, так и территориальной» [4, 59]. Проявление «краевого» эффекта фиксирует определение империи как государства, объединяющего «разнородные этнические и территориальные образования с помощью жестко централизованной власти, влияние которой ослабевает по мере продвижения от центра к провинциям» [5, 81]. Это корреспондирует с ратцелевской концепцией центра, контролирующего пограничную периферию, как о показателе силы государства. Эта концепция описывает т.н. «парадоксальную периферию», которая возникает в тех случаях, когда имперское организующее начало недостаточно плотно охватывает зону своего геополитического контроля. Тогда на по краям такой зоны возникают политические образования, которые, во-первых, минимально унифицированы и потому способны накапливать собственные ресурсы. Во-вторых, эти образования, благодаря как выгодному геополитическому положению, так и накопленным ресурсам, способны перехватить инициативу имперского центра по освоению соответствующей геополитической ниши [14, 38].

Фактически же «краевой» эффект есть следствие «гравитационной» модели взаимодействия центра и периферии, в соответствии с которой центр рассматривается как некая масса, создающая поле тяготения. Так, еще в 20-х–30-х гг. XX в. известный русский ученый-энциклопедист

Н. А. Морозов рассматривал экономические, административные и культурные центры как центры скопления физической энергии, аналогичной энергии электромагнитных и гравитационных полей, образующие гравитационные поля соответственно экономического, административного и культурного притяжения [29, 4–11]. К подобной «гравитационной» модели восходит и метафора «массивность и плотность политий» [15, 63], понимаемая как количество и интенсивность коммуникативных взаимоотношений между политическими акторами. В этом смысле геополитическая динамика есть непрерывный процесс дифференциации в направлении «центр — периферия», начавшийся еще в период неолитической революции, что находит отражение в несколько большей по сравнению с центром (государств, геополитических регионов, материков) дифференцированности периферии. Эта дифференцированность проявляется не только в виде количества расположенных в периферийных зонах территориально-политических структур, меньших по размеру по сравнению с центральными, сколько в большем разнообразии культурно-хозяйственных ландшафтов. Таким образом, фундаментальными свойствами геопространства следует признать:

- его «осевую» организацию по принципу «центр — периферия», «север — юг» и «восток — запад» [13, 120–133];
- анизотропность (зависимость физических свойств от направления) и векторизованность, т.е. существование «энергетически выгодных» направлений переноса энергии социального действия, соответствующих направлениям основных «силовых линий» (переноса солнечной энергии, мирового хода времени, электромагнитного и гравитационного полей).

Проявлением первого из названных свойств геопространства можно считать нарастание интегрального начала по мере продвижения с запада на восток, а дифференциального — в обратном направлении. Соответственно, в самом общем виде можно предположить, что геополитические процессы, направленные с востока на запад, способствуют продвижению в западном направлении интегрального начала Востока, в то время как направленные с запада на восток — продвижению в восточном направлении дифференцирующего западного начала. Эффективность таких геополитических процессов (глубина и продолжительность социально-политических,

культурных и экономических последствий экспансии) будет определяться двумя факторами. Во-первых, это направление вектора экспансии; в этом случае энергозатраты будут наибольшими, а эффективность наименьшей в тех случаях, когда вектор геополитической экспансии противоположен направлениям переноса физической энергии по поверхности Земли. Во-вторых, это энергозатраты на преодоление границ различного уровня — государственных, цивилизационных, этнолингвистических и др. Чем западнее расположены такие границы, тем больше будут их барьерные свойства и, соответственно, тем выше будут затраты на их преодоление даже в условиях «энергетически выгодного» направления вектора экспансии.

Выдвинутую гипотезу осевой организации геопространства следует соотнести с классическими геополитическими моделями. В частности, зоны модели Х. Маккиндера — Н. Спайкмена можно считать наибольшими «таксонами» «центрально-периферической» картины мира. В пользу такой интерпретации существует свидетельство из области геногеографии — направления генетики, исследующего путем картографирования генов и различных генетических параметров географический аспект процесса эволюции генофонда человека, т. е. совокупности генов в популяции, занимающей конкретную территорию [38, 71]. Так, в целях выявления пространственного выражения процесса адаптации той или иной человеческой популяции к условиям окружающей среды было проведено исследование адаптивной структуры генофонда (разнообразия реакций генов на давление окружающей среды) популяций девяти условно выделенных регионов мира, в том числе Евразийского, куда была включена вся территория бывшего СССР [3, 288–297]. «Результат, — отмечают исследователи, — оказался совершенно непредвиденным: не Африканский генофонд (предположительно эволюционно исходный), не Европейский (находящийся в фокусе всемирно-исторического процесса), но Евразийский генофонд... оказался центральным в генетическом пространстве и наиболее близким к мировому по своим генетическим характеристикам» [3, 293]. Таким образом, центральное положение хартленда как «осевого пространства» характеризуется наиболее высокими показателями устойчивости (адаптивности) и на генетическом уровне, причем границы области наибольшей устойчивости практически полностью совпадает с наименее

«мобильной» центральной частью хартленда, выделенной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским [37, 35]. Результаты данного исследования свидетельствуют и о том, что накопленное в ходе эволюции межпопуляционное разнообразие, т. е. фактически отмечавшаяся Х. Маккиндером возрастающая по мере удаления от хартленда «мобильность» внутреннего и внешнего полумесяцев, увеличивается поширотно, в самом общем виде соответствуя маккиндеровской модели [3, 296].

Что же касается модели К. Хаусхофера, то в ее «панрегионах» можно видеть основные зоны убывания интегральной тенденции политий «восточного» типа и, соответственно, возрастания дифференциации, свойственной политиям «западного» типа. В этом отношении весьма характерно, что промежуточное положение на условной шкале «интеграция — дифференциация» занимают такие государства и государственные объединения центральных зон, как Россия, балканские государства (распавшийся союз Сербии и Черногории, Босния-Герцеговина), Турция, Пакистан, Индия и ОАЭ. В исторической ретроспективе в этих зонах модели Хаусхофера располагались государства, в которых степень частнособственнической активности намного превышала обычную для неевропейских обществ норму, однако частная собственность на землю так и не оформилась [4, 233; 30, 176; 16]. Увеличение дифференциации политического пространства с востока на запад ранее прослеживалось нами на примере пограничной политики империй [42]; аналогичную картину дает и геногеография, выявляющая присущий генофонду всего человечества «градиент» внутривидового разнообразия по оси «Восток–Запад»: последнее минимально на восточной части геопространства и возрастает по мере продвижения в западном направлении [3, 296]. Иными словами, «интегральное» начало Востока проявляется в виде минимального различия между отдельными индивидами человеческих популяций восточных ареалов, в то время как по мере продвижения на запад различия между отдельными индивидами человеческих популяций возрастает.

Исходя из сказанного, следует признать пространственную причинность геополитических процессов, основу которых составляют электромагнитные и гравитационные взаимодействия, а также мировой ход времени. Исходя из существования трех источников энергии (Солнца, мирового хода времени и электромагнитного поля

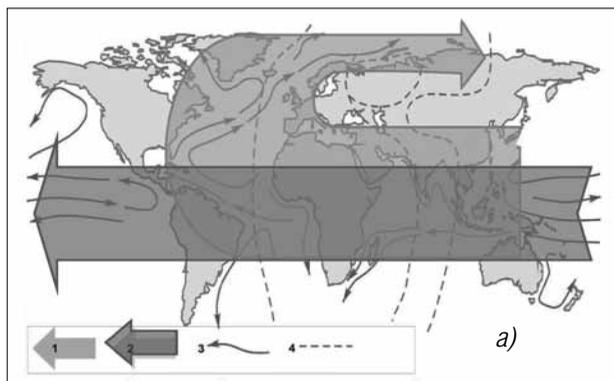

Земли), каждый из которых имеет собственную проекцию на земную поверхность, нами была предложена динамическая модель геополитических процессов (рис. 2), в рамках которой «энергетически выгодные» векторы геополитической экспансии заданы:

- 1) **направлением мирового хода времени с востока на запад:** при движении в сторону, противоположную мировому ходу времени (против вращения Земли, т. е. с запада на восток), время оказывает на материальный объект давление с возникновением дополнительных сил, которое уменьшается с убыванием плотности времени к широтам Северного и Южного полярных кругов и исчезает с исчезновением плотности времени на 73° с. ш.;
- 2) **направлением, соответствующим направлению переноса солнечной энергии океаническими течениями,** которое совпадает с направлением мирового хода времени на южных широтах Восточного полушария (зона пассатных течений), но противоположно мировому ходу времени на северных широтах Атлантики (Гольфстрим и Северо-Атлантическое течение) и в районе Тихого океана (экваториальное противотечение и Северо-Тихоокеанское течение). Расчет траекторий переноса энергии социального действия в направлении переноса солнечной энергии нами не производился, однако следует выдвинуть предположение, что в западной части Евразии начало разворота такой траектории с запада на северо-запад (и точку «разветвления» двух потоков — солнечной энергии и мирового хода времени) следует искать в юго-восточной части Прикаспия, а с северо-запада на север и, далее, на северо-восток — между 55° – 60° с. ш. и 40° – 45° в. д. В этой связи допустимым, на наш взгляд, представляется предположение, что характерный для Северной Америки «сквозной» (линейный) принцип [22, 136] пространственной организации есть косвенное свидетельство отличия организации геопространства северной части Восточного полушария от Западного, где доминирующим является линейное направление мирового хода времени;
- 3) **направлением токов электромагнитного поля Земли,** обуславливающих перенос энергии социального действия в направле-

нии оси «Север — Юг». При этом следует ожидать, что характер протекания геополитических процессов в направлении данной оси будет определяться суммарным действием электромагнитного поля, океанических течений и «потока времени», поскольку «во вращающихся телах под влиянием “потока времени” должны возникать дополнительные силы... При... “лево-стороннем” вращении на экваториальные массы действует сила, направленная к северу, вблизи оси вращения она направлена к югу...» [10, 41].

В этой связи отметим, что при разработке модели было введено два дополнительных ограничения:

- 1 — направление переноса солнечной энергии
- 2 — направление мирового хода времени (в зоне максимальной плотности времени)
- 3 — океанические течения
- 4 — границы геополитических зон в модели Хаусхофера

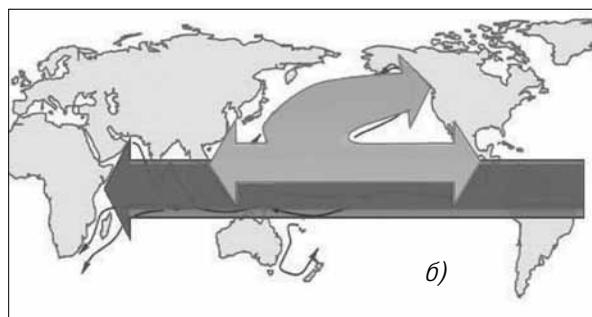

Рис. 2. Модель пространственной обусловленности геополитических процессов
а) в Евразийско-Атлантическом регионе;
б) в зоне Тихого океана

1) северо- и юго-западное направления вектора геополитической, геоэкономической и геокультурной экспансии относительно столицы осуществляющего такую экспансию государства рассматривались как собственно западное, а северо- и юго-восточное направления — как собственно восточное направление. Влияние же оси «Север–Юг» учитывалось лишь в использовании концепции И. П. Копылова в части, касающейся зон повышенной геополитической активности между 20° и 50° широты в Северном и Южном полушариях, а также в допущении, что начиная с 20° с. ш. удельный вес мирового хода времени постепенно уменьшается и исчезает у 73° с. ш. (выше которой действуют только направленные с севера на юг силы электромагнитного поля Земли), в то время как удельный вес переноса солнечной энергии увеличивается и в районе 65° с. ш. становится доминирующим;

2) предлагаемая модель использовалась для анализа геополитических процессов Восточного полушария, поскольку именно в нем расположены основные геополитические и геоэкономические центры. Так, описанное Н. В. Морозовым «продвижение цивилизации» из Передней Азии по территории Благодатного Полумесяца происходило преимущественно в направлении мирового хода времени на широтах, относящихся к зоне максимальной геополитической активности. Аналогичным образом, по-видимому, в XX–XXI вв. произошло и смещение мирового геоэкономического «ядра» к Тихоокеанскому побережью США и далее в АТР.

В свою очередь, «смещение центров интенсивности хозяйствования» (Н. В. Морозов) из зоны Благодатного Полумесяца на северо-запад обусловлено разделением энергопотоков, так что образование и последующее усиление части европейских геополитических центров силы произошло преимущественно в направлении мирового хода времени (итальянские города-государства, Испания, Англия), а части — преимущественно в направлении переноса солнечной энергии (Голландия, Франция, прирейнские и прибалтийские земли Священной Римской империи) (схема 1). При этом в области увеличения удельного веса переноса солнечной энергии тенденция к дифференциации может возрастать и в направлении суммарного вектора энергопотоков.

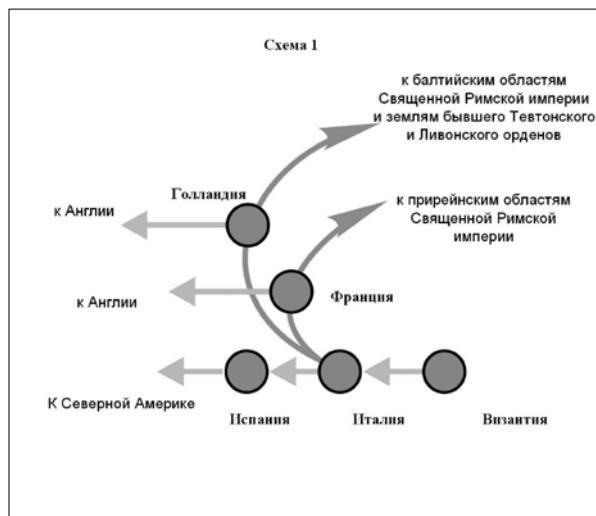

Схема 1. Смещение геополитических центров силы из зоны Благодатного Полумесяца в направлении мирового хода времени в направлении переноса солнечной энергии

Образование геополитических центров не происходит одновременно даже в том случае, если они лежат на одной «силовой линии» геопространства (схема 1), а усиливаться будет только тот центр, который эффективно организует свою периферию. Тогда старые геополитические центры силы с появлением нового актора могут:

а) частично сохранить свой геополитический статус или утратить его, сохраняя свою территориальную целостность (схема 1);

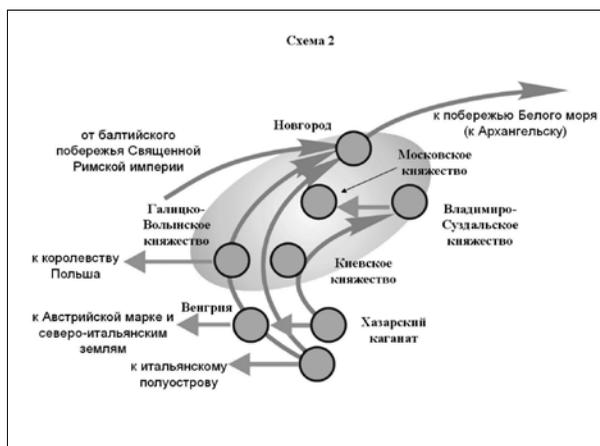

Схема 2. Перенос энергии социального действия с распадом старого геополитического центра силы — в направлении мирового хода времени — в направлении переноса солнечной энергии

б) распасться на самостоятельные центры силы, конкурирующие за доминирование в регионе (схема 2);

в) объединить (хотя бы на некоторое время) в единое целое несколько территориально-политических структур (схема 3).

В отличие от геополитических центров силы, образование которых возможно только в результате высокого уровня хозяйственной и политической организации по оси «центр — периферия», в случае геоэкономических центров в ходе переноса энергии социального действия образуются (и усиливаются) будет только тот из них, который имеет преимущества в организации информационных потоков и, соответственно, коммуникационных возможностей.

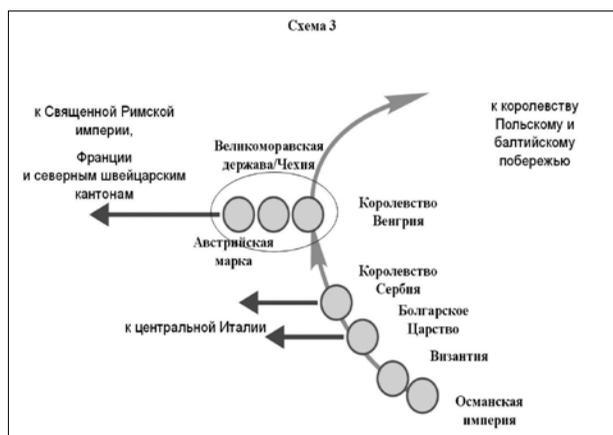

Схема 3. Перенос энергии социального действия с объединением старых геополитических центров силы

← в направлении мирового хода времени
 ↷ в направлении переноса солнечной энергии

Применительно к геополитической экспансии предлагаемая модель позволяет также выделить несколько широтных зон различного влияния энергопотоков на перенос энергии социального действия (рис. 3):

I. Область максимальной интенсивности геополитических процессов 20° с. ш. и 50° с. ш.

Здесь «при прочих равных условиях» осуществление поширотной направленной с востока на запад экспансии происходит с меньшими энергетическими затратами и приводит к более глубоким

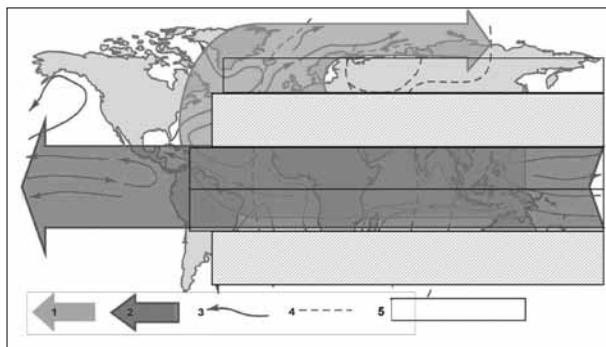

Рис. 3. Широтные зоны различного влияния энергопотоков на перенос энергии социального действия

- 1 — в направлении переноса солнечной энергии
- 2 — в направлении мирового хода времени
- 3 — океанические течения
- 4 — границы геополитических зон в модели Хаусхофера
- 5 — широтные границы зон плотности времени (штриховкой выделены зоны повышенной геополитической активности по И. П. Копылову)

политическим последствиям, чем в случае направленности вектора экспансии с запада на восток. Энергетически выгодным на европейской территории является также экспансия, вектор которой совпадает с направлением, определяемым разворотом траектории переноса солнечной энергии. При этом необходимо выделять два уровня реализации геополитической экспансии: субрегиональный и макрорегиональный. Выбор направления на первом из них связан с успешностью кампании на конкретном ТВД, а на втором — с долгосрочными перспективами государства как геополитического центра силы. Наиболее яркими примерами успешности экспансии в энергетически выгодных направлениях на данных широтах являются:

- 1) Финикийская, а затем греческая колонизация средиземноморского бассейна; преимущественное расширение в западном направлении Китайской империи, Вавилонского царства, Ассирии, Персидского государства (с учетом итогов греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э.), а также Карфагена; западный вектор военных походов римлян в период Пунических войн. На этих широтах располагался Благодатный Полумесяц — пояс величайших цивилизаций древности. О значимости западного вектора здесь можно судить по продолжающимся поисками прародины человечества не в Африке, а в Центральной и Южной Азии [1, 251; 43].

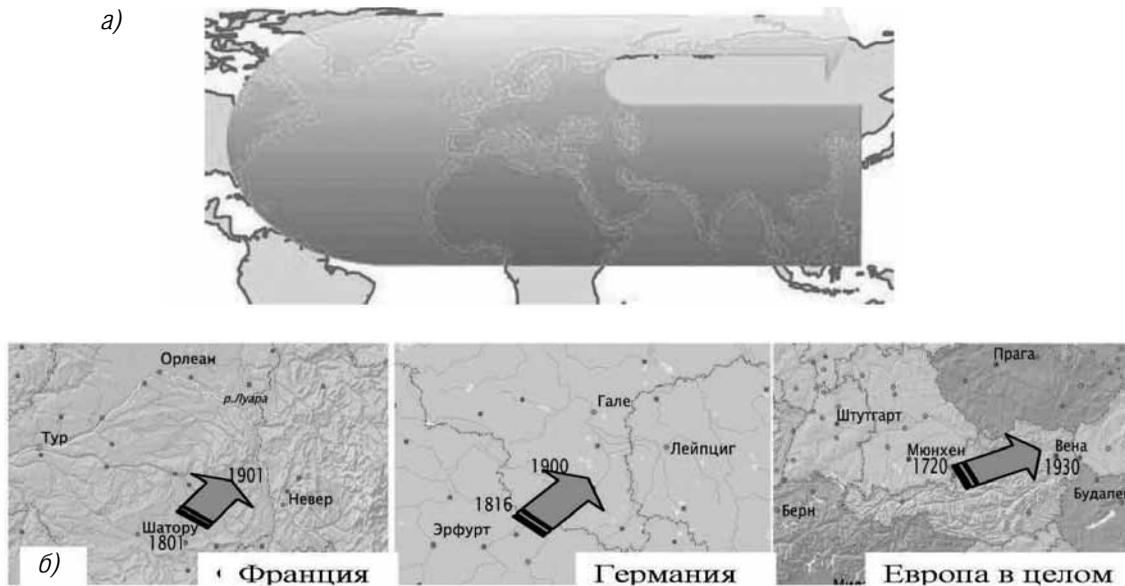

Рис. 4. Смещение центров населения в Европе
 а) в соответствии с предлагаемой моделью геополитических процессов
 б) по данным центрографических исследований

- 2) В средние века и раннее Новое время — вторжение германских племен на территорию Римской империи; завоевание арабами бассейна Средиземного моря и Пиренейского полуострова; военная экспансия на запад монголов и турок — сельджуков и османов; завоевание Англии норвежцами и норманнами; Реконкиста (освобождение Пиренейского полуострова от арабов); расширение в западном направлении Первого и Второго Тюркского каганатов, Персии (в Закавказье), а также Испании эпохи Великих географических открытий; начало активной колонизации Северной Америки; завоевание Китая манчжурами; движение с востока на запад объединенных польско-литовско-русских сил в Грюнвальдской битве, русских и украинских войск в русско-польской войне 1654–1667 гг. и др. [4, 251; 16, 642–643].
- 3) В Новое время с XVIII в. до Первой мировой войны — активная колонизация Северной Америки; движение русских войск в период Северной и Семилетней войны и трех русско-турецких войн (здесь — прежде всего на самом ТВД, поскольку на макрорегиональном уровне движение происходило по дуге переноса солнечной энер-

гии в направлении, противоположном движению данного энергопотока, что замедляло достижение желаемых политических результатов); наступление германских войск в период франко-прусской войны 1870–1871 гг.; западное расширение Японии в 1905–1907 гг.; движение войск стран Антанты в период Первой мировой войны.

Отметим, что значительное количество техногенных факторов, обусловленных научно-техническим прогрессом, усложняет обнаружение взаимосвязи общества с его природной внешней средой, отчего пространственный детерминизм геополитических процессов гораздо более отчетливо прослеживается на примерах государств Древнего мира, Средних веков и раннего Нового времени. Однако геополитическая динамика XX–XXI вв. демонстрирует те же закономерности. Так, совпадающий с направлением мирового хода времени вектор экспансии косовских албанцев представляет угрозу не только для самих Балкан, но и для всей Западной Европы (особенно в том случае, если этот вектор будет развернут в направлении переноса солнечной энергии). В свою очередь, выбор американским командованием Кувейта в качестве плацдарма для начала военной операции в Иране при сохранении западного вектора экспансии США

Рис. 5. Смещение центра населения в России/СССР по В.П. Семенову-Тян-Шанскому

- 1 — траектория перемещения центра населения в 1613–1926 гг.
2 — траектория перемещения центра территории в 1300–1926 гг.

в данном регионе угрожает безопасности не только Ирана, но и Сирии (а в долгосрочной перспективе также безопасности Балкан и в целом восточноевропейского региона). В первом случае направление геополитического давления совпадает с направлением мирового хода времени, во втором — с направлением переноса солнечной энергии. Аналогичным образом Афганистан может также стать для США эффективным плацдармом не только для контроля Китая и Индии, но и для потенциально возможной экспансии в направлении мирового хода времени (Иран — страны Средиземноморского бассейна), а также в направлении переноса солнечной энергии (Прикаспийский регион — Закавказье — юг и юго-запад России — Восточная Европа; проблема последствий для самих США их восточного внешнеполитического вектора будет обсуждена несколько ниже). Успешность переноса энергии социального действия в направлении переноса солнечной энергии между 40° з. д. и 45° в. д. может быть проиллюстрирована на примере перемещения не только геополитических центров силы (схемы 1–3), но также и центров населения в Европе [35, 15] (рис. 4) и России [37, 35] (рис. 5).

В последнем случае это перемещение происходило преимущественно в «энергетически невыгодных» для страны направлениях, в результате чего начавшееся со второй половины XIX в. движение населения Российской империи, а затем СССР на восток, перемещение центров населения привели к образованию разрывов в этническом

ядре русских как государствообразующего этноса [37, 35] и столь заметному его ослаблению, что политика интенсивного движения переселенческих масс на восток России была свернута: «Даже власти заметили, что “откачка” людей и средств на восток... чревата депрессивными провалами в историческом ядре страны» [36, 84]. Отметим, что на аналогичные последствия подобных явлений в Древней Руси указывал еще В. О. Ключевский: «Постоянное движение населения к окраинам ее ослабляло центр, разрывало связи, скреплявшие разные части области между собой, так что эти связи не выдерживали давления неблагоприятных внешних явлений» [17, 54].

Что же касается «энергетической выгоды» направлений геополитических векторов России в целом, то, анализируя в рамках представленной модели ее военную историю XIII–XX вв., следует говорить о том, что поширотное движение ее войск в западном направлении оказывалось успешным для России даже после значительных территориальных потерь на предыдущих этапах военных действий (как, например, в период Смутного времени, Отечественной войны 1812 г., после Октябрьской революции 1917 г., в ходе Великой Отечественной войны). В то же время на протяжении всей своей истории Россия демонстрирует значительную уязвимость своих юго-восточных и южных рубежей, поскольку внешняя геополитическая экспансия в этих регионах осуществляется в «энергетически выгодном» направлении, а противостояние ей — в восточном направлении, связанном с максимальным напряжением всех ресурсов государства. Сказанное позволяет оценивать в качестве наиболее существенных угрозы нелегальной китайской миграции, транзита наркотиков на участке границы РФ от Республики Тувы до Белгородской области, а также угрозу разползания военного конфликта по юго-западному и южному сегментам пограничного пространства страны.

Подчеркнем, однако, что не только для России, но и для любого государства восточный вектор поширотной геополитической экспансии на широтах ниже 50° с. ш. связан с тем большими затратами энергии, чем на более низких широтах эта экспансия осуществляется, что наиболее отчетливо проявляется в долгосрочной перспективе развития политико-административной сферы.

В качестве примеров, свидетельствующих о значительном истощении ресурсов государства

при осуществлении им пошнротной экспансии с запада на восток, могут быть названы также итоги Столетней войны для Англии, русского похода Бонапарта для Франции, русско-японской войны для Российской империи, не говоря уже о Первой и Второй мировых войнах (распад Австро-Венгрии, утрата Германией статуса геополитического центра силы). Аналогичным образом можно, по-видимому, рассматривать и мировой экономический кризис, последовавший за Крымской войной — несмотря на успехи Англии и Франции на локальном ТВД.

С развитием коммуникаций, увеличивающих возможности геополитических центров контролировать пространство своих восточных периферий, «энергетическая предпочтительность» восточного вектора экспансии остается меньшей по сравнению с западной, что показывает сравнение продолжительности сохранения метрополиями своих колоний. Так, дольше всех удерживала свои латиноамериканские колонии Испания, чей геополитический вектор был направлен с востока на запад («базой» дальнейшей колонизации Филиппин служило западное побережье уже колонизованной Мексики), в отличие от Португалии, Голландии, Франции и даже Англии. Последняя, учитывая ее более поздний выход на мировую арену в качестве мировой колониальной державы, сохраняла «в своей короне» Индию практически на 100 лет меньше, чем Испания — территории Южной Америки.

В этой связи можно предположить, что в современных условиях восточный вектор геополитической экспансии на южных и даже средних широтах не только значительно менее эффективен при достижении средне- и долгосрочных (стратегических) целей, но и ведет к столь существенным затратам энергии, которые даже для сверхдержав чреватны истощением ресурсов. В этой связи обращает на себя внимание не только факт малой эффективности практически всех ведущихся в восточном направлении попыток и Британской империи, и СССР, и Соединенных Штатов установить устойчивый контроль над территорией Афганистана. Исходя из предлагаемой модели, следует признать дестабилизирующее воздействие на геэкономический и геополитический потенциал США реализации ими «плана Анаконды» — и в долгосрочной перспективе в целом, и его ближневосточного этапа в частности даже при успешности отдельных военных операций. В этом смысле усиление

депрессивных тенденций в американской экономике и постепенная утрата США статуса геополитического гегемона явились закономерным итогом сохранения ими восточного вектора геополитической экспансии.

II. Между 20° ю. ш. и 50° ю. ш.

Здесь в пользу преимуществ западного вектора свидетельствуют: происходившее с востока на запад заселение Австралии европейцами и направленность с востока на запад абсолютного большинства экспедиций по исследованию ее внутренних областей [9; 25]; образование английских колоний на юге Африки, значительно более успешное, чем происходившее в области максимальной плотности времени (между 20° ю. ш. и 20° с. ш.) продвижение вглубь континента португальцев, особенно по сравнению с их движением с запада на восток [9; 25]; западный региональный вектор английских войск в период англо-бурской войны;

III. Область максимальной плотности времени между 20° ю. ш. и 20° с. ш.

Здесь восточный вектор экспансии, встречающий наибольшее сопротивление со стороны мирового хода времени, должен быть максимально затруднен. Показательна в этом смысле направленность с востока на запад по экваториальной Африке как основных масс «живого товара» (потокн работнрговли в направлении с запада на восток, в страны арабского Востока, и в северном направлении, в район Средиземноморья, были значительно слабее [26; 33]), так и абсолютного большинства экспедиций по исследованию африканских территорий. В тех же случаях, когда экспедиции в течение длительного времени двигались с востока на запад, против мирового хода времени (экспедиция Д. Ливингстона), это приводило к заметно большему физическому истощению ее участников. Высокая плотность времени накладывает отпечаток на свободу перемещений человеческих масс и, следовательно, понижает уровень геополитической и геэкономической динамики пространственных структур, расположенных в рассматриваемой широтной зоне.

IV. Область постепенного понижения плотности времени и усиления доминирования направления переноса солнечной энергии выше 50° с. ш.

Наиболее яркими примерами предпочтительности восточного геополитического вектора экспансии, осуществляемой при приближении к 65° с.ш., где направление переноса солнечной энергии с запада на восток становится доминирующим, является стремительная русская колонизация Сибири и процесс становления Северного морского пути. Рассмотрим более подробно восточный вектор экспансии на пространствах между 50° и 65° с. ш., особенно государств, столицы которых расположены выше 50° с. ш. (Дания, Швеция, Англия, Голландия, Германия, Польша, Россия). Так, происходящее на рассматриваемых широтах одновременное убывание плотности времени и увеличение удельного веса переноса солнечной энергии ведет к установлению здесь своего рода равновесия между двумя противоположно направленными потоками энергии. Рост удельного веса потока энергии, направленного с востока на запад, обуславливает повышенную заинтересованность в восточном направлении геополитического вектора тех европейских государств, чьи столицы расположены выше 50° с. ш. В то же время установление названного равновесия затрудняет осуществление на данных широтах экспансии в обоих направлениях, примером чего можно считать периоды переменного успеха противостояния здесь России с одной стороны и Литвы, Польши, Швеции, Германии — с другой.

Возможность реализации экспансии с севера на юг (в направлении линий электромагнитного поля Земли) в районе 73° с. ш. следует рассматривать как возможность осуществления геополитического давления на северные участки пограничных пространств как евразийских, так и североамериканских государств. Геополитический смысл сказанного становится очевидным в контексте темы «войны за Арктику», расположенную между северными границами Канады и США и северными границами РФ и европейских государств.

Побудительным мотивом данного исследования явилось опасение того, что из геополитики в недалеком будущем может совсем исчезнуть ее основной объект — собственно геопространство. Предлагаемая модель позволяет рассматривать физическую и социальную обусловленность геополитических процессов в их единстве как геостратегический ресурс государства.

Примечания

1. *Алексеев В. П.* Расселение и численность древнейшего человечества // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. Материалы симпозиума «Первичное расселение человечества». М.: Ин-т географии РАН, 1997.
2. *Арушанов М. А., Короткаев С. М.* Поток времени как физическое явление (по Н. А. Козыреву). Деп. ВИНТИ. 22.12.89. № 7598-В-89.
3. *Балановская Е. В., Рычков Ю. Г.* Генофонд человека на этапах освоения ойкумены: адаптивная эволюция и геногеография // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. Материалы симпозиума «Первичное расселение человечества». М.: Ин-т географии РАН, 1997.
4. *Васильев А. С.* История Востока. В 2 тт. М.: Высш. шк., 1998. Т. 1.
5. Введение в политологию. Словарь-справочник / Под ред. В. П. Пугачева. М.: Аспект-Пресс, 1996.
6. *Вернадский В. И.* О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных тел биосферы // Проблемы биогеохимии. Вып. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
7. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе. М.: Наука, 1975.
8. *Виноградов Н. А.* Категория «время» в историческом цикле // Циклы природы и общества. Материалы IV международной конференции. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1996.
9. *Витвер И. А.* Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963.
10. *Дадаев А. Н.* Николай Александрович Козырев // Козырев Н. А. Избранные труды. Составители А. Н. Дадаев, Л. С. Шихобалов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
11. *Демин А. И.* Парадигма дуализма: Пространство — время, информация — энергия. М.: Издательство ЛКИ, 2007 (Relata Refero).
12. *Дергачев В. А.* Геополитика. Киев: ВИРА-Р, 2000.
13. *Заварзин Г. А.* Империя: пугающее слово или понятие? // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 2.
14. *Ильин М. В.* Геохронополитика — соединение Времени и Пространств // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 2.
15. *Ильин М. В.* Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. № 1.

16. История Востока. В 6 т. М.: Восточная литература РАН, 1998–2000. Т. 1.
17. *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. / Под ред. *Р. А. Киреевой и А. Ф. Киселева.* М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
18. *Козырев Н. А.* Избранные труды. Составители А. Н. Дадаев, Л. С. Шихобалов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
19. *Кокوشي А. А.* О стратегическом планировании в политике / Научн. ред. проф., д. п. н. А. А. Савельев. М.: КомКнига, 2007.
20. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001.
21. *Копылов И. П.* Электромеханика планеты Земля. М.: Изд-во МЭИ, 1997.
22. *Королев С. А.* Генезис российского пространства и проблемы федерализма // Россия и современный мир. 2001. № 4 (33).
23. *Левек П.* Эллинистический мир: Пер. с фр. М.: Наука, 1989.
24. *Левевр В.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1967.
25. *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки истории географических открытий. В 5 тт. М.: Просвещение, 1982–1986.
26. *Максаковский В. П.* Историческая география мира. М.: Экопрос, 1997.
27. *Михайлов Ю. П.* Возрождение геополитики // География Азиатской России на рубеже веков. Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока 28–30 нояб. 2001 г. Иркутск: Ин-т географии СО РАН, Сиб. и Дальневост. отд. РГО, 2001.
28. *Михалев С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Вступит. ст. и ред. В. А. Золотарева. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003.
29. *Морозов Н. А.* История человеческой культуры в естественнонаучном освещении. В 7 тт. Т. 2: Силы земли и небес. М.: КРАФТ+ЛЕАН, 1998.
30. *Морозов Н. В.* Продвижение цивилизации от Передней Азии к Северо-Западной Европе (Предварительные тезисы) // География и хозяйство. Л.: Изд. Геогр. о-ва СССР, 1968.
31. *Подольный Р. Г.* Освоение времени. М.: Политиздат, 1989.
32. *Поздняков А. И.* Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях. Монография. М.: ВАГШ, 2008.
33. *Покшишевский В. В.* Население и география. М.: Мысль, 1978.
34. *Полуян П. В.* Горящая кровь экономики. Экономическая и политэкономия. Кредо филократов XXI в. // Научный эксперт. 2009. № 12.
35. *Светляковский Е. Е., Иллс У. К.* Центрографический метод и региональный анализ // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд. Геогр. общ. СССР, 1989.
36. *Селиверстов В. Е., Каппеллин Р., Трейвиш А. И. и др.* Совершенствование форм и механизмов межрегиональной интеграции в России и обзор европейского опыта. Аналитический доклад. Новосибирск: СО РАН, 1999.
37. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Центр России, его особенности и значение для страны // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд. Геогр. о-ва СССР, 1989.
38. *Серебровский А. С.* Проблемы и методы геногеографии // Труды I Съезда генетиков и селекционеров. Б/м, 1930. Т. 2.
39. *Соколов Ю. Н.* Общая теория цикла. Единая теория поля // Циклы природы и общества. Материалы IV международной конференции. Ч. 1. Ставрополь: Ин-т им. В. Д. Чурсина, 1996.
40. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Ин-та, 2000.
41. *Страус А. Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2.
42. *Тынянова О. Н.* Власть и граница. Аналитический экскурс // Власть. 2008. № 9.
43. *Хрисанфова Е. Н.* Древнейшие этапы гоминизации // Итоги науки и техники. Сер. Антропология. 1987. Т. 2.
44. *Чернин А. Д.* Физика времени. М.: Наука, 1987.
45. *Чижевский А. Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
46. *Чумаков А. Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Научное издание. [Текст]: монография / А. Н. Чумаков. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2006.
47. *Шихобалов Л. С.* О направленности времени. Деп. ВИНТИ. 1.12.88. № 8489-В-88.
48. *Шихобалов Л. С.* Причинная механика Н. А. Козырева: анализ основ // Козырев Н. А. Избранные труды. Составители А. Н. Дадаев, Л. С. Шихобалов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
49. *Штеренберг М. И.* Синергетика: наука? философия? псевдорелигия? М.: Academia, 2007.

ШЕСТОВА Т. Л.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИБИЯ

Проблемы геостратегии, начиная с «Истории» Геродота, являются важнейшей частью исторических концепций. Аристотель в «Поэтике» первым назвал Геродота «историком» в значении «автор исторического сочинения» (в эпоху эллинизма термин «история» стал прилагаться к сочинениям современников Геродота и последователей Фукидида. — *Ред.*). Кстати говоря, Аристотель первым предложил проводить различие между исторической литературой и другими литературными жанрами: первая описывает реальность действительную, а вторая — вымышленную, которая возникает в воображении автора. «...Историк и поэт, — отмечает Аристотель, — различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном» (Аристотель. Поэтика 1451 b).

Война и мир, напряженность и безопасность, союзники и противники — вот центральные темы всех наиболее значимых исторических трактатов античности. Историописание выделилось из общего русла греческой литературы в самостоятельную ветвь именно благодаря геостратегической значимости вопросов, рассматриваемых Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Эфором, Феопомпом, Полибием и др. Не случайно первые шаги исторической науки — это истории

войн, определивших становление европейской цивилизации. Фукидид описывал противостояние двух возвысившихся после греко-персидских войн городов — Афин и Спарты — и разгоревшуюся между ними войну, которая, по его словам, «стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества» (Фукидид. История Пелопоннесской войны, I, 1, 2). Стержнем произведения Фукидида стала геостратегическая концепция истории всего средиземноморского бассейна, которая определила внешнеполитический курс одной из самых влиятельных афинских партий. Следует иметь в виду, что античные историки уделяли большое внимание взаимодействию природной среды и социальной реальности

Последовавший за Пелопоннесской войной раскол греческого мира на фоне нового усиления Персии описывал продолжатель Фукидида Ксенофонт (ок. 430 — ок. 360 до н. э.), который завершил свой труд описанием битвы при Мантине (362 до н. э.), ставшей последней чертой в великой истории полисной Греции. За ней неотвратимо следовало либо иноземное завоевание, либо изменение всей системы взаимоотношений между греческими общинами. «Здесь собралась вместе почти вся Греция, — писал Ксенофонт об этой битве, — и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако... ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни

нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде» (Ксенофонт. Греческая история, VII, 5, 26). И действительно, вскоре над увязнувшими в междоусобицах городах Эллады нависла угроза македонского или нового персидского завоевания.

В основе работ Эфора (ок. 405 – ок. 330 до н.э.) и Феопомпа (ок. 377 – ок. 300 до н.э.) лежала геостратегическая концепция афинского ратора Исократ (436 – 338 до н.э.). Исократ полагал, что греческим городам для сохранения своего геополитического могущества необходимо организовать всегреческий поход на восток, и видел македонского царя Филиппа в качестве возможного организатора такого похода. За этой геостратегической концепцией следовали идеологические установки последователей Исократ, выразившиеся в их борьбе с Демосфеном и его сторонниками, выступавшими за сохранение независимости афинской демократии от македонской монархии.

Можно приводить и другие примеры, подтверждающие интерес античных историков к геостратегическим проблемам. Кроме того, многие из авторов исторических трактатов сами были крупными политиками, участвовали в военных операциях и занимали командные должности. Так, Фукидид во время Пелопоннесской войны был избран в верховную военную коллегию Афин в качестве одного из десяти стратегов. В 424 г. до н.э. он возглавлял афинское войско в Амфиполе — фракийской колонии Афин. Во время наступления на Фракию спартанского войска под командованием талантливого полководца Брасида Фукидид потерпел неудачу. Находясь с афинской эскадрой в море, он не успел прийти на помощь остававшемуся в городе гарнизону, и Брасид, опираясь на помощь заговорщиков, захватил Амфиполь. Афиняне расценили поведение Фукидида как измену и приговорили к пожизненному изгнанию. Через двадцать лет ему было разрешено вернуться в Афины, но он не воспользовался этим разрешением и остался в изгнании, где написал свой великий труд — «Историю Пелопоннесской войны».

Афинянин Ксенофонт после свержения «тридцати тиранов» (403/02 до н.э.), власть которых он поддерживал, вынужден был покинуть родной город. Одно время он служил наемником персидского царевича Кира Младшего, пытавшегося свергнуть своего брата Артаксеркса с

персидского трона. Когда Кир Младший погиб, войску наемников пришлось самостоятельно возвращаться на родину. Этот поход был описан Ксенофонт в одном из лучших сочинений всей античной военно-исторической прозы — «Анабасисе». Затем Ксенофонт нашел убежище в Спарте, где сблизился с царем Агесилаем и вступил в спартанское войско. За это он был приговорен в Афинах к смертной казни. Позднее, с изменением политического режима в Афинах, он был амнистирован. Крупную военно-политическую карьеру сделал Полибий (ок. 200 – 118 до н.э.) из аркадского Мегалополя, геостратегической концепции которого посвящена данная статья.

Полибий был сыном стратега Ахейского союза, а затем и сам стал помощником стратега, начальником ахейской конницы. Его молодость пришлось на время борьбы Рима, эллинистических монархий и Ахейского союза за преобладание на Балканах и в восточном средиземноморье, а зрелость — на время борьбы Рима и Карфагена за гегемонию в западном средиземноморье. Полибию довелось оказаться в самой гуще событий большой средиземноморской политики, участвовать как в дипломатических мероприятиях, так и в военных операциях.

После победы римлян над македонцами в III Македонской войне (171–168 до н.э.) (в борьбе Рима и Македонии Ахейский союз старался держать нейтралитет) Полибий вместе с другими знатными ахейцами был отправлен (в 167 до н.э.) в качестве почетного заложника в Рим, где прожил около семнадцати лет. В Вечном городе Полибий стал приближенным полководца Эмилия Павла, победителя македонского царя Персея, и близким другом покорителя Карфагена Сципиона Эмилиана. Последний был воспитан в традициях почитания высокой культуры греков. Как рассказывает Плутарх, Сципиона Эмилиана смолоду «окружали учителя грамматики, философии и красноречия, мало того, скульпторы, художники, объездчики, псары, наставники в искусстве охоты — все это были греки» (Плутарх, Эмилий Павел, VI).

Полибий стал одним из представителей высокообразованной эллинской верхушки, приближенной к дому Сципионов. Римляне особо ценили практический опыт Полибия как военного стратега, а также его теоретические знания в области военного дела (сочинение Полибия по военному искусству пользовалось в Риме большой известностью). Вскоре Полибий становится убежденным сторонником Рима, принимает

участие в политических и военных операциях в качестве римского эмиссара. Он сопровождал Сципиона во многих походах, непосредственно присутствовал при взятии и разрушении Карфагена (146 до н. э.).

Вершиной политической карьеры Полибия становится руководство обустройством греческих территорий после окончательного подпадания их под власть римлян. На этом поприще Полибий проявил себя защитником не только римских, но и греческих интересов. Как указывают античные источники, за отстаивание наиболее мягких условий для греческих городов в честь Полибия в ряде полисов были установлены скульптуры и памятные стелы с благодарственными надписями (одна из таких стел была обнаружена археологами). Полибий много путешествовал. Он неоднократно бывал в Египте, Карфагене, Галлии, Испании, Малой Азии, совершил морское путешествие вдоль побережья Атлантики.

Полибий оставил после себя целый ряд научных сочинений. Кроме руководства по военной стратегии и тактике, он написал историю Нумантинской войны, жизнеописание основателя Ахейского союза Филопемена, описание экваториальных земель¹. Однако эти сочинения до нас не дошли. Главным трудом Полибия стала «Всеобщая история» в сорока книгах, из которых пять сохранились полностью, а остальные — в сокращениях или пересказах. Этот труд вошел в историю мировой мысли как самое значительное произведение эллинистической историографии. Полибий жил в эпоху цивилизационного перелома, в ходе которого центр силы молодой европейской цивилизации сместился — от Великой Эллады к Великому Риму. Полибий стал одним из первых, кто отразил этот переход в своей концепции всемирной истории. Главная нить повествования Полибия, осевой стержень его концепции — выяснение причин возвышения Рима, которое он преподносит как цель всей предшествовавшей истории человечества (ойкумены). Задача его труда — показать, «каким образом и силой каких государственных учреждений римляне в течение неполных пятидесяти трех лет покорили почти всю обитаемую землю и подчинили ее своему безраздельному владычеству» (Полибий. Всеобщая история, I, 1, 3).

Геостратегическая концепция Полибия строилась на идее закономерности установления

мирового господства Рима, которое он считал результатом действия непреложного закона судьбы, сводящего все события к заранее предназначенной цели. Философским основанием концепции Полибия стало телеологическое учение стоиков о мировом круговороте различных форм жизни, природы, государственных учреждений, нравов, идей и т. д., предопределяющем общий ход исторических событий. Телеологизм стоиков опирался на гераклитово учение о периодически воспламеняющемся и угасающем первоогне, который они трактовали как всеобщий космический закон (логос). Как указывал А. Ф. Лосев, «гераклитовскую идею периодического воспламенения космоса и очищения его стоики сочетали с учением об абсолютной повторяемости вещей, лиц, событий и всего космоса после каждого мирового пожара²». Для эллинистической мысли «первоогонь был уже не просто слепой силой, но художественно-творческим огнем, разумно создающим мир и управляющим им; он является здесь Провидением³», — поясняет А. Ф. Лосев.

Провидение, рок, судьба — это и есть, по Полибию, имена той движущей силы, которая сводит все события мировой истории к заранее назначенной цели. Как указывает А. Я. Тыжов, в сохранившихся частях «Всеобщей истории» Полибий упоминает о судьбе (*tyche*, *automaton*) более 120 раз⁴. Полибий понимает под судьбой не только сверхъестественную силу, которая правит миром, но и божественную справедливость, всеобщую закономерность космического бытия. Судьба для Полибия — это не иррациональная игра случая, а постижимое разумом стремление всех мировых событий к заранее предопределенным целям. От судьбы один шаг до божественного промысла в историософии ранних христиан.

Полибий предлагает учение о *телеологичности* мирового процесса к событиям социальной истории. В своих многочисленных историософских отступлениях он настойчиво проводит идею единства исторического процесса, вытекающего из «единой цели истории»: «Почти все события мира судьба властно направила в одну сторону и подчинила их единой цели; согласно с сим и нам надлежит представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила это

¹ См. Кошеленко Г. А. Эллинистическая историческая традиция // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). Под ред. В. И. Кузицина. М., 1982.

² Философская энциклопедия: в 5 тт. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. Т. 5, 137.

³ Философская энциклопедия: в 5 тт. 5, 136.

⁴ Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история, т. I. СПб., 1994.

великое дело» (Полибий. Всеобщая история, I, 4). Он создает всемирную историю, чтобы показать единство исторического процесса и закономерность поочередного установления гегемоний в Средиземноморье — ионийского, аттического, македонского и т.д. В этом суть его геостратегической концепции, призванной показать, что установление мирового господства римлян является результатом действия непреложного закона судьбы, сводящего все события к заранее предназначенной цели.

Эта «цель» для Полибия была очевидна. На глазах Полибия Средиземноморье объединялось вокруг нового геополитического центра. Как уже говорилось, он создавал свою концепцию в то время, когда в борьбе Рима, Карфагена, эллинистических монархий и полисных союзов решалась судьба ойкумены. Наиболее влиятельные греческие города, в т.ч. и Афины, находились в союзе с Римом, Рим являлся арбитром в межгосударственных конфликтах на Балканах, к римскому сенату обращались за помощью в разрешении династических споров главы эллинистических монархий и т.д. После окончания III Македонской войны Рим полностью подчинил себе эллинистический мир. Последним противником Рима был Карфаген, победа над которым окончательно укрепила военно-политическую гегемонию римлян. Именно эти обстоятельства и обусловили содержание геостратегической концепции Полибия, в которой подробно описывается череда побед, одержанных персами, греками, македонцами, карфагенянами и римлянами. Все события политической и военной истории образуют замкнутую цепь подъемов и падений могущественных держав.

Полибий неоднократно подчеркивает, что историю надо писать как *всемирно-историческое* повествование. История отдельных стран и полисов не дает представления о *целом*, подобно тому, как созерцание отдельных членов животного не дает представления об организме в целом: «Люди, надеющиеся приобрести из отдельных историй понятие о целом, похожи, по моему мнению, на тех, которые при виде разрозненных членов живого и некогда прекрасного тела вообразили бы себе, что созерцают с надлежащей ясностью жизненную силу и красоту живого существа... Необходимо заключить, что история по частям дает лишь очень мало для уразумения целого. Достигнуть этого можно не иначе как посредством сцепления и сопоставления всех частей, то сходных между собой, то различных. Только тогда

и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и насладиться ею» (Полибий. Всеобщая история, I, 4).

О необходимости писать всемирные истории, т.е. описывать события всего известного грекам мира, говорили еще в IV в. до н.э. ученики Исократ Эфор и Феопомп. Пробовал писать всемирную историю и сицилийский историк Тимей, критике творчества которого Полибий посвятил целую главу своего сочинения. Однако их замыслы не увенчались успехом. Первую действительно универсальную историю написал Полибий. Его сочинение — это целостный, объединенный общим замыслом, рассказ о событиях, произошедших в различных частях ойкумены в течение нескольких столетий.

Полибий первым взялся писать историю так называемого *космополиса* — всемирного государства: «Никто на нашей памяти не брался за составление всеобщей истории... Весьма многие историки описали отдельные войны и некоторые сопровождавшие их события, но, насколько нам известно, никто даже не пытался исследовать, когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира, а равно и то, какими путями осуществлялось это дело» (Полибий. Всеобщая история, I, 4, 3). Всеобщая история понимается как история всех государств и народов, которая оказывается частью *универсальной* истории, т.е. истории мира в целом. Отсюда характерное для Полибия стремление представить описываемое событие или местность в космическом масштабе. «Первое и важнейшее знание, общее всем людям, есть деление и упорядочение обнимающего нас небесного свода, благодаря чему все мы, если хоть немного возвышаемся над толпой, различаем восток, запад, юг и север. Второе знание то, благодаря которому мы помещаем различные части земли под одним из поименованных выше делений и всегда к какому-нибудь из них умственно приурочиваем упоминаемую страну, таким образом страны неизвестные и никогда не виденные низводим к понятиям знакомым и привычным. Если эти понятия имеют значение для всей земли, то нам остается на основании их разделить по тому же способу и известную нам землю и тем привести читателей к правильному представлению о ней» (Полибий. Всеобщая история, III, 36–37), — рассуждает он, к примеру, перед тем, как приступить к описанию походов Ганнибала.

От внимания историка не должны ускользать природные, экономические, культурно-исторические обстоятельства событий. Полибий

постоянно приводит данные географического и экономического характера. Его «История» изобилует описаниями различных земель и городов (так, например, в сохранившихся частях описаны 84 города). Историк, по его мнению, не должен брать сведения только из книг, он должен писать на основе бесед с очевидцами и собственных наблюдений. Ему необходимо посетить места описываемых событий, чтобы представить характер местности, рельеф, климат, правильно оценивать расстояния, диспозицию сражений и т. п. Историей может заниматься только тот, кто имеет непосредственный военный или политический опыт. Для написания истории, как и для занятия государственными делами, необходимо *геостратегическое видение*, доступное только высокообразованным и опытным в военно-политическом деле людям: «Невозможно описать правильно военные события, если не имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и в государственных отношениях» (Полибий. Всеобщая история, XII, 25).

В концепции Полибия выделяются два уровня исторической реальности. На одном действует объективная рациональная сила — исторический закон, судьба, логос. Здесь история проявляется как заранее предопределенная череда возвышений и падений мировых держав. На втором действуют люди, и здесь история проявляется как *pragmateya*, т. е. конкретная политика и этика. Такой поворот к субъективному, личностному в историографии был характерен для эллинистической литературы вообще. Особенно ярко это выразилось в биографическом жанре. Полибий в рамках этой тенденции составляет яркие портретные образы — Филиппа V, Сципионов, Ганнибала и др. Великим политиком или полководцем становится, по Полибию, тот, кто правильно понимает веление судьбы, т. е. силы, влекущей все события к заранее предопределенным целям. Видеть эти цели, соответствовать им — это и есть настоящая, «большая» геостратегия великих.

Для того, чтобы смириться с уступкой Риму своего суверенитета, гордым, веками воспитывавшимся в духе полисного патриотизма, эллинам требовалось поистине геостратегическое видение политических реалий последних столетий старой эры. Одним из первых, кто в тот период ступил на путь построения новой социально-исторической и политической концепции, стал Полибий. В то же время философский взгляд на круговорот мировых держав заставлял Полибия видеть брэнность и римского владычества. В конце своего повествования он описывает⁵, как Сципион стоит над руинами Карфагена и размышляет о том, что, скорее всего, такая же судьба в будущем ожидает и его город: «...Говорят, Сципион при виде окончательной гибели города заплакал и громко выразил жалость к неприятелю. Долго стоял он в раздумье о том, что города, народы, целые царства, подобно отдельным людям, неизбежно испытывают превратность судьбы, что жертвой ее пали: Илион, славный некогда город, царства ассирийское, мидийское и еще более могущественное персидское, наконец, так недавно и ярко блиставшее македонское царство. Потом, намеренно ли или невольно, потому что слово само сорвалось с языка, Сципион воскликнул:

*Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С ней погибнет Приам и
народ копыеносца Приама.*

Когда Полибий, который был тоже и наставником его, прямо спросил Сципиона, как понимать его слова, тот, говорят, не постеснялся сказать откровенно, что боится за отечество при мысли о брэнности всего человеческого. Полибий слышал это и записал... (*Аппиан*)» (Полибий. Всеобщая история, XXXIX, 6, 24).

⁵ Эта часть сочинения Полибия сохранилась только в позднейших изложениях.

КЕФЕЛИ И. Ф.
**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАСЬЯНС СИЛ
 В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ
 ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1. Предвоенная геополитическая ситуация

Версальско-Вашингтонская система не стала надежным гарантом всеобщего мира, как планировали ее создатели. Основанная на праве сильного, она несла в себе семена нового вооруженного противоборства, что со временем привело к возникновению в мире двух главных очагов войны — в Европе и на Дальнем Востоке. Кроме того, на международной арене произошли глубокие изменения, связанные с созданием СССР, открывшим новое направление в мировой политике — борьбу двух противоположных социально-экономических систем и идеологий. Капиталистические державы, объединенные враждебным отношением к Советскому Союзу, надеялись за его счет сгладить собственные межгосударственные противоречия. Япония первой из держав, заинтересованных в переделе мира, начала цепную реакцию агрессий в Азии. В 1931 г. ее войска вторглись в Маньчжурию, а в 1937-м началась Японо-китайская война. 25 октября 1936 г. было оформлено германо-итальянское соглашение о политическом сотрудничестве, положившее начало «оси» Берлин — Рим, а ровно месяцем позже Германия и Япония подписали Антикоминтерновский пакт, направленный против СССР и ставший договорной основой коалиции агрессоров, в которой ведущую роль играла Германия. Стороны обязывались в случае возникновения или угрозы войны не предпринимать «никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР». 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась

Италия, а в последующем и некоторые другие страны. 22 мая 1939 г. в Берлине сроком на 10 лет был заключен «Пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией» («Стальной пакт»), направленный не только против СССР, но и против западных держав. 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией подписывается Тройственный пакт, окончательно оформивший союз трех агрессоров. Своеобразие международной обстановки накануне Второй мировой войны состояло в том, что, с одной стороны, ведущие мировые державы оказались разделенными на враждующие военно-политические группировки, а с другой — все эти государства объединял антисоветизм. Гитлер 11 августа 1939 г. откровенно заявил: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду сначала разбить Запад, а потом, после его поражения, вернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами».

Геополитическая динамика в предвоенный период характеризовалась еще одной тенденцией. Вторая мировая война в разной степени затронула неевропейские регионы мира. Зона Тихоокеанской Азии, Австралии и Океании была ареной ожесточенных боевых действий, масштаб которых превосходил интенсивность сражений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но не шел в сравнение с тем, что происходило в Европе. Ход боевых действий показал важность периферийных зон планеты с точки зрения войн в будущем. Более очевидной стала необходимость опорных точек в ключевых районах

мира —военно-морских баз, аэродромов, пунктов обеспечения надежности сетей стратегических коммуникаций — для достижения военной победы и превосходства над вероятным противником. Стратегическая мысль в США, Советском Союзе и западноевропейских странах переосмысливала роль мировой периферии в глобальной геополитике. Значение прежних окраинных зон возрастало — не только из-за стремления ведущих держав использовать геополитические возможности азиатских, латиноамериканских и африканских стран, но и с учетом повышения самостоятельной международно-политической роли последних. Великие державы стремились сохранить или приобрести свободный доступ к стратегическим позициям на мировой периферии, несмотря на взлет национализма и освободительных процессов в колониальных и зависимых странах. Окраинные зоны планеты глубже вовлекались в «большую» политику, их политическая оторванность от мировых центров уходила в прошлое. Формирование региональных подсистем международных отношений ускорились, а уровень их организованности повысился. Великие державы активно вмешивались в дела географически отдаленных стран и регионов. Становление общемировой системы политических и военно-политических отношений стало протекать быстрее, что должно было сопровождаться ростом конфликтов в связи с ломкой старой структуры отношений на мировой периферии.

Как известно, в Маньчжурии с 1932 г. существовало марионеточное образование «Маньчжоу-го». Это новообразование, по сути дела, оккупированное Японией, числилось независимой государственной единицей (командующий дислоцированными на ее территории японскими вооруженными силами считался послом Токио при дворе императора Пу И), извне оно могло восприниматься японским владением. США его не признавали и считали Маньчжурию частью Китая. Юридически позиция Москвы в маньчжурском вопросе была более двусмысленной. Советский Союз, согласно советско-японскому Пакту о нейтралитете 1941 г., считал Маньчжурию хотя и не частью Японской империи, но и не частью Китая. Москва признавала «особые интересы» Японии в Маньчжоу-го, что на практике было близко к согласию считать это образование входящим в состав японских владений. При этом советское политическое руководство пристально следило за активными действиями белой эмиграции в

Маньчжурии. По всей видимости, японская администрация не планировала включение Сибири и Дальнего Востока в состав своей империи. Но по аналогии с Маньчжоу-Го предполагалось после оккупации Приморья создать новые марионеточные государства к востоку от Байкала. При этом ставка делалась на национальные эмигрантские группировки в Маньчжурии. В Харбине действовали многочисленные антисоветские организации, включая «Народно-монархический союз», «Дальневосточный казачий союз», а также другие эмигрантские группировки. Особое внимание японская военная миссия в Маньчжурии уделяла объединению российской эмиграции под руководством атамана Г. М. Семенова с последующим созданием марионеточного государства в Забайкалье. В 1934 г. в Харбине на правах филиала берлинской организации гетмана Скоропадского была создана Украинская военная организация. В Маньчжоу-Го тогда проживало немногим более 11 тысяч украинцев, они были вторыми после русских по численности в советском Приморье, где составляли треть населения (313 тыс. человек). Японская администрация планировала создание буферной Дальневосточной Украинской Республики. Поэтому контроль над Маньчжурией был важен для Москвы. Позиция СССР в Приморье считалась уязвимой из-за того, что единственной транспортной магистралью, связывавшей советский Дальний Восток и главную военно-морскую базу СССР на Тихом океане во Владивостоке с европейской частью страны, была Транссибирская железная дорога. Она шла вдоль границ СССР с Китаем и Монголией, и в случае войны ее было трудно защищать. Путь к Владивостоку через Маньчжурию, по Китайско-Восточной железной дороге, которую СССР был вынужден передать Японии в 30-х годах, был гораздо короче. Если бы Москва смогла вернуть себе контроль над КВЖД, распространив его к тому же на железнодорожные ветки, отходящие от КВЖД к незамерзающим портам Порт-Артур и Дайрен на побережье Восточно-Китайского моря (где СССР также стремился получить в аренду старые российские военно-морские базы), то Советский Союз получил бы крупные стратегические преимущества с точки зрения обеспечения безопасности своих дальневосточных территорий. Кроме того, поставки промышленного и сельскохозяйственного сырья из Маньчжурии могли бы улучшить снабжение советского Дальнего Востока, где и в те времена ощущались экономические трудности. С осени 1938 г., после

поражения японской армии в Приморье в районе озера Хасан, японский генеральный штаб приступил к разработке плана «Операция № 8». Согласно этому плану предусматривалось нанесение удара по СССР через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан. Халхин-Гол оказался в эпицентре геополитического пасьянса, участниками которого были, кроме участников конфликта, Великобритания, США, Германия и др. Дело в том, что Токио в 1939 г. добивался принятия решения о военнополитическом союзе Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт), направленного против СССР. Был выдвинут лозунг расширения японской империи «вплоть до Байкала». При этом первостепенное внимание уделялось подготовке нападения на МНР, быстрый захват территории которой позволил бы японским войскам выйти к советским границам и перерезать единственную железную дорогу, связывающую европейскую часть Советского Союза с Дальним Востоком. Главная цель японских милитаристов, как это отмечалось вскоре после окончания Второй мировой войны, заключалась в проведении твердой политики в отношении СССР, которая должна была состоять не столько в обороне от коммунизма, сколько в захвате Дальнего Востока и Сибири [1]. Наступление советско-монгольских войск началось 20 августа, упреждая, тем самым, наступление японских войск, назначенное на 24 августа. К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских войск. 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день. Заключительное сражение произошло в последних числах августа и завершилось полным разгромом 6-й отдельной армии Японии. Г. К. Жуков вспоминал, что в начале мая 1940 г. по случаю присвоения ему звания генерала армии и назначения на должность командующего Киевским особым военным округом он был принят И. В. Сталиным и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б). В ходе беседы, на вопрос М. И. Калинина: «Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение?» Г. К. Жуков четко ответил: «Ближайшая цель — захватить территорию МНР,

а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД» [2]. По завершению боев на Халхин-Голе Г. К. Жуков отмечал, что в планы японского военного командования «входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали». Военное поражение Японии сопровождалось резким изменением геополитического баланса сил в треугольнике Берлин–Москва–Токио. Контрнаступление советско-монгольских войск совпало с подписанием Советско-германского пакта о ненападении, что привело японское руководство в сильное замешательство. Этот пакт противоречил заключенному в 1936 г. между Японией и Германией Антикоминтерновскому пакту, 2-я статья секретного приложения к которому гласила следующее: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Советско-германские соглашения объективно ослабили Антикоминтерновский пакт и посеяли в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Возникшая в оси Токио–Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в ее агрессии против Советского Союза. Победа СССР на Халхин-Голе сыграла решающую роль в ненападении Японии на СССР. Примечательным фактом является то, что когда в декабре 1941 г. войска Германии стояли под Москвой, Гитлер настойчиво требовал от Японии напасть на СССР на Дальнем Востоке. Именно поражение на Халхин-Голе, как считают многие историки, сыграло главную роль в отказе от планов нападения Японии на СССР в пользу нападения на США. 7 декабря 1941 г. Япония совершила нападение на Пёрл-Харбор, что послужило поводом вступления США во Вторую мировую войну. Целью нападения на Пёрл-Харбор являлась нейтрализация Тихоокеанского флота США для того, чтобы обеспечить свободу действий японской армии и флота в Юго-Восточной Азии. Осенью 1941 г. руководство СССР получило стратегически важное сообщение советского разведчика Р. Зорге о том, что Япония не собирается нападать на СССР. Эта информация позволила в

самые критические дни обороны Москвы в конце октября — начале ноября 1941 г. перебросить с Дальнего Востока до двадцати свежих, полностью укомплектованных и хорошо экипированных стрелковых дивизий и несколько танковых соединений. Они сыграли одну из ключевых ролей в обороне Москвы, а также позволили в дальнейшем советским войскам перейти в контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г.

Необходимо иметь в виду, что после провала попытки германских армий с ходу овладеть Москвой и нескольких сильных контрударов советских войск в императорской ставке поняли, что о вступлении в войну против своего северного соседа в 1941 г. по ранее составленному плану (кодовое название «Кантокуэн») не могло быть и речи. Японское командование разрабатывало не только планы захвата значительной части советской территории, но и систему военного управления «в зоне оккупации территории СССР». В Токио по-прежнему считали своими жизненными интересами следующие территории при разделе «побежденного» Советского Союза: *«Приморье должно быть присоединено к Японии, районы, прилегающие к Маньчжурской империи, должны быть включены в сферу влияния этой страны, а Транссибирская дорога отдана под полный контроль Японии и Германии, причем Омск будет пунктом разграничения между ними»*. Однако откладывание на «завтра» приведения в исполнение плана «Кантокуэн» не привело к сколько-нибудь заметному сокращению Квантунской армии, расквартированной на территории Маньчжурии. В ней и соседней Корее намечалось иметь не менее 16 дивизий. Кроме того, здесь располагались 750 различных воинских частей и подразделений, что было эквивалентно еще 9 дивизиям. Общая численность этих японских войск на 1 августа 1942 г. составляла 850 тысяч солдат и офицеров, не считая марионеточных войск, — то есть около одной трети численности всей императорской сухопутной армии. Присутствие на дальневосточных границах мощной группировки вооруженных сил Японии вынуждало Советский Союз на протяжении всей войны держать на Востоке от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий, до 6 дивизий и 4 бригад войск противовоздушной обороны страны. Всего войск общей численностью более 1 миллиона солдат и офицеров, 8–16 тысяч орудий и минометов, свыше 2 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, от 3 до 4 тысяч боевых самолетов

и более 100 боевых кораблей основных классов. Это составляло от 15 до 30 процентов боевых сил и средств советских вооруженных сил. Что и говорить, этим войскам нашлось бы лучшее применение на советско-германском фронте, особенно в критические для Красной Армии периоды. Так что помощь «невоюющей» милитаристской Японии «воюющей» гитлеровской Германии с 1941 по 1945 гг. была вполне ощутимой.

На Тегеранской конференции союзных держав советская делегация заявила, что СССР вступит в войну с милитаристской Японией только после полного военного разгрома гитлеровской Германии. Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах свидетельствует: «Летом 1944 года, когда второй фронт был все-таки открыт, союзники еще раз попытались повлиять на решение СССР по японскому вопросу. В конце июля глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Д. Дин обратился от имени начальника штаба армии США к начальнику нашего Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с настойчивой просьбой о всемерном ускорении вступления в войну на Дальнем Востоке. Зная точку зрения Советского правительства, Александр Михайлович твердо заявил, что до окончательного разгрома фашистской Германии об этом не может быть и речи. На аналогичный запрос Черчилля И. В. Сталин тоже ответил, что позиция Советского правительства не изменилась. Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

— Скоро, видимо, потребуются, — заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор.

Такие расчеты в начале октября были сделаны...» [3].

В феврале 1945 г. на конференции руководителей трех союзных держав в Крыму был окончательно уточнен срок вступления СССР в войну с Японией через два–три месяца после окончания войны в Европе. 11 февраля 1945 г. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали соглашение об условиях вступления СССР в войну с Японией, восстановление статус-кво Монгольской Народной Республики, восстановление утраченных в 1905 г. прав России на южную часть острова Сахалин и передачу Советскому

Союзу Курильских островов. Как отмечал американский историк Л. Роуз, американский президент Ф. Рузвельт, узнав «об азиатских требованиях Сталина», был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у царской России Японией во время русско-японской войны 1904–1905 годов. Таков был баланс геополитических сил, обеспечивший безопасность восточных рубежей и завершение Второй мировой войны победой Советского Союза над милитаристской Японией в сентябре 1945 г.

В конце июля 1945 г. США, Великобритания и китайское правительство Чан Кайши в совместном заявлении призвали Японию к безоговорочной капитуляции, указывая при этом на «ужасающую ясность» примера фашистской Германии. Отказ от капитуляции японской стороной был сделан в условиях, когда американская авиация проводила массированные бомбардировки городов на Японских островах. По этому поводу в обзоре боевых действий ВВС США против Японии, составленном разведуправлением главного морского штаба ВМФ СССР, говорилось: «В результате интенсивных налетов ВВС США на территорию собственно Японии многим городам и промышленным центрам нанесены колоссальные разрушения, а некоторые из них полностью уничтожены, в том числе полностью уничтожены промышленные районы в пяти крупных промышленных центрах Японии — Токио, Осака, Нагоя, Кобе и Фукуока. Кроме того, по данным японской печати, на 1.8.45 г. в результате бомбардировок полностью уничтожено 48 больших, средних и малых городов Японии, в том числе: Нагоя, Иоккогама, Хакодате, Аомори, Немуро, Кавасаки, Цуруми, Акаси, Хамамацу, Сидзуока, Тохаси, Йоккайци, Цуруга, являющиеся крупными промышленными центрами и торговыми портами. Не меньшие разрушения нанесены другим городам. Столица и промышленный центр Японии — г. Токио — уничтожен примерно на 75–80 процентов. По данным на 1.8.1945 г., из 35 районов Токио полностью сгорели 22 района, сгорели на 80 процентов 7 районов, сгорели на 20–50 процентов 6 районов. Всего на территории Токио сгорело и разрушено около 800 000 зданий и пострадало от бомбардировок 3 000 000 чел. населения. Осака уничтожен на 70 процентов, г. Кобе — на 80 процентов, ГМБ Куре — на 80 процентов. Значительные разрушения нанесены также другим японским городам, подвергшимся бомбардировкам. Перед лицом

непрерывно нараставшего мощного концентрического воздушного наступления ВВС США ПВО Японии оказалось бессильной и не смогла оказать сколько-нибудь эффективного противодействия».

8 августа народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал японскому послу в Москве следующее заявление для передачи правительству Японии: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву. Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира. Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа о безоговорочной капитуляции. Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией». На следующий день, 10 августа, войну Японии объявила Монгольская Народная Республика.

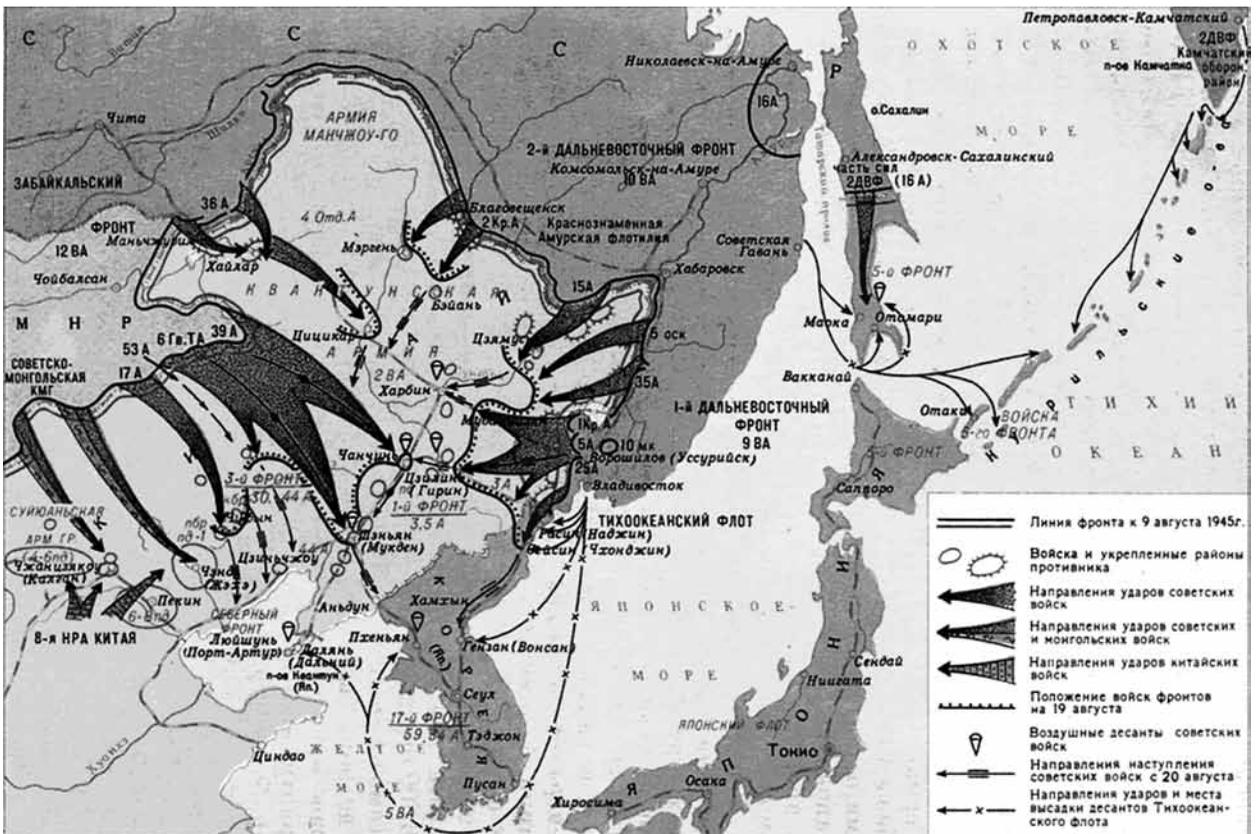
2. Последние битвы и Победа

Всего к началу августа на Дальнем Востоке и на территории Монголии была сосредоточена мощная группировка советских войск численностью в 1 669 500 человек, имевшая свыше 26 тысяч орудий и минометов, 5,5 тысяч танков и самоходных орудий и свыше 3900 боевых самолетов. Взаимодействовать с советскими

войсками Забайкальского фронта предстояло Монгольской народно-революционной армии, численность соединений которой составляла 16 тысяч человек при 128 орудиях и минометах и 32 легких танках. Были образованы три фронта — Забайкальский во главе с Маршалом Советского Союза Р.Я.Малиновским, 1-й Дальневосточный (бывшая Приморская группа войск) во главе с Маршалом Советского Союза К.А.Мерецковым и 2-й Дальневосточный фронт (бывший Дальневосточный фронт) под командованием генерала армии М.А.Пуркаева. Тихоокеанским флотом командовал адмирал И.С.Юмашев. Союзные монгольские войска вошли в состав конно-механизированной группы (КМГ), которой командовал генерал И.А.Плиев. Его заместителем по монгольским войскам был назначен генерал Ж.Лхагвасурон. Всего в КМГ насчитывалось свыше 42 тысяч человек, 610 орудий и минометов, 403 танка. Союзным войскам предстояло действовать на правом фланге Забайкальского фронта. Все сухопутные, воздушные и морские силы были объединены под руководством Главного командования советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским, членом Военного совета генерал-полковником И.В.Шикиным и начальником штаба генерал-полковником

С.П.Ивановым. Главкомандующему подчинялись все три фронта, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия. Василевский начал свою деятельность в новой должности в Чите, куда он прибыл в ночь на 5 июля. Для координации действий сил флота и флотилии с действиями сухопутных войск во Владивосток прибыл Народный комиссар ВМФ Адмирал флота Н.Г.Кузнецов. Он же координировал действия Амурской флотилии с сухопутными войсками. Действиями авиации руководил командующий ВВС Главный маршал авиации А.А.Новиков. Войсками связи управлял генерал-полковник Н.Д.Псурцев, инженерную службу возглавил генерал-полковник К.Ф.Назаров. Перегруппировка войск проводилась в условиях строжайшей секретности. С целью соблюдения военной тайны советские военачальники прибывали на Дальний Восток под другими фамилиями и в других воинских званиях. Так, главкомандующий А.М.Василевский во всех служебных документах и в радиogramмах именовался заместителем наркома обороны генерал-полковником Васильевым, К.А.Мерецков — генерал-полковником Максимовым, а Р.Я.Малиновский — генерал-полковником Морозовым. По плану Советского Верховного Главкомандования главный удар

наносил Забайкальский фронт. Ему предстояло в наступлении овладеть такими важными центрами Маньчжурии, как города Мукден, Чаньчунь, Порт-Артур. 1-й Дальневосточный фронт из Приморья наступал в направлении на город Гирин — то есть по кратчайшему направлению навстречу войскам Забайкальского фронта. 2-й Дальневосточный фронт, наступавший из Приамурья, должен был сковать действия японской Квантунской армии. Большую роль должен был сыграть Тихоокеанский флот. Правда, он численно уступал японскому флоту, особенно в больших кораблях. Однако к августу 1945 г. Тихоокеанский флот заметно пополнился и теперь в его состав входили: 2 крейсера, 12 эскадренных миноносцев, 19 сторожевых кораблей, 10 минных заградителей, 52 тральщика, 204 торпедных катера, 19 десантных кораблей, 78 подводных лодок и др. Авиация Тихоокеанского флота насчитывала 1587 самолетов. Береговая оборона насчитывала 167 береговых батарей. Общей задачей Тихоокеанского флота было взаимодействие с войсками 1-го Дальневосточного фронта в операциях по окружению японских сил в Северной Корее и Южной Маньчжурии путем пресечения вражеских коммуникаций с метрополией. Амурской флотилии предстояло содействовать сухопутным войскам в их наступлении, помогать преодолевать водные преграды.

Советским войскам противостояла сильная группировка японских войск и войск Маньчжоу-Го общей численностью до 1 млн человек, сосредоточенных в Маньчжурии и в Корее. Войска правителя Внутренней Монголии князя Дэ Вана (Тонлопа), состоявшие из двух кавалерийских дивизий, также находились в подчинении командования Квантунской армии. В состав Маньчжурской группировки войск противника входила японская Квантунская армия, на вооружении которой состояло 6640 артиллерийских орудий и минометов, 1215 танков и самоходных орудий, 1907 боевых самолетов и 26 речных кораблей. По уровню вооруженности японские войска заметно уступали советским. Перед началом наступательной операции на Дальнем Востоке советские войска превосходили группировку неприятельских войск (на главных направлениях): по танкам — в 5–8 раз, артиллерии — в 4–5 раз, минометам в 10 и более раз, боевым самолетам в 3 и более раза.

На полный разгром японской Квантунской армии по плану операции отводилось всего 20–23 суток. Наступательные операции трех

фронтов по глубине достигали 600–800 километров, что требовало высоких темпов продвижения советских войск. Дальневосточная кампания советских войск включала в себя три операции — Маньчжурскую стратегическую наступательную, Южно-Сахалинскую наступательную и Курильскую десантную. Наступление советских фронтов началось в полночь с 8 на 9 августа 1945 г. на земле, в воздухе и на море одновременно — на огромном фронте протяженностью в 5130 километров. Войскам Забайкальского фронта предстояло провести Хингано-Мукденскую наступательную операцию, 1-го Дальневосточного — Харбино-Гиринскую, 2-го Дальневосточного — Сунгарийскую. Все три фронта обязывались по времени и направлению ударов тесно взаимодействовать друг с другом. Наступление велось стремительно — только за первый день забайкальцы и кавалерия Монгольской народно-революционной армии прошли в марше свыше 150 километров и вышли к отрогам Большого Хингана. Уже 1 сентября военное положение на территории советского Дальнего Востока было отменено. Сокрушительный удар по Квантунской группировке войск на Дальнем Востоке явился одним из определяющих факторов разгрома Японии. Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена.

Итоги советско-японской войны 1945 г. таковы. Потери японских войск составили свыше 700 тысяч солдат и офицеров, из них около 84 тысяч убитыми и более 640 тысяч пленными (из них 609,5 тысяч — японцев). Среди сдавшихся в плен в Маньчжурии оказались 148 генералов японской императорской армии. Советским войскам достались богатые боевые трофеи: 4300 орудий и минометов (гранатометов), 686 танков, 681 самолет и другая военная техника. Только на Южном Сахалине и Курильских островах были разоружены 68 456 японских солдат и офицеров. Большая победа советского оружия далась далеко не просто. Советский Союз потерял в быстрой войне с милитаристской Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, из них 24 425 — это заболевшие и те, кто выжили после ранения. Из 1298 человек, составивших общие потери Тихоокеанского флота, 903 человека были убиты или смертельно ранены. И вес же потери советских войск оказались в 18,6 раза ниже потерь японцев. Они равнялись менее 0,1 процента от численности всего личного состава советских войск, принявших

участие в этой военной кампании. Воинская доблесть советских воинов в войне с Японией была высоко оценена — 308 тысяч человек, отличившихся в боях, были отмечены правительственными наградами. 87 человек удостоились высокого звания Героя Советского Союза, из них шестеро стали дважды Героями. Боевых орденов удостоились многие воинские части и соединения. Десятки из них получили почетные наименования «Хинганских», «Амурских», «Уссурийских», «Харбинских», «Мукденских», «Сахалинских», «Курильских».

2 сентября 1945 года в 9 час. 04 мин. на борту американского линкора «Миссури», находящегося в Токийском заливе, от имени императора, японского правительства и императорской ставки министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником генерального штаба японской армии Ё. Умэдзу был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, Акт подписал генерал Д. Макартур; от имени отдельных стран — адмирал Ч. Нимиц (США), генерал Су Юнчан (Китай), адмирал Б. Фрейзер (Великобритания), генерал-лейтенант К. Н. Деревянко (СССР), генерал Т. Блэйми (Австралия), полковник Н. Мур-Кострейв (Канада), генерал Ф. Леклер (Франция), адмирал К. Хелфриг (Нидерланды) и вице-маршал авиации Л. Исит (Новая Зеландия). 3 сентября главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский докладывал И. В. Сталину об окончании Дальневосточной кампании. Так закончились в один день две войны — Вторая мировая и советско-японская. Финалом Второй мировой войны были Нюрнбергский процесс и суд в Токио. На скамье подсудимых оказались главные военные преступники гитлеровской Германии и милитаристской Японии из числа оставшихся в живых. Решение о суде над японскими военными преступниками было заявлено еще в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. от имени США, Великобритании и Китая, к которым впоследствии присоединился Советский Союз. Для этого был создан специальный Международный военный трибунал для Дальнего Востока. На скамье подсудимых оказались 28 главных японских военных преступников, в том числе 18 генералов и адмиралов. В приговоре значительное место отводилось агрессивной политике Японии по отношению к Советскому Союзу: «Трибунал считает, что

агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (с 1928 по 1945 гг. — И. К.), что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке». В приговоре отмечался тот неоспоримый факт, что сразу же после захвата Маньчжурии Япония начала планировать захватническую войну против Советского Союза, чтобы «продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал».

Вклад Советского Союза в победу на Японией и завершение Второй мировой войны неоспорим. Верный своему союзническому долгу, СССР в кратчайшие сроки вступил в войну на Дальнем Востоке, чем окончательно подорвал как способность японской империи к продолжению войны, так и ее возможность ответить на американский ядерный удар своим бактериологическим оружием. Без советской помощи Япония вполне могла сложить оружие только в 1946–1947 гг. после неоднократного применения ядерного оружия [4]. В обращении И. В. Сталина к народу 2 сентября 1945 г. было, в частности, сказано: «Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции. Это означает, что наступил конец второй мировой войны... Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в

отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток... В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России... Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. 40 лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции...»

История каждой войны имеет свое послесловие. Для Японии оно олицетворяется памятником семи погибшим героям — главным японским военным преступникам, повешенным в 1948 г. во дворе токийской тюрьмы Сугамо, — генералам Тодзио, Итагаки, Мацуи, Доихара, Кимура, Муто и дипломату Хирота. Памятник был открыт в самой торжественной обстановке в августе 1960 г. на вершине горы Микэнояма около города Нагойя. Среди надписей, украшающих памятник, пожалуй, наиболее примечательна следующая:

«Одиннадцать государств — США, Англия, Советский Союз, Китай, Австралия, Канада, Франция, Голландия, Новая Зеландия, Индия, Филиппины — учредили Международный трибунал для Дальнего Востока, где учинили суд над действиями Японии, потерпевшей поражение в войне вследствие применения американцами атомной бомбы, нарушения Советским Союзом договора о ненападении, а также из-за нехватки необходимых материалов». Таковой была официальная оценка японской стороной причин поражения страны Восходящего Солнца во Второй мировой войне.

3. Геополитическая карта Восточной Азии сегодня

Уроки тех сражений должны всегда напоминать нам о необходимости поддержания надежных дружеских связей с геополитическими соседями на межцивилизационной основе. Это обретает актуальность в настоящее время на обширных пространствах Восточной Евразии, где пересекаются интересы многих государств, межгосударственных объединений, гецивилизаций. При этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Среди стран с относительно малой численностью населения Монголия во многом уникальна: близких ей по цивилизационным параметрам независимых стран в мире фактически не существует. История знает появление и исчезновение самопровозглашенных государств в соседних с Внешней Монголией регионах Внутренней Азии: в Туве (Тувинская Народная Республика — 1921–1944 гг.), Бурятии («Великая Монголия» — 1919–1920 гг.), Маньчжурии (упомянутое выше государство Маньчжоу-го — 1932–1945 гг.), Синьцзяне (Восточно-Туркестанская исламская республика — 1933–1935 гг., Восточно-Туркестанская Революционная республика — 1944–1949 гг.), Внутренней Монголии (Народная Республика Внутренней Монголии — 1945–1947 гг.). Однако в приграничных к Монголии российских и китайских регионах Внутренней Азии есть родственные монголам по языку, религии и культуре малочисленные народы и этнические группы, которые близки по многовековому соседству с другими народами и этническими группами. Это, прежде всего, буряты и тувинцы со стороны России и внутренние монголы — со стороны Китая, которые связаны далее с русскими и китайцами, алтайцами, якутами, казахами, эвенками, уйгурами,

тибетцами и др. Вне Внутренней Азии имеется калмыцкий анклав с соседями в Поволжье. Через эти народы, этнические группы и их мировую диаспору, а также через свой след в политической истории Евразии и через нынешнюю внешнюю политику Монголии монгольский (монголо-тибетский, центральноазиатский) мир весомо и независимо позиционирует себя в системе связей с русским (российским, евразийским), китайским (дальневосточным, тихоокеанско-дальневосточным), исламским (от Магриба до ЮВА), индийским (южно-азиатским) и западным (евро-атлантическим) мирами [5]. Однако некоторые авторы вполне обоснованно говорят о потенциальных угрозах национальной безопасности Монголии, обусловленных ее местоположением в Центральной Азии и радикально изменившейся геополитической ситуацией в мире после распада Советского Союза. Так, Байяр Санджагин еще в 1994 г. писал о двух угрозах, ставших предметом интенсивных национальных дебатов: «монгольский страх перед Китаем и возрастающая локальная напряженность в странах и районах, окружающих Монголию». В сложившейся ситуации, как отмечает автор, становится реальностью «геополитическая мечта монголов иметь третьего большого партнера». В таком случае «наличие сильного третьего партнера было бы существенно важным противовесом в отношениях Монголии с ее непосредственными соседями. Такой противовес — это то, чего Монголии не хватало длительное время. Монголия знает, что существование лишь двух партнеров может быть фатальным для любой маленькой буферной страны, поскольку это может означать союз с одним и отчуждение от другого... Наличие трех относительно равных партнеров даст Монголии возможность построить баланс независимых отношений с каждым, избегая доминирования одного из них» [6]. Последующие события показали, что поиск третьего партнера не решил коренным образом монгольских проблем. Думается, что в данной ситуации необходимо учитывать, в первую очередь, геополитические коды государств, имеющих общие границы в пределах Восточной Азии, и на этой основе выстраивать стратегию обеспечения национальной безопасности. Геополитическая история России и Монголии должна служить подтверждением этому.

Если в предвоенный период акторами геополитического противостояния в Восточной Евразии выступали Советский Союз и Япония, то

в настоящее время этот регион становится столкновением интересов, главным образом, России, Китая, Японии и США. Геополитическое взаимодействие России и Китая в регионе координируется в рамках ШОС, тогда как США и Япония выступают выразителями интересов «золотого миллиарда». Следует обратить внимание на то, что среди стран Северо-Восточной Азии военно-политическое сотрудничество с США поддерживают Япония, Республика Корея и Тайвань, а среди стран Юго-Восточной Азии — Индонезия, Филиппины, Таиланд, т.е. страны, имеющие выход к морю. Это способствует реализации США военно-морской доктрины, которая с 90-х годов прошлого века стала основываться на концепции «действия с моря против суши». По сути, эта концепция представляет собой новый вариант давней стратегии Анаконды, которая в годы холодной войны была направлена против СССР. Теперь эта стратегия реализуется в действиях против тех держав, которые претендуют на утверждение себя в качестве центров силы (Россия, Китай, Индия) или же в своих геополитических устремлениях не отвечают национальным интересам США (КНДР, Вьетнам, Казахстан и др.). Вышеупомянутая стратегия США в Восточной Азии преследует следующие цели:

- сохранение и развитие системы двухсторонних военно-политических союзов (США — Япония, США — Республика Корея, США — Тайвань) с последующей трансформацией их в многостороннюю структуру;
- сдерживание России и Китая путем расширения экономических, политических и иных связей как с ними, так и с другими странами региона с целью воспрепятствовать созданию каких-либо коалиций, чуждых национальным интересам США;
- обязательное участие США в диалоге по вопросам обеспечения безопасности между странами Восточной Евразии и в урегулировании межгосударственных и внутренних этнических, религиозных и иных конфликтов;
- сохранение своей ведущей и координирующей роли в антитеррористической борьбе. Знаковым событием, выявившим состояние геополитической безопасности в Восточной Евразии, явилось состоявшееся 28 августа 2008 г. в Душанбе заседание Совета глав государств ШОС. Многие эксперты обращали внимание на то, что состоя-

ние геополитической безопасности в центральной части Евразии в основном определяется позициями России и Китая и тем, как центральноазиатские государства относятся к этим позициям. Вопрос о степени близости этих государств к Китаю или России следует рассматривать в контексте ключевых приоритетов деятельности ШОС. Борьба ШОС против вызовов и угроз полностью совпадает и с национальными стратегиями безопасности России и стран Центральной Азии. На Душанбинском саммите было принято решение создать специальную группу для изучения вопроса о снятии моратория на расширение организации и для разработки механизма принятия новых членов, а также ввести промежуточный статус «партнер по диалогу», позволяющий отдельным странам-наблюдателям более активно участвовать в проектах ШОС совместно с постоянными членами. Это тем более важно, учитывая, что уже не первый год ведутся разговоры о расширении ШОС за счет стран-наблюдателей (Иран, Пакистан, Индия, Монголия). 15–16 июня 2009 г. в рамках очередного саммита ШОС в Екатеринбурге состоялось заседание Совета глав государств-членов ШОС. Общие подходы участников Организации к выстраиванию более справедливой и рациональной архитектуры межгосударственных отношений на фоне кризиса традиционных структур обеспечения безопасности были отражены в подписанной главами государств-членов ШОС Екатеринбургской декларации. Были подписаны Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности и Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС. Чем же была вызвана необходимость принятия подобных соглашений и расширения состава ШОС?

Как известно, пространство ШОС охватывает Россию, Китай и ряд других государств, входящих в регионы Восточной, Центральной и Южной Азии. Оно не охватывает Ближний и Средний Восток, что дало основание называть «пространство ШОС» Восточной Евразией. В угоду национальным интересам США американские политики стали обозначать регионы Ближнего и

Среднего Востока и ряд прикаспийских государств как «Большой Ближний Восток». Проект «Большой Центральной Азии» следует рассматривать как альтернативу ШОС. Следовательно, идея больших пространств в интерпретации американских геостратегов применительно к регионам Евразии обретает явно агрессивный характер и служит утверждению однополярного мира. Большие пространства на всех континентах оказываются, в таком случае, всего лишь зонами национальных интересов США. Подробнее характеристики регионов Восточной Евразии — Центральной и Северо-Восточной Азии — и их современное геополитическое положение рассмотрены мною [7].

Притязания на территории и энергоресурсы соседних государств имеет Япония, являющаяся наиболее экономически мощным государством Восточной Евразии. Еще в середине 1990 г. происходила корректировка концепции «национальной оборонной стратегии» Японии, что было вызвано разрушением биполярной конфигурации мировой политики и признанием руководством страны необходимости обеспечения национальной безопасности посредством укрепления собственных вооруженных сил. Формирование современной оборонной политики Японии находится под влиянием ряда существенных факторов: во-первых, Япония прочно связана с США в экономической и военно-политической сферах, что принуждает ее к исполнению роли главного восточноазиатского помощника «мирового шерифа». Во-вторых, исполнению этой роли препятствует устойчивая антипатия к Японии в регионе, что было вызвано масштабным японским вторжением в большинство стран Восточной Азии в 1920–1940-х годах. В-третьих, это стремительный рост экономического и военного могущества Китая и, соответственно, обострение японо-китайского соперничества за военнополитическое влияние как в Восточной Евразии, так и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

После развала Советского Союза и мировой системы социализма все более явным центром силы в мировой политике становится Китай, который уже в начале XXI века стал заявлять о своем превращении в ведущую мировую державу к середине XXI века. Это еще раз было подтверждено в решениях XVII съезда Компартии Китая. На это нацелен внешнеполитический курс китайского руководства, с одной стороны — на борьбу против гегемонизма США, исходя из признания необходимости утверждения многополярного

мира. С другой — на укрепление партнерских отношений с «большими странами» в Восточной Евразии с помощью механизмов многосторонней дипломатии и расширения регионального сотрудничества. В лексиконе китайской политической элиты появились сугубо геополитические понятия — «жизненное пространство», «стратегические границы». Если в пределах «жизненного пространства» какая-либо хозяйственная деятельность должна способствовать дальнейшему экономическому процветанию Китая, то в пределах «стратегических границ» могут находиться целые страны Юго-Восточной и Центральной Азии, а также части территорий крупных государств (российские Дальний Восток и Восточная Сибирь) и акватория Южно-Китайского моря, расположенная за пределами юрисдикции Китая [8]. Китайский исследователь У Сяо Ди достаточно четко заявляет по этому поводу: «центр китайской геополитики, всегда связывавшийся с территорией внутриконтинентальной Азии и пограничными линиями в прибрежных районах и зоной океана, серьезно сместился. Процесс этого перемещения начался еще в 19 веке, а после начала периода реформ и открытости, проводимых в Китае, и периода после холодной войны максимально ускорился. Это произошло потому, что объединение Китая с мировой системой необычайно повысило геополитическую и геоэкономическую значимость прибрежных районов и зоны океана (например, перевозки нефти). Поэтому, рассуждая с “точки зрения пространства”, Китай в глобализирующемся в 21 веке мире центр своих интересов концентрирует на прибрежной зоне и зоне океана. Эта зона в очень большой степени решит, может ли Китай достичь своей цели — построить многополярный мир, который в этом мире считается важной ступенью. Поэтому прибрежная зона и зона океана — совершенно новая и огромная геополитическая и геоэкономическая сцена, которая в 21 веке становится основной платформой нового роста и подъема Китая» [9].

В геопространственном отношении Центральная Азия, по версии ЮНЕСКО, включает Монголию, западную часть Китая, Тибет, северо-восточный Иран, территорию Кашмира, Афганистан, Пакистан, восточную часть России, южнее зоны тайги, бывшие советские республики Средней Азии, Уттар Прадеш, Харьяну, Химачал Прадеш, Пенджаб и Пакистан. В обширном регионе Центральной Азии необходимо выделить два основных их ареала этого

взаимодействия: 1) «классическая» Центральная Азия, в рамках «геополитического треугольника» *Россия — Монголия — Китай*; 2) «новая», постсоветская Центральная Азия в составе Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Киргизстана. Процессы, происходящие в этих регионах, и в геополитическом, и в цивилизационно-историческом отношении принципиально отличаются друг от друга. В первом случае мы сталкиваемся с тысячелетним механизмом взаимодействия монгольской (буддийско-кочевой), китайской (конфуцианской) и российской цивилизаций. Во втором случае налицо непродолжительная история развития независимых среднеазиатских государств, исторически относящихся к мусульманской культуре. С другой стороны, регион Северо-Восточной Азии также может быть представлен «геополитическим треугольником» *Россия–Япония–Китай*, в пределах которого предметом споров и поиска совместных решений являются, в первую очередь, транспортные коммуникации и транспортные узлы «суша – море», а также природные ресурсы России и Монголии, столь необходимые Китаю и Японии. Предпринимаются активные усилия по возрождению КВЖД, будущее геополитическое и геостратегическое значение которой русские ученые, промышленники и военные предвосхитили еще в конце XIX века. Новый шаг в обеспечении сотрудничества государств Восточной Евразии будет, надо полагать, сделан при условии реализации «Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией», которая была подписана президентами Российской Федерации и Монголии 25 августа 2009 г. в Улан-Баторе. Итак, проблемы обеспечения геополитической безопасности в Восточной Евразии решаются, во-первых, на основе достоверного исследования прошлых событий, определивших канву геополитической истории в этом регионе. Во-вторых, обеспечение геополитической безопасности государств-участников ШОС и потенциальных новых ее членов должно основываться на долгосрочном прогнозировании динамики их инновационно-экономического развития с учетом того, что жизненный цикл нововведений за последние двести с лишним лет сократился с 90 до 25–30 лет [10]. Более того, необходим анализ временной корреляции выхода этих стран из глобального экономического кризиса. В-третьих, обеспечение геополитической безопасности государств-участников ШОС и потенциальных

новых ее членов предполагает сочетание факторов их цивилизационной совместимости. В-четвертых, необходим новый, работающий в истории геополитический образ, который воссоздавал бы ход развития глобальной истории и предлагал для нее свою рекомендацию. Таким геополитическим образом может стать, следуя логике устойчивого развития, **мир геоцивилизаций — больших пространств, динамичное развитие которых является залогом сохранения человечества.**

Примечания

1. Полянский И. Н. Международный военный трибунал. М., 1946. С. 13.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. М., 1988. С. 193, 222.
3. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 334.
4. <http://senat.org/vasilevsky/kantok-uen.html>
5. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира. М.: ИС РАН, 2009.
6. Байяр Санджагин. Вызовы национальной безопасности Монголии // The Asia Foundation's Center for Asian Pacific Affairs (CAPA), Report Number 16, September 1994, pp. 1–4.
7. Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. СПб., 2010. С. 93–98.
8. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Азии / Отв. ред. Г. Д. Агафонов. М., 2007. С. 25–34, 52–53.
9. У Сяо Ди. Трансформации китайской геополитики. Пекин, Издательство Энциклопедия, 2006. С. 233–234.
10. Акаев А. А., Хироока М. Об одной математической модели для долгосрочного прогнозирования динамики инновационно-экономического развития // Доклады Академии наук. 2009. Т. 425. № 6. С. 727–732.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Глобальная геополитика / Под редакцией И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 312 с. (Учебно-научная серия «Библиотека факультета глобальных процессов МГУ»)

В монографии рассматриваются теоретико-методологические и практические вопросы глобальной геополитики. Особое внимание уделено месту и роли России в глобальной геополитике.

Книга написана в содружестве ученых факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова (проф. О. Г. Леонова и доц. И. В. Ильин) и Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (проф. И. Ф. Кефели, доц. А. Г. Конфисахор и доц. О. В. Плебаник).

ШМЕЛЕВА Е. В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Национальная идентичность чаще всего понимается как общее для обитателей определенного политического и географического пространства чувство особой психологической принадлежности к единому целому — нации. Она рассматривается как особая характеристика субъективности, состоящая в ощущении, переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей. Она же характеризуется как сложная система, состоящая из взаимосвязанных компонентов — языка, идей, идеалов, символов, мифов о происхождении народа, о прародителях — культурных героях и пр. Разделение этносов на «мы» и «они» может быть зафиксировано в границах родины: этническая идентичность выражается через идею территориальной общности, «родной земли». Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Для анализа феномена важно помнить, что этническая идентичность не сводится и может не совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к доминирующей этнической общности), которая проявляется в самоназвании [1]. Таким образом, мы видим, что и в политическом, и в научном дискурсе понятия этнической и национальной идентичности употребляются как синонимические. Происходит это оттого, что понятия «этнос»/«этничность» являются базовыми для этнической классификации, а понятие «нация» определяется чаще всего как государственная форма этнической общности

людей [2]. Однако В. М. Межуев указывает: «Нация, в отличие от этноса, ... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать... Нация — это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [3].

Говоря об исследованиях национальной идентичности, необходимо отметить неоднократно высказывавшиеся утверждения, что исследования национальной идентичности бесперспективны, что у них нет будущего, что их инициируют только крайне консервативные ученые, отрицающие влияние на свою страну глобальной экономики, культуры и политики [4]. Действительно, глобальные тенденции в экономике, культуре, политике приводят к тому, что всевозможные границы будут и дальше терять свое значение и ни одной из наций не удастся избежать этого влияния, но это не означает, что у явления национальной идентичности нет будущего. Любая нация сегодня — это, прежде всего, люди, у которых есть общее прошлое, связанные с ним интересы, ценности, представления о будущем. Именно отдельные идентичности, отдельные культуры и составляют сегодня глобальное. Так, в современной России мы видим два процесса: с одной стороны, общемировой, глобальный и, с другой, процесс усиления национализма в регионах России. Этот двойственный процесс оказывает непосредственное влияние на представление россиян о национализме, о том, как он проявляется. Поэтому вряд ли можно действительно противопоставлять глобальное и местное,

локальное. Большой исследовательский интерес представляет другой вопрос — может ли национальная идентичность, по своей сути когнитивно-эмоциональный процесс, оказывать непосредственное влияние на экономические процессы?

Состояние экономики определяется не только существующими экономическими отношениями, но и господствующим менталитетом. Человек организует и направляет свое поведение в соответствии с субъективно определяемыми идентичностями — социальной, национальной, профессиональной, религиозной, половой. Значит, идентификация с большой социальной (в данном случае национальной) общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения, в том числе социально-экономического, особенно в трансформационной экономике [2]. Ответ будет положительным и в том случае, если сформулировать вопрос иначе, например: формируется ли сегодня в России идентичность новых классов, например: нового среднего класса? При этом важно понять, формируется ли новая идентичность, отрицающая традицию (современный россиянин добивается своих целей сугубо личными усилиями), либо общественное мнение продолжает оперировать отжившими культурными кодами. В контексте классовой идентичности во многом должна решаться и проблема профессиональной идентичности: системы профориентации, среднего профессионального и высшего образования, выбора профессии, профессиональной этики и пр.

Проблемы трансформационной экономики России связаны не только с непосредственно геоэкономическими и геополитическими причинами, но и, в том числе, с замкнутостью развития — как в социально-экономическом, так и в культурно-гуманитарном аспектах.

Конечно, это только один из аспектов проблемы. Очевидно, что, не создав мощного индустриального базиса, Россия не сможет осуществить скачок к постиндустриальным технологиям. Но сегодня это противоречие уже не выглядит неразрешимым — возможным выходом является (и это общемировая тенденция к социализации) гуманизация всей общественной жизни, в том числе экономических отношений. Сегодня Россия — страна с догоняющей экономикой. Шансом, который может использовать российская экономика для относительно **равноправной интеграции в современное мировое хозяйство** (хотя бы частично, хотя бы в

паллиативных, переходных формах), является использование потенциала не только высоких технологий, но и таких сфер жизни, как культура, образование, рекреация, производство экологически чистой продукции и т. п. Они являются постиндустриальными по своему типу и требуют меньше (по сравнению с высокими технологиями) материальных и финансовых вложений [5].

Американский этнолог Ж. Девос рассматривает национальную идентичность как форму идентичности, воплощенную в культурной традиции и обращенную в прошлое. З. Фрейд считал, что «человечество никогда не живет полностью настоящим. Идеологии «супер-эго» увековечивают прошлое, традиции племени и народа, которые поддаются, хотя и медленно, влиянию настоящего, новых тенденций развития и, пока они действуют через «супер-эго», играют важную роль в жизни человека». Под идеологией «супер-эго» З. Фрейд понимает некое вместилище идей. Также он понимает под ними нечто подсознательное, близкое к архаике, приписывая им магическую внутреннюю принудительность. [цит. по 6]. В условиях трансформации российское прошлое может тащить экономику, каждого из нас назад, а может создавать предпосылки для того, чтобы двигаться вперед. Даже самые радикальные российские политики сегодня не предаются ностальгическим воспоминаниям о недавнем советском прошлом и признают, что вопрос социальной справедливости всегда должен быть связан с вопросами экономической эффективности. Это означает, что для любой нации, особенно в период экономической трансформации, прошлое актуально сегодня и будет актуально завтра. Например, успешное решение задач привлечения в страну трудовых кадров, интеграции в мировое экономическое и культурное пространство связано с тем, как современные россияне относятся к этническим и религиозным меньшинствам, иммигрантам, каковы их расовые предрассудки, как они воспринимают наднациональные органы (Евросоюз, НАТО, ООН, ВОЗ и пр.), как представляют другие национальности, кем считают себя. Сегодня национальная идентичность становится все более сложной и неоднородной, имея множество измерений. Так, в зависимости от контекста, национальная идентичность может представлять как патриотизм или национализм, обнаруживает связь с этноцентризмом и ксенофобией.

В самой структуре национальной идентичности выделяют три основных компонента — **когнитивный** (знания, представления

об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе дифференцирующих признаков), **аффективный** (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней) и **поведенческий** (реальный механизм проявления себя членом группы) [7]. Таким образом, национальная идентичность — это не только осознание своей принадлежности к нации, но и ее оценка, значимость принадлежности к ней, разделяемые национальные чувства. Аффективный компонент проявляется в **национальных аттитюдах**. Национальные аттитюды легче всего отыскать в средствах массовой информации (как российских, так и зарубежных). Сам характер СМИ — массовый, стремящийся охватить как можно большую аудиторию, требует, чтобы национальный характер в них был представлен через стереотип. Верно и обратное — именно стереотипы, представленные в СМИ, воспроизводят идеи национальной идентичности — постоянно и относительно стабильно.

Позитивные стереотипы включают удовлетворенность принадлежностью (желанием принадлежать) нации, гордость за достижения своего народа. В экономическом плане позитивная идентичность проявляется в желании получать образование на национальном языке, создавать семьи, инвестировать в национальную экономику, в стремлении к участию в управлении, принятии решений — как в рамках корпораций, банковских структур, так и в рамках государственных институтов. Позитивная национальная идентичность коррелирует с этнической толерантностью [8]. **Негативные стереотипы** своей нации включают отрицание собственной национальной идентичности, чувство униженности, предпочтение других групп в качестве референтных. Негативная идентичность в социально-экономическом плане — это спад рождаемости, вывоз капитала из страны, отсутствие инвестиций в реальный сектор экономики, в производство, рост финансовых спекуляций, рост влияния корпоративно-клановых групп, отчуждение человека от управления, собственности, рост социальной апатии. Формирующаяся в этом случае негативная национальная идентичность сопровождается, как правило, ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своей нации [7]. Негативное восприятие своей нации может привести к попытке сменить национальную принадлежность (измененная национальная идентичность) или попытке

причислять себя к широким наднациональным общностям — европейцам, гражданам мира (космополитическая идентичность). Однако вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей — национальной идентичности — грозит потерей связи с какой бы то ни было культурой [1]. Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включен в процесс социализации человека. Во-вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление, преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир [2]. В зависимости от силы, длительности любого рода кризиса возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей негативные элементы выходят на передний план за пределы позитивной идентичности.

Единство между людьми в больших социальных образованиях нельзя сохранить военными средствами. Только культура, включая национальные СМИ и образование, позволяет людям ощущать себя внутренне единым, однородным сообществом [4]. «В современном мире культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий», — отмечает С. Хантингтон [9]. Таким образом, факторы, объединяющие людей в нацию, всегда существеннее социальных и культурных различий между людьми, а национальная идентичность суть культурный феномен.

Особую важность в данном смысле приобретает анализ деятельности российских СМИ, производимых ими текстов и способов их потребления, который даст нам новые знания о системе ценностей их аудиторий, системе социальных отношений, а также о том, как, посредством СМИ, распределяется власть в современном российском обществе. Социализация экономики как общецивилизационный процесс является, в том числе, результатом **целенаправленных усилий организованных граждан отдельных стран** (их некоммерческих, экологических и профессиональных объединений), а также национальных и региональных, локальных СМИ. В этой связи оценка того, как современные российские СМИ представляют темы, связанные с понятиями «нация», «национализм», «патриотизм», позволяет описать существующую борьбу стереотипов, характерных для отдельных групп людей и

редакций СМИ. Это позволит выйти на широкий круг культурологических вопросов: зарождение значений и символов национальной идентичности, выявление ключевых смыслов, нуждающихся в особом общественном внимании, предубеждений, природу идеологической и экономической борьбы в контексте национальной идентичности и пр. В этом смысле исследования национальной идентичности, выявление алгоритмов ее поддержания и формирования, выявление современных идей национальной идентичности позволяет ответить и на вопросы, насколько в современной социально-экономической жизни России «мертвый хватает живого», что из прошлого должно в нем остаться, а от чего мы не можем отказаться, чтобы двигаться вперед. Для того чтобы шанс России на скачок к новому социально-экономическому качеству мог бы быть реализован (хотя бы частично, хотя бы в паллиативных, переходных формах), нам, как и странам «постклассического» капитализма, нужно, очевидно, пытаться использовать методы гуманизации экономики [3].

Исследования национальной идентичности (целенаправленные усилия ученых-гуманитариев) могут объяснить, какие общие закономерности влияют на этот процесс и то, какие задачи должен выполнять тот или иной социальный институт. Например, по мере того как Россия становится все более поликультурной, СМИ должны все чаще обращаться к теме культурного плюрализма, к репрезентации культурных и этнических меньшинств. Благодаря этому пересматриваются сами культурные границы нации, понимаемой как более широкое, «гибридное» сообщество. Осознается ли эта задача современными российскими СМИ и насколько она реализуется? Исследования национальной идентичности могут показать, как российские СМИ сегодня репрезентируют россиян, как они определены в терминах внутренней культурной истории. Национальная идентичность предстает не только как чувство сообщества, но и как принадлежность к сообществу, к месту, к родине, как признание установившихся культурных традиций этого сообщества, этой родины. Исследования помогут выявить, как российские СМИ сегодня апеллируют к этим традициям: просто воспроизводят их, работая в их же смысловом поле, или же исследуют и развивают их. Также важно и то, как сегодня российские СМИ представляют другие нации, как они определяют отличие россиян от других наций, какова

существующая традиция представления российского начала в культуре.

Исследования национальной идентичности — не панацея для российской экономики. Но научные исследования, социально-экономическое творчество позволяет создавать новые формы общественной жизни. Инновационная экономика нуждается в другом качестве российского человеческого капитала. И мы должны понимать, что любая общемировая тенденция не будет работать в России сама (как не работает она сама и в странах постклассического капитализма), без целенаправленных усилий ученых, политиков, собственников капитала, педагогов и журналистов.

Примечания

1. Стефаненко Т. Г. Психология межэтнических отношений // Этнопсихология. — М.; Екатеринбург, 2000.
2. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II, вып. 1.
3. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 16.
4. Медиа. Введение: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям. Под ред. А. Бриггза, П. Кобли; пер. с английского Ю. В. Никуличева.
5. Трансформационная экономика России: Учебн. пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. — М.: Финансы и статистика, 2006. С. 611–614.
6. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 28–33, 54–70, 222–226.
7. Дробижеева Л. М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации / Л. М. Дробижеева и др. М., 1996. С. 296.
8. Тишков В. А. Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. Серия «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве». Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Т. 2. № 2. М., весна 1997. С. 142–143.

БАЛАХОНСКАЯ Л. В.
РЕКЛАМНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Социальная безопасность — это состояние сбалансированности всех (внутренних и внешних) сторон бытия общества и его важнейших элементов, формирующее возможности реализации интересов его текущего и будущего развития. Безопасность характеризует качественное состояние социального объекта, связанное с отсутствием или преодолением (устранением, снятием) опасности. Защищенность фиксирует состояние и степень противодействия реально существующей (и действующей) опасности. В таком понимании безопасность выступает как высшая степень защищенности, а защищенность — как механизм реализации безопасности социального субъекта.

Безопасность социальной системы, складываясь из безопасности составляющих ее элементов и системообразующих отношений, не является результатом их простого суммирования, а представляет их сложный синтез. Безопасность, как качество состояния социальной системы, представляет собой непротиворечивость данной системы объективным законам ее функционирования и развития. Все сферы жизнедеятельности человека в определенной степени связаны с фактором безопасности. Одни из них выступают в качестве важнейших детерминант социальной безопасности, другие предстают в виде следствий социальных действий и процессов, направленных на обеспечение безопасности в той или иной ее форме. В кризисные периоды, в так называемые точки социальной бифуркации, значение понятия безопасности становится доминирующим

в системе социальных понятий и категорий, раскрывающих суть общественных процессов.

Одним из важных оснований системы социальной безопасности выступает информационная безопасность. Информация определяет направление развития и функционирования общества, именно она является носителем смысла всех социальных процессов. В соответствии с этим информация выступает основой осмысления сущности и степени социальной опасности, а также средством моделирования состояния социальной безопасности в том или ином ее аспекте. Кроме того, в определенных отношениях информация может выступать и как средство обеспечения социальной безопасности. Примером этого являются методы переговоров, политических консультаций и согласований, апелляция к общественному мнению и т. п.

Рекламная коммуникация выступает мощным источником информации, способной иметь как социально-конструктивную, так и социально-деструктивную ориентацию. Современное общество постоянно испытывает на себе прессинг рекламной информации. Как один из видов социальной коммуникации реклама характеризуется необходимостью организации эффективного взаимодействия субъекта и адресата. Субъектом рекламной коммуникации предстает, прежде всего, рекламодатель, являющийся инициатором процесса рекламирования (производитель товара или продавец). В качестве субъекта нередко выступает также рекламопроизводитель — лицо или организация (рекламное агентство, рекламный отдел фирмы), создающий

рекламный продукт. Под адресатом рекламной коммуникации обычно понимается целевая аудитория, потенциальный потребитель. Основная цель субъекта рекламной коммуникации — изменить поведенческие установки адресата таким образом, чтобы тот из потребителя рекламной информации превратился в потребителя рекламируемого товара или услуги. Для достижения этой цели субъект воздействует на сознание адресата: предоставляет селективную оптимизированную информацию в отношении объекта рекламы, формирует эмоциональное состояние, изменяет систему взглядов и оценок адресата в нужном направлении.

В условиях возрастающего потока рекламной информации у потребителя вырабатывается своеобразный «иммунитет», «толстокожесть» к рекламным обращениям, поэтому субъекты рекламной коммуникации вынуждены активнее использовать нестандартные приемы, способные привлечь внимание адресата. Одним из нетрадиционных инструментов рекламного воздействия может служить прием эпатажа. Это слово происходит от французского *epatage* и обычно определяется как «скандальная выходка, поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила» [6, с. 588].

В современных СМИ и рекламоведческой периодике приводятся факты, демонстрирующие маркетинговую эффективность эпатажа в рекламной коммуникации [1]. Однако все исследователи эпатажной рекламы отмечают, что применение шокирующих приемов всегда связано с возможностью возникновения их социально-негативных последствий. Невозможно заранее просчитать маркетинговую и коммуникативную эффективность рекламной кампании, основанной на эпатаже. Безусловно, скандальная реклама более заметна на фоне обычной, традиционной рекламы, о ней начинают говорить, пересказывать друзьям. Основные функции эпатажа в рекламе — аттрактивная и мнемоническая. То, что привлекло внимание адресата, шокировало его, запоминается гораздо лучше. Однако отношение к такой рекламе в обществе неоднозначно. У нее есть поклонники, которые видят в ней креативное начало, отход от традиций, стремление к разрушению канонов. Но в то же время эпатажная реклама часто вызывает недовольство, раздражение, она может свести на нет все усилия рекламистов по формированию положительного отношения к бренду. Как заметила В. В. Ученова, «провоцирующая» реклама, так же

как и провокационные приемы постмодернистских авторов, располагается на узкой территории этически приемлемого и выходящего за эти пределы безобразно скандального. В последнем принципиальной новизны нет — ошарашить непристойным поведением и тем самым вызвать к себе повышенный интерес находили для себя полезным и киники Древней Греции, и юродивые на Руси» [8, с. 144].

Целевая аудитория эпатажной рекламы — это, прежде всего, молодое поколение, в том числе подростки, которые увлекаются всем нестандартным, любят разрушать традиции. Кроме того, эпатаж может привлечь и успешных, обеспеченных людей среднего возраста, любящих острые ощущения. Эпатажная реклама может применяться при необходимости привлечь внимание к проводимой рекламной акции, а также в том случае, если нужно каким-либо образом выделить рекламируемый объект на фоне конкурирующих.

Возникает вопрос: в чем же причина возрастающей популярности приема эпатажа в рекламной коммуникации и насколько приемлет его общество? Как отмечают исследователи данного феномена, «эффективность провокации и эпатажа заключается вот в чем. Когда атаке подвергаются культурные нормы, человек подсознательно защищается, отстаивая свои представления. И в этот момент он, сам того не желая, максимально активно воспринимает сообщение. Однако скандал требует и чувства меры: он должен оживить действие, но не испортить его. Проще говоря, эпатаж востребован в рекламе в той степени, в какой раскованно и состоятельно общество. Точнее, та его часть, которой он адресован. Например, в сравнительно консервативной Америке эпатаж в рекламе используется куда реже, чем в Европе, пропитанной бунтарством и индивидуализмом, где этим средством пользуются весьма уважаемые финансовые компании и страховые фирмы, кадровые агентства и магазины. Европейская пресса даже предложила новый термин — *shockvertising*, шок-реклама, — для описания мощной тенденции в рекламе, буквально заполонившей крупные города. Даже крупные бренды, относящиеся к мейнстриму, постоянно экспериментируют с темой эротизма (L. Oreal) и социально-политическими вопросами (Pepsi)... Эпатаж становится неотъемлемой частью бренда. Подобные проекты у нас пока не так уж и востребованы — до сих пор неплохо работают «прямые» методы убеждающей

рекламы. Хотя по мере уплотнения информационного поля спрос на провокацию в рекламе будет расти» [1]. Одним из известных примеров эффективного использования эпатажа являются рекламные кампании концерна «BENETTON». Однако создание эпатажа лишь с помощью изображения, например, фотографий, в современной рекламе встречается довольно редко. Гораздо чаще эпатировать публику рекламистам удается вербальными средствами либо сочетанием вербальных и невербальных элементов. Основное внимание в данной работе будет направлено на анализ речевых средств создания эпатажа в рекламном тексте.

Как показывает собранный нами материал, в большинстве случаев для создания эпатирующего эффекта рекламисты используют многозначную лексику, а также слова, имеющие омонимы, с помощью которых можно придать двусмысленность какой-либо фразе — чаще всего слогану или заголовку рекламного текста. Многозначные и омонимичные слова в рамках текста могут формировать какой-либо дополнительный смысл, например, сексуальный подтекст: «СМОГ..! В Лондон-клубе. Ресторан "Тауэр". Бильярд — ежедневно с 12.00 до 6.00. Ночная шоу-программа с 23.00. До 23.00 для девушек вход свободный (реклама развлекательного центра). Слово "смог" в данном контексте выглядит двусмысленным. Под влиянием контекста (слов Лондон, Тауэр) у этой лексемы актуализируется значение «густой туман, смешанный с дымом, копотью и т. п., в больших городах и промышленных центрах». В то же время пунктуационное оформление позволяет выявить у слова смог совершенно другой смысл — это форма единственного числа прошедшего времени глагола "смочь". Сексуальный подтекст у второго из омонимичных слов «смог» проявляется благодаря знакам препинания: многоточию, которое выражает недосказанность, и восклицательному знаку, с помощью которого передается сильное чувство в эмоционально окрашенном предложении (в данном случае — чувство радости, торжество победы). Эротические ассоциации подкрепляются изображением изрядно смущенного мужчины, на щеке которого красуется след помады от поцелуя женщины.

Скандальную известность из-за использования сексуального подтекста в рекламе приобрела сеть магазинов бытовой техники «ЭЛЬДОРАДО». В средствах массовой информации публиковались возмущенные отклики потребителей,

которые увидели в рекламе шокирующие их фразы: «Я так низко пала. Твоя цена» (реклама бытовой техники); «Сосу за копейки» (реклама пылесосов). «Игривый» характер рекламе придавали многозначные слова, одно из значений которых могло выражать сексуальный подтекст.

Аналогичное восприятие рекламного текста возможно и в следующем примере аудиорекламы: «Не люблю англичан. Не люблю немцев. Я люблю узбеков. Они зимой хорошо заводятся» (реклама автомобилей узбекской сборки). Текст произносится томным, капризным женским голосом, что и позволяет уловить намек на эротический смысл. Лингвистической основой двусмысленности являются метонимические и метафорические переносы. Метонимия: англичане, немцы, узбеки (люди) — англичане, немцы, узбеки (автомобили английского, немецкого и узбекского производства). Метафора: заводятся (начинают работать — об автомобилях) — заводятся (приходят в состояние сексуального возбуждения — о мужчинах).

Садо-мазохистский подтекст имеет следующий рекламный заголовок, набранный крупным шрифтом: «ПИНАЙ МЕНЯ, ОБНИМАЙ МЕНЯ, БЕЙ МЕНЯ, ИСПЫТАЙ МЕНЯ. За 24 часа». Подзаголовок, фотографии автомобилей и основной текст рекламы нейтрализуют шокирующий смысл приведенных выше слов: «Примите участие в мега-тест-драйве OPEL! Познакомьтесь с новейшими технологиями Opel, такими, как переключатель спортивного режима Sportswitch, адаптивное головное освещение или система компоновки внутрисалонного пространства Flex 7. Целых 24 часа автомобиль будет предоставлен только Вам, чтобы Вы вволю могли насладиться вождением великолепных Opel Corsa, Astra, Meriva или Vectra. И не исключено, что после этого Вам уже не захочется возвращаться за руль Вашего старого автомобиля. Зарегистрируйтесь на тест-драйв прямо сейчас на www.opel.ru или звоните на горячую линию Opel. OPEL. ДВИЖЕНИЕ К ЛУЧШЕМУ» (реклама автомобиля).

Скандалный характер рекламное сообщение может приобретать и в случае намек на нарушение общепринятых моральных норм. Например: «— Я развожу друзей. — А я им вставляю. — А я на них стучу. — Я проверяю друзей самыми изощренными способами. — Я продаю друзей, и это неплохой бизнес. — А еще Вы можете заказать своего друга» (реклама ноутбуков I-RU). В обществе сформировались определенные правила

отношений между людьми, связанными дружбой. Дружба предполагает отношения, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. Приведенный же рекламный текст, по замыслу авторов, должен восприниматься в разных смыслах, в том числе как такой, который содержит утверждения, противоречащие сложившимся в обществе морально-нравственным принципам. Двусмысленность текста основана на метафорическом употреблении слова «друзья» (в значении ноутбуки), а также на преднамеренном обыгрывании общелитературных и жаргонных значений глаголов «разводить», «вставлять», «стучать», «продавать», «заказать».

Эпатирующий характер может носить рекламное сообщение, в котором с помощью многозначных слов якобы выражается какая-либо угроза, агрессия, направленная на адресата. Например, написанное огромными буквами слово ВРЕЖУ воспринимается в своем просторечном значении — как угроза ударить, избить кого-либо. Но последующий контекст, набранный мелким шрифтом, нейтрализует этот смысл и актуализирует основное значение глагола: «ВРЕЖУ замки на двери» (реклама ремонтно-строительных услуг).

Эпатирующим эффектом в результате использования многозначных и омонимичных слов может обладать тизерная реклама. Термин «тизер» происходит от английского *teaser* (любителю подразнить) и обычно трактуется как «приманка, предвестник большой рекламной кампании — интригующее, короткое рекламное сообщение, содержащее только часть информации, но до поры до времени не открывающее рекламируемый товар. Цель тизера — возбуждение интереса и привлечение внимания» [5, 46–47].

В России тизерные кампании стали проводиться с 90-х годов XX века. Один из первых примеров — появление на улицах Москвы билбордов с интригующей фразой: «Я хочу тебя, Солодов!» Прохожие никак не связывали данный текст с рекламой и воспринимали его как объяснение в любви с сексуальным подтекстом. Лишь какое-то время спустя на этих же конструкциях были размещены другие сообщения, из которых всем стало понятно, что это реклама пива марки «Солодов».

Следует отметить, что не всякий тизер использует эпатаж. Два этих понятия не синонимичны, хотя и могут иметь точки пересечения. Эпатажной можно признать лишь такую тизерную кампанию, в основе которой лежит сознательное нарушение

общепринятых норм, агрессия, какая-либо скандальная выходка, которые вызывают общественный резонанс. Приведем пример рекламы, совмещающей эпатаж и тизер: «Твой ДЕНЬ. ВЫ У НАС ПОЛУЧИТЕ!» Агрессивный характер высказывания подкрепляется рисунком, на котором изображена сжатая в кулак мужская рука, с размаху разрывающая газетный лист. Через несколько недель интрига получила развязку — на уличных конструкциях появилось продолжение рекламной кампании газеты «Твой ДЕНЬ», где сообщалось о возможности получения призов и подарков читателями газеты: «Купи газету “Твой день” и выиграй килограмм золота!» На рисунке изображено улыбающееся лицо довольного мужчины, который произносит слова «Я уже получил!» Исследователи рекламной коммуникации неоднократно отмечали, что «даже отрицательные эмоции и первоначальное неприятие сообщения являются пусть не самым желанным, но положительным результатом» [2, с. 61].

В качестве речевого средства эпатажа могут использоваться отрицательные конструкции, содержащие непривычные для читателя рекламного сообщения призывы. Например, в конце XIX века на здании компании «ЗИНГЕР» появилась надпись: «НЕ ПОКУПАЙТЕ ТОВАР ФИРМЫ ЗИНГЕР...» Потенциальный покупатель, увидев подобное рекламное послание, мог испытать настоящий шок, пока не дочитывал последующую часть текста, написанную мелкими буквами: «...пока не убедитесь, что это самый лучший товар» [7, с. 155]. С целью создания эпатажа в рекламных текстах нередко используется обценная лексика, выражающая брань, оскорбления, к примеру, реклама банка в Екатеринбурге:

«Очкуешь, товарищ?
С наличкой тревожно?
Сделай же вклад
В банке надежном».

В январе 2009 г. в СМИ появилось сообщение о том, что Федеральная антимонопольная служба признала данную рекламу непристойной из-за употребления оскорбительного слова «очкуешь» (Первый канал, 21.01.09). Эпатажными выходками с использованием вульгарно-бранной лексики или хотя бы намек на подобные слова «прославилась» компания «ЕВРОСЕТЬ», которая, например, в 2000 г. провела рекламную кампанию со слоганом: «ЕВРОСЕТЬ. Цены просто о... ть!» Руководители компании четко определили свою

целевую аудиторию — это люди, получающие в то время ежемесячный доход 120–250\$. Денег у них немного, но достаточно, чтобы раз в год приобрести недорогой мобильный телефон. «ЕВРОСЕТЬ» поставила себе цель — говорить со своими потенциальными клиентами на их языке, используя, в том числе, и не совсем приличную лексику. Эпатажный слоган вызвал бурную реакцию общественности, но продажи после проведенной рекламной кампании значительно выросли.

Шокирующим эффектом обладают также искусственно созданные слова — окказионализмы, которые имеют явное фонетическое сходство с вульгарно-бранными словами. Внутренняя форма таких новообразований обычно связана с рекламируемым объектом, но внешнее оформление вызывает весьма неоднозначную реакцию. Например, в 2002 г. многие читатели были возмущены слоганом «ИЗДАТЫЙ ДЛЯ МУЖЧИН», сопровождавшим появление нового журнала «Maxim». К тому времени на рынке уже существовало немало мужских журналов, поэтому нужно было привлечь внимание к новому изданию, перетянуть на свою сторону потенциальных клиентов. Сделать это редакция решила с помощью эпатажного слогана. В статье В. Ляпорова приводятся слова редакционного директора журнала «МАХИМ» Ильи Безуглого: «Конечно, нам приходилось сталкиваться с недовольством общественности, но наша целевая аудитория восприняла слоган просто на ура, без ханжества» [1]. Негативные ассоциации могут вызвать и слоганы в рекламе мехового салона: «ЗАШУБИТЬ в кредит!» и «Полный ПЕСЕЦ» из-за явного сходства слов «зашубишь» и «песец» с вульгарно-бранными, неприличными словами.

Шокировать потребителя может также реклама, в основе которой лежит принцип эвфемистической замены грубого, вульгарного слова каким-либо другим, эмоционально нейтральным словом. Такая реклама, на первый взгляд, вроде бы не выражает ничего непристойного, но содержит намек на какие-либо неприличные явления (предметы, свойства, действия). Например, очень вызывающе выглядит следующий рекламный текст (из интернет-сборника прайс-листов компьютеров, комплектующих и оргтехники):

«Поищу товар в Прайс.РУ,
Лишний денег не ...истрачу!»

Здесь многоточие, стоящее после частицы «не» перед глаголом «истрачу», является своеобразным сигналом того, что произведена эвфемистическая замена. Естественно, адресат пытается увидеть «спрятанное» слово, вновь и вновь перечитывает сообщение и, наконец, ощущает ритмический строй и необходимость рифмы. Именно рифма и служит ключом к разгадке эксплицитно не выраженного слова. В итоге читатель испытывает шок, но к этому времени реклама уже успела внедриться в его сознание. Приведенный материал позволяет выделить две противоборствующие тенденции использования эпатажа в рекламной коммуникации. С одной стороны, эпатаж в современной рекламе нередко является спланированным маркетинговым ходом, частью концепции бренда, имеющего определенную целевую аудиторию. В этом случае рекламные мероприятия, основанные на скандале и эпатаже, позволяют при сравнительно небольших финансовых затратах привлечь внимание, внедрить в сознание адресата рекламируемую марку товара, вызвать желание ее приобрести. С другой же стороны, при использовании эпатажной рекламы существует опасность навсегда «похоронить» бренд, если общество не захочет принять слишком рискованные и раскованные методы рекламирования. Авторы коллективной монографии «Реклама: культурный контекст» приводят следующий пример: «Когда индустрия моды стала использовать в своих рекламах худосочных людей с характерным макияжем в стиле “героинный шик”, это вызвало недовольство большинства населения США. Этот вопрос вырос до государственного уровня, с заявлением президента страны о том, что подобное “прославление” наркотиков наносит ущерб американской культуре и обществу в целом» [4, с. 152].

Как отмечает А. Н. Овчаренко, «реклама, созданная на основе табуированных тем и образов (демонстрация насилия, эротики, агрессии, рискованных ситуаций), в соответствии с реакцией уподобления заставляет адресата “применить” ситуацию на себя, тогда как подсознательная оценка реальности, основанная на нравственных и культурных ценностях, отвергает эту ситуацию. В итоге в подсознании может произойти сбой, ведущий к переоценке всей системы ценностей, и вызвать у человека непредсказуемые реакции (депрессии, вспышки агрессии и т.д.)» [3, с. 155]. Кроме того, обращение к табуированным темам и использование табуированной лексики в современной рекламе может нанести вред

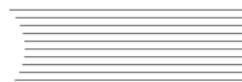
имиджу государства, поскольку реклама наряду с другими коммуникативными формами входит в социокультурное пространство страны. При выборе тех или иных приемов рекламирования необходимо учитывать, что в глазах иностранцев именно реклама нередко становится показателем уровня культуры данного социума, его нравственных устоев, обычаев и традиций. Подводя итог, следует сделать вывод о том, что эпатажные приемы в рекламной коммуникации способны иметь социально-деструктивные последствия, проявляющиеся в подрыве нравственных основ общества, разложении нравственных ценностей, культивировании эгоцентризма, насилия, жестокости, сексуальности. Так порождается еще одна острая проблема обеспечения социально-информационной безопасности общества.

Примечания

1. *Ляпоров В.* Оскорбление действием: скандал и эпатаж в рекламе с точки зрения бизнеса / В. Ляпоров // URL: <http://www.md-managen->

gent.ru/html/article/32357.html

2. *Медведева Е. В.* Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 280 с.
3. *Овчаренко А. Н.* Основы рекламы: Учебник для студ. Вузов / А. Н. Овчаренко. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2006. — 495 с.
4. Рекламная коммуникация: культурный контекст / Под ред. Т. Э. Гринберг, М. В. Петрушко. М.: Рип-холдинг, 2004. 186 с.
5. *Рымашевская Ю.* Рекламная бомба. Рецепты копирайтинга, взрывающие рынок / Ю. Рымашевская. СПб.: Питер, 2007. — 160 с.
6. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М: Рус. яз., 1985. — 608 с.
7. *Сляднева О. В.* Очерки истории российской рекламы: Ч. I / О. В. Сляднева. СПб.: СПб. ГУ, 2007. — 161 с.
8. *Ученова В. В.* Реклама и массовая культура: Служанка или госпожа? / В. В. Ученова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 248 с.

БОДРУНОВА С. С., БОЛЬШАКОВ С. Н. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ В КОНТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ МЕДИАПОЛИТИКИ

Политический маркетинг — это определенная концепция практической политики и управления, которая включает в себя набор инструментов, используемых для изучения общественных потребностей, интересов, ценностей, а также политические и управленческие решения, выражающие эти потребности, и само управление, использующее все многообразие политических коммуникаций. В конце XX века политический процесс в западных демократиях вошел в новую, медиакратическую фазу. В разных политических системах процессы рождения медиадемократии протекали по-разному, однако ряд исследователей политико-медийного взаимодействия утверждают, что в странах, где действуют сходные модели такого взаимодействия, процессы медиатизации политики также имеют сходные черты.

Опираясь на опыт стран США, Великобритании, Канады, Австралии, Ирландии, можно выделить четыре базовые тенденции атлантической политической культуры, развитие которых оказалось решающим в том числе и для политической сферы Британии второй половины XX века. Это: 1) тенденция сращения бизнеса и политики; 2) рост практики неформального коллегиального правления; 3) развитие политического маркетинга (и позже — медиapolитики) в рамках электорального политического процесса; 4) медиатизация политического поля и политического процесса. Как мы считаем, третья и четвертая тенденции оказали решающее влияние на складывание в Британии медиакратических явлений, а значит, и на систему СМИ и ее развитие.

В послевоенный период большие изменения претерпела жизнь британских *политических партий*. Специалисты связывают эти изменения с появлением и утверждением в политическом пространстве такого явления, как политический маркетинг. Суть этого явления в том, что широкие электоральные слои населения рассматриваются и описываются в категориях классического маркетинга (т.е. как целевые группы с определенными потребностями), а политические партии и их программы управления страной — как аналог потребительского продукта, который должен отвечать интересам электоральной аудитории. С 1960-х по 2001 год в атлантической цивилизации сформировалось разветвленное поле исследований в сфере политического маркетинга. Первый этап исследований (примерно до 1979 г.) представлен прежде всего именами Котлера и Леви, а также критиками нового подхода — Такером, Люком, Карманом, Арндтом и др.; второй этап (1979–1994 годы) создали Ротшилд, Шапиро, Скривенс и Уитцель, Казинс, Гвин, Иванс и Берман, Уолш и др.; в этот период классический маркетинг товаров был расширен до рассмотрения деятельности всех неэкономических организаций, а также отдельных личностей и идей, работающих в публичной сфере. На третьем этапе ученые попытались заложить основы понимания политической коммуникации как части политического маркетинга (Фаррелл и Уортман, Франклин, Каванах, Скэммелл, Хэрроп, Уэбб, Шама, Нифенеггер, Ньюман, Ринг и мн. др.), однако большинство авторов сосредоточивались на продвижении, не учитывали особенности

«продукта» (политических партий и идеологий) и ушли от классических теорий маркетинга. Рубеж веков отмечен созданием всеохватных теорий политического маркетинга (comprehensive political marketing theories); одна из таких теорий описана Дженифер Лис-Маршмент и представляется нам наиболее четкой.

Возникновение феномена политического маркетинга имело ряд причин, наиболее веской из которых стало разрушение во второй половине XX века традиционной классовой структуры общества на фоне многообразных социальных перемен (роста индивидуализма, фрагментации социальных страт и увеличившейся социальной мобильности, слома традиционной структуры семьи и др.). Итогом перемен стало то, что уменьшалась численность населения, которое ассоциировало себя с тем или иным «классическим» социальным классом. Так, в Британии количество идентифицирующих себя со средним/рабочим классом упало с 99% в 1964 г. до 44% в 1992 г.; если в 1960-е к рабочему классу себя относили три четверти опрошенных, то в 1992 г. таких осталось чуть больше четверти, а относящих себя к среднему классу — 16% вместо 25% в 1964 г.¹ При этом доля населения, занятого ручным трудом, действительно упала с 74,6% до 44,5% работающего населения, хотя само количество рабочих почти не изменилось — изменилась только его процентная доля в растущем рынке

труда². Кризис классовой идентификации закономерно выразился в кризисе аффилиации с традиционными выразителями классовой идеологии — партиями; этот кризис нашел выражение в количественных (падение численности членов партий³) и качественных (отказ от тесной идентификации с партией) показателях партийной аффилированности. К середине 1980-х политическая партия в Британии перестала быть эффективным инструментом обретения власти, так как перестала отвечать фундаментальным запросам фрагментирующихся социальных слоев.

Результатом кардинального слома стала переориентация партий с классовых платформ на весь потенциальный электорат ради выживания партий как институтов обретения власти; за этим закономерно последовала смена электоральной цели. Теперь целью работы партии стало не выражение интересов своей традиционной электоральной базы (класса), а попытки выразить интересы как можно более широких слоев населения ради электорального успеха. В терминах маркетинга это означало превращение партий, ориентированных на продукт (идеологию), в партии, ориентированные на продажу, и затем в рыночно-ориентированные партии, обладающие более комплексной стратегией на электоральном рынке. Жизненные циклы трех типов партии описаны у Лис-Маршмент. Они выглядят так⁴:

Жизненный цикл партии, ориентированной на продукт:

Жизненный цикл партии, ориентированной на продажу:

Жизненный цикл партии, ориентированной на рынок:

¹ Данные приводятся по: Lees-Marshment, J. Political Marketing and British Political Parties. Manchester: University Press, 2001. P. 19.

² Данные приводятся по: Ibid. P. 20.

³ Ibid. P. 15.

⁴ Lees-Marshment, J. Op. cit. Pp. 28–31.

Вслед за Лис-Маршмент еще раз подчеркнем, что в случае партии, ориентированной на классовую идеологию, у партии не наблюдается рыночной цели: ее целью остается прийти к власти ради выражения интересов класса, а не наоборот — выражать интересы любой как можно более широкой части электората ради прихода к власти⁵. В случае же «маркетинга» партий совершается их переход от продвижения целостной идеологии к attacking issues — «атакам на вопросы повестки дня»: партия выбирает группу «горячих» социальных проблем и рассматривает их наиболее популистские аспекты (не просто преступность, а молодежная преступность, не просто энергетика, а топливный кризис и т. п.), строя свою политическую программу как «программу борьбы с...».

Как показывает опыт Британии, в ситуации небольшого количества ведущих партий, фактически опирающихся на один и тот же электорат, такой подход постепенно, но неизбежно приводит к унификации партийных программ более чем на 50% и скатыванию партий в центр политического спектра. Это происходит потому, что «вопросы для атаки» выбираются на основе опросов общественного мнения. Результаты этих опросов (при условии их репрезентативности) не могут сильно варьировать, и партии получают примерно одинаковые списки «горячих» тем, волнующих избирателей.

Ситуация в Британии развивалась по описанной схеме: здесь первый опыт перехода к политическому маркетингу как способу политического мышления отмечен еще в 1950-е. Б. МакНейр пишет, что некоторые технологии коммерческого маркетинга были приняты на вооружение лейбористами в 1950-е под руководством лидера партии Тони Бенна и консерваторами в 1960-е и особенно в 1970-е, когда лидером партии был Эдвард Хис⁶. МакНейр называет Бенна пионером маркетинговых технологий; точно так же Лис-Маршмент называет Тэтчер⁷. На февральских выборах 1974 года произошел первый скачок электоральной волатильности⁸: почти 25%

населения не могли определиться с выбором партии вплоть до последней недели голосования, и эта ситуация сохранилась до 1992 г.⁹

Но статистика говорит о том, что до выборов 1987 г. главным фактором принятия электоральных решений для британцев всё еще оставались идеологические платформы партий. Об этом свидетельствует, в частности, сравнение электоральных программ тори и лейбористов в 1979 г. До 1987 г. повестку дня формировали в основном тори, исходившие из новой волны правой идеологии («новые правые»), и они же лидировали в общественном мнении как партия, наилучшим образом выполняющая электоральные обещания по «борьбе с повесткой дня», хотя лейбористы постепенно завоевывали авторитет по мере нарастания экономического радикализма Тэтчер. Сама Тэтчер при этом оставалась для населения образцом эффективности и руководителем сплоченной партии, тогда как лейбористы воспринимались как разрозненная партия с расплывчатой политикой. Первая половина 1980-х стала «самой бесцветной эпохой» с 1906 г., а предвыборный манифест лейбористов 1983 г. называли «самой длинной предсмертной запиской в истории»¹⁰.

Перелом наступил незадолго до выборов 1987 г., когда совпало сразу несколько факторов: падение рейтинга Тэтчер до 42%¹¹, осознание обществом того, что энергичные реформы Тэтчер пока не привели к повышению стандартов жизни¹², и личное обаяние Нила Киннокка, обошедшего Тэтчер по показателям близости к электорату и «хорошести для всех», и «способности заботиться обо всех классах»¹³. «Личностный перелом», хотя и недостаточный для победы на выборах, показал: «Главные партии в Британии больше не преуспеют, если останутся верны ориентации на продукт»¹⁴ (т.е. идеологию), а не на issues to tackle («повестку дня, с которой надо бороться»). В 1987 г. также впервые в опросах

проголосуют за другую (конкурентную) и как проголосуют те избиратели, которые определяют свои предпочтения только во время избирательной кампании. В Британии резкий подъем электоральной волатильности совпал со периодом первой унификации электоральных программ тори и лейбористов.

⁹ См. таблицу в: *Lees-Marshment, J. Op.cit.* P. 16.

¹⁰ [Sine scriptor]. Лейбористская партия // Сайт русскоязычной службы Би-би-си. 14 мая 2001. Доступно на: http://news8.thdo.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_1320000/1320253.stm.

¹¹ *Lees-Marshment, J. Op. cit.* P. 83.

¹² *Ibid.* P. 73.

¹³ См. таблицы в: *Ibid.* P. 84, 115.

¹⁴ *Ibid.* P. 132.

⁵ *Ibid.* P. 10.

⁶ *McNair, B. PR Must Die: spin, anti-spin and political public relations in the UK, 1997–2004 // Journalism Studies. 2004. Vol. 5, № 3. P. 328.*

⁷ *Lees-Marshment, J. Op.cit.* Chapter «Thatcher the marketing pioneer».

⁸ Термин «электоральная волатильность» обозначает показатель непредсказуемости результатов выборов. Э.в. зависит от того, сколько членов одной партии

прозвучала формулировка «хорош для одного класса/для всех классов»; борьба «за все классы» станет мотивом модернизации Рабочей партии в 1990-е. На наш взгляд, слом 1987 г. можно трактовать как «желание прихода не лейбористов, но просто другой партии» на фоне «политического безрыбья», когда одна ведущая партия слишком долго была у власти, а вторая пока не отвечала требованиям избирателей и не была избрана.

Ответом британских партий на запросы фрагментирующейся аудитории стали масштабные модернизационные процессы — сперва в партии лейбористов, а в новом веке и в партии тори. Особенно сильно перемены затронули Рабочую партию, которая под руководством Тони Блэра превратилась в 1990-е в «New Labour» — «новых лейбористов». Перемены в идеологии и менеджменте партий привели к стиранию различий между ними и образованию идеологического вакуума, который позже был замещен построением образов обеих партий на неидеологической основе.

Первым фактором превращения традиционных партий Британии в постмодернизм стало, по словам Дж. Стрита, «повсеместное разрушение политической линии строя»¹⁵, или коррозия партийных платформ в сторону центризма. Превращение лейбористской партии из социалистической в левоцентристскую прошло несколько стадий; четыре из них представляются ключевыми. Первая — выход в 1980 г. из партии, находившейся в глубоком кризисе лидерства и идеологии, группы социал-демократов под руководством Роя Дженкинса. В начале 1980-х с ослаблением социалистических режимов назрела потребность пересмотра социалистической идеологии Рабочей партии; против ожидания, партия резко «полевела»; с этой позицией не согласились Дженкинс и его последователи. Они покинули партию и попытались основать собственную, Социал-демократическую, не имевшую, однако, электорального успеха. Второй стадией стала обширная модернизация идеологии и менеджмента партии в 1992–1994 годах: в начале 1990-х партия всё еще оставалась глубоко идеологизированным институтом «старой политики»¹⁶. Модернизационный блок возглавили молодые лидеры Тони Блэр и Гордон Браун. В речах и публикациях того периода Блэр пересмотрел основные положения британского социализма и еще сильнее выделил в

обновленной идеологической платформе неоллиберальный комплекс: проблемы занятости населения, нехватки жилья, обучения и здравоохранения¹⁷; эта повестка дня стала доминирующей уже перед выборами 1992 г.¹⁸ Так лейбористы учли то, что Лис-Маршмент назвала комплексной электоральной базой: на предпочтения избирателей электорального возраста сильно влияют предпочтения их детей, родителей, немощных родственников и т.п.¹⁹ Итогом стала «идеология ценностей»: после скоропостижной смерти лидера Рабочей партии Джона Смита и выборов Блэра на пост лидера партии в 1994 г. базовый комплекс текстов за подписью Блэра содержал сквозной тезис о борьбе не за устаревшие классовые потребности, а за социальные ценности в индивидуалистическом сообществе взаимозависимых субъектов²⁰, оформленные в виде тех же issues. Пересмотр социализма шел в рамках одного из первых лейбористских постмодерных риторических нарративов, задействовавших не только комплекс текстов (речей, статей, листовок внутрипартийных выборов и др.), но и создание новых СМИ, в частности журнала «Обновление» («Renewal»). Третий этап завершился скатывание Рабочей партии к центру политического спектра: кульминацией стала реализованная в 1994 г. инициатива Тони Блэра переписать Статью 4 партийного устава лейбористов, утверждавшая приверженность партии борьбе за общественную собственность на средства производства и перераспределение общественных благ²¹. Как заметил идеолог «нового лейборизма» и (позже) министр правительства Блэра Питер Мэндельсон, «такое переизобретение себя могло означать только одно — сдвигжку вправо по политической шкале»²². Политолог Ник ДеЛюка призывает не недооценивать этот шаг Блэра:

¹⁷ Tony Blair In His Own Words / Ed. by Richards P. London: Politico's, 2004. Pp. 40–69.

¹⁸ Lees-Marshment, J. Op. cit. P. 170.

¹⁹ Ibid. P.10.

²⁰ Tony Blair In His Own Words. Op. cit. Pp. 77–80.

²¹ Michie, D. The Invisible Persuaders. London: Bantam, 1998. P.291. Статья 4 партийного устава Рабочей партии, в частности, гласила: «Одной из целей партии является гарантировать рабочим собственность на плоды их физического и морального труда и справедливое распределение этих плодов, что возможно на основе общей собственности на средства производства, распространения и обмена, а также наилучшую из возможных систем народного контроля промышленности и сферы услуг».

²² Mandelson, P. The Blair Revolution Revisited. London: Faber, 2002. P. 2.

¹⁵ Street, J. Op. cit. P. 195.

¹⁶ См. таблицу в: Lees-Marshment, J. Op. cit. P. 153.

«Одним махом Блэр убил социализм. Как только ты отказываешься от перераспределения благ, ты становишься центристом»²³. Дэвид Мичи отмечает, что Блэр отменой Статьи 4 окончательно «выбил почву из-под ног профсоюзов»²⁴, которые традиционно являлись основной платформой лейбористов. Наряду с закрытием в конце 1980-х годов официального еженедельника лейбористов «Labour Weekly»²⁵ это стало самым заметным шагом к резкой деконцептуализации деятельности партии. Последним ключевым этапом стало формирование в 1994–1996 годах на уже подготовленной почве идеологема «нового лейборизма».

Результатом десятилетия модернизации стал перелом в восприятии лейбористов общественным мнением: верхушка партии стала восприниматься как сплоченная, работающая на благо всех классов²⁶ и единственно способная перевернуть работу правительства (78% опрошенных) «сильная команда молодых лидеров» (57%)²⁷. В то же время партия тори под руководством Мейджора терпела на этом фронте сокрушительное фиаско. В новом веке тори также перешли к новой коммуникативной политике, чем вызвали град критики²⁸; этот переход, однако, не сопровождался резкими внутривнутрипартийными переменами. Консервативная партия Британии начала процессы модернизации только в 2003 г., после проигрыша всеобщих выборов 1997 и 2001 годов. На фоне разгорающегося «иракского кризиса доверия» и усталости общества от ситуации спина²⁹ в прессе зазвучали призывы к тори «переизобрести себя»³⁰; экс-советник Гордона Брауна Чарли Уилан утверждал, что консерваторы не имеют шанса выиграть выборы, если продолжат играть по своим правилам³¹. Двумя значимыми призна-

ками «выхолащивания» партии стали ее переименование в «New Tories» («Новых тори») и найм на пост имиджмейкера партии знаменитого экс-советника Тэтчер Тима Белла, вернувшегося в XXI веке на пост главы не менее знаменитой PR-компании «Саатчи и Саатчи»³². Таким образом, сегодня в случае британских партий уместно говорить уже не о комплексе предвыборных технологий и даже не о предвыборной стратегии, но о бесклассовой предвыборной идеологии (описании идей), заместившей традиционную классовую идеологию.

Стирание различий между консерваторами и лейбористами произошло и с другой точки зрения: партии, по мнению таких ученых, как Рамзей или Озлер, стали много более походить друг на друга, т. к. они обе стали «партиями бизнеса» в силу сращения с бизнес-кругами Британии и США³³. Озлер называет партией бизнеса «новых лейбористов»; в 1996 г. «партией предпринимательства» (party of enterprise) повсеместно назывались тори³⁴, опередившие лейбористов в этом вопросе в силу присутствия во власти с 1970-х годов.

С точки зрения роста медиакратических тенденций важно то, что частью теоретического поля политического маркетинга в британской политологии стало появление концепта медиаполитики («media politics»), который определяется как «модернизированный метод ведения политики, в которой индивидуальные политики пытаются получить должности (в предвыборных кампаниях) и создавать политические решения (policies) во время пребывания в должности путем коммуникации, достигающей граждан через СМИ»³⁵. Термин «media politics», по нашему мнению, вырос из термина «mediated politics» — «опосредованная политика/политика через посредника»³⁶. Аналитик политической

²³ Цит. по: *Michie, D. Op. cit.* P. 292.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Соколов В. С., Виноградова С. М. Периодическая печать Великобритании.* СПб.: СПбГУ, 2000. С. 98.

²⁶ См. таблицы в: *Lees-Marshment, J. Op. cit.* P. 84–200.

²⁷ *Ibid.* P. 191.

²⁸ См., например: *Rawnsley, A. It's the Tories who are addicted to spin // The Observer.* 14 July 2002. Available at: <http://www.guardian.co.uk/Columnists/Column/0,,755045,00.html>.

²⁹ См.: *Бодрунова С. С. Ранние этапы истории британского политического спина // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции 20–21 апреля 2005 г.* СПб.: СПбГУ, 2005. С. 301–303.

³⁰ *Tory Party needs to reinvent itself. An Editorial // PRWeek.* 31 October 2003. P. 8.

³¹ *Whelan, C. Tories won't be elected if they play by their rules // PRWeek.* 28 February 2003. P. 8.

³² *Hall, I. Tories look for Saatchi and Bell for salvation // PRWeek.* 25 April 2003. P. 1.

³³ Подробнее см.: *Osler, D. Labour Party plc: New Labour as a Party of Business.* Edinburgh: Mainstream, 2002.

³⁴ См.: *Williams, J. Politics (a regular column) // New Statesman & Society.* 3 May 1996. №9 (401). P. 9.

³⁵ *Esser, F. Media Politics and Media Self-coverage in the British Press. International Communications Association, 2003 Annual Meeting, San Diego, CA. Conference Papers.* P. 3. Подробнее о теории «медиаполитики» см: *Zaller, J. A Theory of Media Politics. How the Interests of Politicians, Journalists and the Citizens shape the News.* Chicago: University of Chicago Press, 2000. Manuscript available at <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/zaller/media%20politics%20book%20.pdf>.

³⁶ См.: *Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy / Ed. by Bennett, W.L., Entman, R. M.*

коммуникации США Дорис Грабер отмечает, что в новых условиях политика и новостные СМИ «неразрывно переплетены», что приводит к переосмыслению понятия политической власти, которая «рассматривается как коммуникативный конструкт, который следует подвергать мониторингу и поддерживать», а претенденты на власть «должны играть по нарождающимся правилам медиаполитики»³⁷. Британец Ричард Роуз на местном материале создал теорию медиаполитического комплекса: этот комплекс, по мнению Роуза, оперирует смысловыми фреймами, которые задаются в совместной работе журналистов и Даунинг-стрит³⁸. Но наиболее подробно исследовал социальные аспекты медиаполитики Питер Оборн: в книге о Кэмпбелле и истории «нового лейборизма» он вводит понятие медиакласса как основы нового медиакратического режима и замены традиционной классово-элиты. Оборн связывает появление и становление британского медиакласса именно с трансформацией Рабочей партии³⁹.

Первой реакцией на медиатизацию политического поля стала, конечно, трансформация электоральной активности партий. Ее многообразные проявления требуют отдельного исследования⁴⁰. Но важно понимать, что и сами институты власти претерпели существенные изменения в самой своей сути. В рамках медиатизации политики прослеживается тревожная тенденция сдвига политического поля Британии в сторону «президентского парламентаризма» по образцу США. Некоторыми теоретиками это явление осмыслено как американизация⁴¹ или даже «клинтонизация»⁴² британского политического процесса. Она проявилась в работе двух основных институтов британской политики — парламента и правительства: в падении роли парламента в формировании повестки дня

и принятии политических решений (т. е. перераспределении властных полномочий в пользу правительства) и в частичной реорганизации коммуникации Даунинг-стрит по образцу с Капитолия. Общественная дискуссия в Британии поставила вопрос о том, не движется ли страна в направлении президентского правления, не становится ли она «намного более похожей на президентскую, чем раньше»⁴³ (хотя, как утверждают Т. Каванах и Э. Селдон, «каждый сильный премьер-министр, начиная с Гладстона, выслушивал обвинения в том, что его стиль правления является «диктаторским» или «президентским»⁴⁴). Анализ «риторики президентализации»⁴⁵ привел британских ученых к выводу о том, что сегодня в Британии сложилась во многом беспрецедентная «особая конфигурация политики начала-середины 1990-х»⁴⁶, приведшая к коренным переменам в журналистике и расцвету спин-культуры.

Медиатизация британского правительственного аппарата в исследуемый период проходила по двум главным направлениям. Это: 1) рост информационного аппарата правительства и 2) возвышение пресс-секретарей в близком окружении министров Кабинета и особенно в ближайшем окружении премьер-министра. Обе тенденции достигли своего апогея в правление Тони Блэра. Как пишет Маргарет Скэммелл, в конце XX века треть особых советников, имеющих партийную принадлежность и нанятых Даунинг-стрит, 10, занималась только презентацией и контактами со СМИ. Эта же тенденция проявилась в работе ключевых министерств: так, в Казначействе, Департаменте образования и Кабинет-Офисе количество информационных работников выросло в 1997–1999 годах на столько же в процентном отношении, на сколько оно выросло за 1979–1996 годы⁴⁷. Сердцем правительственных коммуникаций Британии стали

Cambridge: University Press, 2000, особенно главы: Blumler, J. G., Gurevitch, M. Americanization Reconsidered: UK-US Campaign Communication Comparisons across Time.

³⁷ Graber, D. Mass Media and American Politics / 6th edition. Washington, DC: CQ Press, 2002. P. 266.

³⁸ Rose, R. The Paradox of Power: The Prime Minister in a Shrinking World. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 101.

³⁹ См.: Osborne, P. Alistair Campbell. New Labour and the Rise of the Media Class. London: Aurum Press, 1999.

⁴⁰ См.: Бодрунова С. С. Современные коммуникативные стратегии британского политического истеблишмента. Автореферат диссертационного исследования на соискание степени кандидата политических наук. СПб., 2007.

⁴¹ Street, J. Op. cit. P. 193; см. также книги Н. Джоунза, Б. МакНейра, Р. Негрина.

⁴² Michie, D. Op. cit. P. 292.

⁴³ Keane, J. The Media and Democracy. Cambridge: Polity, 1991. P. 238; см. также: Pryce, S. Presidentialising the Premiership. London: Macmillan, 1997; Presidents and Prime Ministers / Ed. by Rose R., Suleiman E. New York: American Enterprise Institute, 1980.

⁴⁴ Kavanagh, D., Seldon, A. The Powers Behind the Prime Minister: The Hidden Influence of Number Ten. London: HarperCollins, 2001. P. 202.

⁴⁵ См., например: Foley, M. Presidential Attribution as an Agency of Prime Ministerial Critique in a Parliamentary Democracy: The Case of Tony Blair // British Journal of Politics & International Relations. 2004. Vol. 6, Issue 3. Abstract.

⁴⁶ Moloney, K. Rethinking Public Relations. The Spin and The Substance. London: Routledge, 2000. P. 108.

⁴⁷ Scammell, M. The Media and Media Management // The Blair Effect / Ed. by Seldon A. London: Little Brown, 2001. P. 520.

во второй половине XX века отношения между премьер-министром и его личным советником по прессе/пресс-секретарем/официальным представителем (spokesman)⁴⁸.

Симптомами тривиализации британского ТВ стали сокращение международного вещания и вещания по текущим вопросам (current affairs), уменьшение количества документальных фильмов и передач, резкий рост объема реалити-шоу, который пришелся на самое начало XXI века, и растущая тенденция *сохранения в тайне источника информации*, чему способствовали решения нескольких судов по вопросам прессы в 1980-х годах. Те же тенденции проявились и в прессе. МакНейр описывает, как в 1980–90-е в Британии шла общественная дискуссия о «тривиализации, инфотейнменте и отупении» СМИ⁴⁹; Б. Франклин назвал новый тип медиапродукта британских СМИ «ньюсзаком»⁵⁰ — в соответствии с подходом Лазарсфельда-Мертон к продукту СМИ как «социальному наркотику»⁵¹ и по аналогии с лекарством от депрессии Prozac.

На наш взгляд, британский опыт развития

журналистики (прежде всего журналистики политической) в медиатизированном политическом пространстве отразил главные тенденции медиатизации британской политики. Это рост 1) правительственной коммуникации, 2) связанный с ростом медийного влияния правительства упадок парламента, 3) медиатизация электорального процесса. И если медиамаркетинг привел к количественному упадку политического репортажа, то медиатизация политики — к упадку качественному.

Диверсификация информационно-коммуникационных стратегий во многом изменило и стратегии политического маркетинга, потенциал воздействия на электоральный потенциал, путем упрощения и стереотипизации запросов населения при активном использовании поливариантных стратегий СМИ и ресурсов современной журналистики.

⁴⁸ Бодрунова С. С. Пресс-секретари британских премьер-министров и кризис демократических институтов Британии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2007. Вып. 2, ч. 1. С. 128–134.

⁴⁹ McNair, B. News and Journalism in the UK, pp. 46–52.

⁵⁰ Подробнее см.: Franklin, B. News and Newzak. London: Edward Arnold, 1998.

⁵¹ См.: Lazarsfeld, P. F., Merton, R. K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communications. A Book of Readings / 2nd ed. Ed. by Schramm, W. Urbana: University of Illinois Press, 1960.

ИЛЬИН И. В., УРСУЛ А. Д.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛИСТИКЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одной из причин бурного развития глобалистики является то, что глобальные феномены современности показали сильную зависимость судьбы нашей цивилизации от дальнейшего развертывания глобальных процессов. Именно осознание опасностей со стороны глобальных проблем, как отмечает А. Н. Чумаков, особенно после первых докладов Римского клуба, вызвали к жизни употребление термина «глобалистика»¹. Проблема безопасности, на наш взгляд, явно недооценена в науке и требует гораздо большего внимания, чем это сейчас имеет место. Это же замечание можно отнести и к развитию глобалистики, что практически мало исследований проблемы безопасности в глобальном ракурсе. Особенно это замечание важно для эволюционной глобалистики², концептуальное развертывание которой органически включает в себя исследование проблемы безопасности, на что далее будет обращено внимание.

Умножение вызовов, угроз и опасностей в ходе развертывания глобальных процессов означает, что обеспечение национальной и глобальной безопасности во всех их формах и видах оказывается одной из главных общечеловеческих целей, ценностей и проблем XXI века, обеспечивающих сохранение и дальнейшее развитие цивилизации. В «Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию» особое внимание

обращается на глобальные негативные тенденции и опасности, грозящие как нынешним, так и будущим поколениям. «Мы подтверждаем, — говорится в Декларации, — наше обязательство уделять особое и первоочередное внимание борьбе с такими мировыми условиями, которые создают серьезную угрозу устойчивому развитию наших народов и в число которых входят хронический голод; недоедание; иностранная оккупация; вооруженные конфликты; проблемы, связанные с незаконными наркотиками; организованная преступность; коррупция; стихийные бедствия; незаконный оборот оружия; торговля людьми; терроризм; нетерпимость и подстрекательство к расовой, этнической, религиозной и другой ненависти; ксенофобия, а также эндемичные, заразные и хронические болезни, включая ВИЧ/СПИД, малярию и туберкулез»³. Все эти опасности и угрозы, представляющиеся странам-членам ООН наиболее важными в условиях глобализации, свидетельствуют о необходимости развертывания глобальных процессов не так, как было до сих пор, т. е. стихийно, а через управляемый (как наиболее перспективный) глобальный процесс, обеспечивающий выживание цивилизации.

В последнее время особое внимание обществу акцентируется на экологической опасности как факторе, угрожающем жизненно важным интересам личности, обществу, государству, мировому сообществу в целом

¹ См.: Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 8.

² См.: Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). — М.: МГУ, 2009.

³ Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию // Россия на пути к устойчивому развитию. 2003. № 22. С. 4–5.

и окружающей природной среде в результате антропогенных и природных воздействий на нее. Экологически опасные ситуации характеризуются наличием или возможностью разрушения либо негативного изменения состояния окружающей природной среды под влиянием антропогенных и стихийных природных воздействий на нее, в том числе обусловленных бедствиями и катастрофами, и в связи с этим угрожающих человеку и обществу, всей цивилизации⁴.

Развертывание глобальных процессов обостряет противоречия социальной и социоприродной динамики, которые для своего разрешения требуют кардинального изменения традиционных форм и способов жизнедеятельности людей и их взаимодействия с природой. Сейчас стало понятно, что путь развития человечества, включая смену общественно-экономических формаций путем революционных изменений, вряд ли можно оценивать однозначно только как прогресс. Традиционное понимание прогресса уходит в прошлое вместе с современной моделью развития цивилизации, что позволяет говорить о кризисе идеи прогресса. Более того, утверждается мнение, что революции и шоковые реформы менее приемлемы как субъективно, так и объективно для социального развития, чем более медленные, постепенные изменения (эволюция в узком смысле слова).

Некоторые из тенденций глобализации и почти каждая из уже известных и исследованных глобальных проблем несут угрозу гибели человечества либо сами по себе, либо через всю взаимосвязанную систему этих проблем и других общепланетарных процессов. Вот почему предотвращение или снижение влияния негативных глобальных процессов, опасностей и угроз глобальных катастроф, выживание человечества мыслится как первостепенная общечеловеческая потребность, осознание которой составляет ядро глобального (в перспективе — ноосферного) мышления.

При исследовании процессов глобализации внимание акцентируется в основном на ее позитивных эффектах, прежде всего, на том, что завершение этого процесса приведет к обретению единства и целостности человечества.

На наш взгляд, кроме глобальных проблем существуют глобальные (общепланетарные)

процессы в совокупной социальной деятельности и в природе, которые не оказываются ни глобализацией, ни глобальными проблемами, но имеют в основном негативное содержание. У многих негативных (деструктивных) тенденций и процессов социального либо социоприродного характера и глобального масштаба общее с глобализацией то, что они расширяют свою пространственную сферу по планете, но отнюдь не направлены на обретение целостности и планетарной общности человечества. Более того, они всем своим существованием и действиями разрушают это еще не установившееся социальное единство цивилизации и уменьшают шансы на ее выживание. Негативные глобальные процессы также участвуют в глобальном развитии, но со знаком «минус», т. е. они являются регрессивными процессами развития. Поэтому важно их существенно уменьшить, увеличивая в ходе планетарного управления позитивы глобального развития, на что и нацелена концепция и стратегия устойчивого развития⁵.

Проблема управления и управляемости, по мнению А. Б. Вебера, является центральной в современной глобалистике⁶. Причем речь идет о совершенно новом типе управления, которого не существовало в истории цивилизации и которое может именоваться глобальным, или планетарным управлением. Современная цивилизация, которая должна решать глобальные проблемы и устранять негативы глобализации и других глобальных процессов, к сожалению, не имеет эффективных управленческих форм выполнения решений и соответствующих механизмов политического регулирования. До сих пор эти решения выполняются в основном национальными государствами либо международными и всемирными организациями с их разрешения,

Пока властные полномочия и соответствующие организационно-институциональные механизмы в основном «закреплены» за национальными государствами, а наднациональные институты, структуры и организации еще не обладают соответствующими властными полномочиями (хотя новые транснациональные формы политической организации уже захватывают некоторую часть властных отношений, конкурируя с

⁴ См.: Урсул А. Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск. 11.3 Ноябрь 2008. С. 3–136.

⁵ См.: Урсул А. Д., Урсул Т. А., Энгель А. А., Тупало В. Г. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М., 2008; Лось В. А., Урсул А. Д., Демидов Ф. Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. М., РАГС, 2008.

⁶ См.: Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 10.

государственными структурами). В этом заключается одно из основных противоречий современного глобального развития, которое носит в основном политический характер и без появления которого невозможно разрешить другие глобальные противоречия цивилизационного развития. Поиск выхода из этого глобально-национального политического противоречия и создания глобальной политической системы пока происходит на теоретическом уровне, и уже видны некоторые перспективы в этом — глобально-политическом направлении.

Важно подчеркнуть кардинальное отличие будущего глобального управления от политического управления в конкретном государстве. Если в последнем имеется в виду управление, в конечном счете, на определенной территории, то при глобальном управлении речь также идет об управлении на территории всей планеты. Прежде всего, имеется в виду управление тем или иным глобальным процессом, которое (имея в виду государства) носит трансграничный характер. Властные полномочия при таком глобальном управлении «переносятся» с конкретной территории на специально создаваемую глобальную структуру (организацию) и определенный глобальный процесс. Кроме того, важно обратить внимание на то, что глобальное управление должно будет акцентировать внимание не только на процессах глобального развития, но в не меньшей, а, может быть, в большей степени на процессах обеспечения глобальной безопасности. Это вызвано тем, что негативные эффекты и последствия нарастают быстрее, чем позитивные результаты глобальной деятельности и тем самым эта деятельность в целом обретает кризисно-катастрофический характер. Поэтому цивилизация будет адекватно реагировать на глобальные вызовы, противостоять им либо адаптироваться к ним, если научится эффективно управлять своим переходом к планетарному устойчивому развитию.

Вопрос о том, надо ли вмешиваться в эти стихийные процессы развития, является дискуссионным, по крайней мере, для тех, кто абсолютизирует эту стихийность, полагая, что кризисы и даже катастрофы несут позитивный эффект, способствуют обновлению. Но это не совсем так особенно, если речь идет о глобальных кризисах, перерастающих в катастрофу с трагическим исходом для человечества. В каких-то отдельных случаях, например, в экономической сфере, кризисные явления помогают избавиться

от неэффективных хозяйствующих субъектов. Здесь мы обратили внимание на тот теоретический экстремизм, который нередко наблюдается в дискуссиях на научных форумах по вопросам, связанным с отношением к кризисным и негативным явлениям. Этот вопрос важен для формирования эволюционной глобалистики. Такое направление глобалистики должно выражать отношение к тем или иным глобальным процессам, этапам их развертывания, и искать пути и способы преодоления негативных явлений и последствий для выживания человечества и его прогрессивного развития.

Глобализация (фактически все ее направления) объективно направлена на становление социального и социоприродного единства и целостности человечества. При этом предполагается, что сопутствующие негативные последствия глобализации в принципе можно уменьшить или даже элиминировать. В этом случае глобализация, все ее виды и тенденции оказываются позитивным фактором эволюции цивилизации и необходимы для дальнейшего выживания, самосохранения и существования будущего единого человечества. Что касается глобальных процессов, целиком и полностью негативно влияющих на человечество и сопровождающих процессы глобализации и так или иначе с нею связанных, то их необходимо если не устранить (в полной мере это далеко не всегда удастся), то свести к тому минимуму, который обеспечивает глобальную безопасность в процессе перехода к устойчивому развитию.

Негативный характер для человека носит и ряд природных процессов, например, извержения вулканов, лесные пожары и т. д. Особое значение имеют в настоящее время глобальные климатические изменения. В Климатической доктрине Российской Федерации отмечается, что ожидаемые изменения климата являются причиной угроз безопасности нашей страны. Национальные интересы, связанные с изменениями климата, не ограничиваются ее территорией и носят глобальный характер. Это обусловлено как глобальным характером изменений климата, так и необходимостью учитывать в международных отношениях многообразие воздействий на климат и последствий изменений климата в различных регионах Земли. Стратегической целью политики Российской Федерации в области климата является обеспечение безопасного и устойчивого развития страны, включая институциональный, экономический, экологический

и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз.

Весьма опасными является и ряд естественных космических воздействий (падение на Землю астероидов, комет и т.д.). Впервые на опасность космических катастроф в конструктивном плане обратил внимание основоположник теоретической космонавтики К.Э. Циолковский, предложивший ракетные средства выхода за пределы планеты и освоения Вселенной для существования человечества. Однако сейчас стало понятным, что до широкого освоения космоса человечеством, которое возможно в III тысячелетии, необходимо сохранить биосферу Земли от возможного падения астероидов и комет. Так, падение небесного тела, диаметр которого превышает или равен 2 км, способно вызвать катастрофу глобального масштаба, при падении тела диаметром 0,5–2 км — региональную катастрофу, а до 0,5 км — локальные повреждения поверхности Земли типа Тунгусской (1908), Сихотэ-Алиньской (1947) катастроф. Только астероидов, могущих вызвать упомянутые катастрофы, потенциально пролетающих вблизи Земли, несколько тысяч. Уничтожение их в случае угрозы человечеству и биосфере возможно только с помощью ракет с ядерным зарядом на высотах в несколько тысяч километров. В литературе рассматриваются и другие действия по обеспечению безопасности Земли — увод астероидов с помощью двигателей малой либо большой тяги, изменение орбиты астероида и т.д. Противоастероидная безопасность представляется сейчас в качестве приоритетной составляющей геокосмической безопасности.

Если существуют глобальные процессы чисто негативного плана, то, очевидно, есть и такие планетарные явления, прежде всего природные, которые не влияют отрицательно на жизнедеятельность человечества на планете. И это, прежде всего, те физические, химические, геологические, биологические и другие природные процессы, к которым цивилизация адаптировалась, и они составляют планетарно-биосферные условия, на фоне которых разворачивается глобальный цивилизационный процесс. Многие природные и другие процессы, в общем-то, и не представлялись ранее в качестве глобальных феноменов, поскольку в этом ракурсе они не осознавались. Ведь глобализм как способ видения мира, представляющий мир как единое целое,

а человечество как взаимосвязанное мировое сообщество, появился совсем недавно по историческим масштабам времени. Но поскольку в эволюционной глобалистике происходит синтез глобализма и эволюционизма, то важно расширить «номенклатуру» глобальных процессов, при этом выявив их роль в дальнейшей жизнедеятельности человечества. Процессы, нейтрально «относящиеся» к глобализации, войдут в ансамбль общепланетарных процессов в качестве автономных направлений глобального развития, процессов окружающей среды. Другие же процессы, так или иначе связанные с глобализацией, но не ориентированные на становление целостности всего человечества, могут рассматриваться как процессы планетарного масштаба, отличные от глобализации. Это, конечно, лишь предварительные соображения, если мы глобалистику будем рассматривать не просто как изучение процессов глобализации, а как междисциплинарную область исследования всех существующих глобальных процессов, а теперь уже и как процессов глобального развития.

Если переход к устойчивому развитию оканчивается решением глобальных проблем, то и поворот глобализации на цели этого развития также будет способствовать выживанию цивилизации и сохранению биосферы. Основная идея поворота глобализации и других наиболее мобильных глобальных процессов на путь УР заключается в том, чтобы с помощью управления существенно уменьшить их негативные эффекты и усилить позитивные последствия. Символически это может быть выражено коэффициентом устойчивости глобального развития (Гур), который можно мыслить как отношение позитивов (П) определенного типа глобального развития (например, глобализации) к их негативам (Н): $Гур = П/Н$. Поскольку в настоящее время мир продолжает стремиться к антропоэкологической катастрофе, то очевидно, что П/Н меньше единицы, а умножение глобальных отрицательных эффектов, угроз и катаклизмов делает глобализацию и ряд других глобальных процессов не просто тревожной тенденцией, но и весьма опасными в модели современного — неустойчивого развития (НУР).

Появление качественно новых глобальных опасностей и особенно террористической угрозы свидетельствует о том, что обеспечение безопасности глобального развития в нынешней модели цивилизационного развития основано на устаревших принципах и фактически не эффективно.

Обеспечение глобальной безопасности как безопасности мирового сообщества, реализующейся в условиях коэволюции систем «человек–общество» и «человек–общество–природа», не должно строиться на изоляции от проблемы развития (социально-экономического, политического и т. д.) и базироваться лишь на защите от глобальных угроз и других негативных воздействий. В условиях развертывания глобальных процессов и становления открытого общества это в принципе невозможно.

Новая концепция выживания и обеспечения глобальной безопасности должна соединять в одно целое новый, потенциально планетарный тип развития и обеспечение безопасности мирового сообщества, т.е. обеспечивать безопасность любых позитивных глобальных процессов через переход к устойчивому развитию. Заметим, что в биосфере почти 99% мощности биоты расходуется на важнейшую функцию стабилизации и регуляции окружающей среды. Можно предполагать, что и в обществе львиная доля усилий тратится на обеспечение безопасности, хотя никто пока это не оценивал, поскольку обеспечение безопасности рассматривалось в основном с защитно-силовой точки зрения. Средства (затраты) на любые процессы сохранения объекта необходимо относить к обеспечению безопасности, а на его прогрессивное развитие приходятся остающиеся в данный момент времени средства. А поскольку между развитием (Р) и обеспечением безопасности (Без) существует константное отношение ($P + \text{Без} = \text{const}$) хотя бы в силу закона сохранения энергии, то усилия (средства), потраченные на безопасность, вычитаются из общей суммы энергии, средств, усилий и т. д., которые могли бы использоваться для прогрессивного развития. Поэтому важно так соединить развитие (прогрессивное) и безопасность, чтобы они как можно меньше противоречили друг другу, т.е. создавали бы социальную и социоприродную среду, где обеспечение безопасности реализовывалось бы через устойчивое развитие, при осуществлении которого соблюдается оптимальная мера между развитием и безопасностью.

Стратегия устойчивого развития должна воплотить и развернуть принцип справедливости в самых ее различных аспектах — экономическом, социальном, политическом, экологическом и т. д.⁷ Можно сказать, что новый тип развития

цивилизации — это глобально-справедливое, а значит, и гораздо более безопасное во всех смыслах развитие, обеспечивающее выживание и длительное развитие мирового сообщества. При реализации такого типа развития снижается и даже элиминируется база неустойчиво-опасного развития, чреватого негативными последствиями, например, террористическими актами и другими экстремистскими формами противодействия принципам социального бытия. Для того, чтобы реализовался новый планетарно-политический курс развития в необходимом «созвучии» с экономическими трансформациями, эти последние, по мнению американского исследователя Г. Т. Мартина, должны быть заменены экономическими механизмами, которые уходили бы от атомистической конкуренции в рамках слепых рыночных сил, от форм экономических конфликтов, войн и шантажа. Эти механизмы должны обеспечить появление устойчивых форм экономического взаимодействия, которые не уменьшают благосостояния или ресурсов, доступных будущим поколениям, и дают возможность долгосрочного планирования и предвидения для обеспечения жизнеспособного будущего всему человечеству⁸.

Речь у него также идет о формировании так называемой «глобальной справедливости», которая, на наш взгляд, может в той или иной форме реализоваться на определенном этапе планетарного перехода к устойчивому развитию. Реализация глобальной справедливости должна будет представлять собой политический процесс согласования интересов и разрешения противоречий без применения насилия и в той или иной форме может характеризовать процесс перехода к устойчивому развитию, в отличие от исторически сложившейся несправедливости в модели НУР, где превалируют силовые решения этого разрешения. Здесь на приоритетное место выступают политическая глобалистика и глобальная политическая деятельность как основная форма согласования интересов индивидов (и их представлений о глобальной справедливости) и политических институтов государственного и международного масштабов для решения глобальных проблем и оптимизации глобальных процессов в интересах перехода к устойчивому развитию. В отличие от представлений о целях политической деятельности в модели НУР, политическая

⁷ См.: Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 53–55.

⁸ См.: Мартин Г. Т. Всемирное правительство // Глобалистика. Энциклопедия. / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 142–143.

глобалистика, ориентирующаяся на цели устойчивого развития, рассматривает не только отдельного человека и их группы (социумы), но и все человечество в целом как целостный субъект глобальной деятельности. Деятельности, которая преследует цель выживания не только отдельного индивида, но и всего человечества в условиях сохраняющейся окружающей среды.

Гармонизация социальных и социоприродных взаимодействий, переход к консенсусно-коэволюционным отношениям означает не только реализацию принципа справедливости в его глобальном измерении, но и распространение его на нынешнее и на будущие поколения людей, а также в известной степени и на их взаимоотношения с природой, в особенности с живыми системами. Все это предполагает создание равных возможностей и условий для удовлетворения жизненно важных потребностей и рационально (ноосферно) ориентированных интересов и целей ныне живущих и будущих поколений. Наряду с социально-темпоральным глобальным расширением принципа справедливости речь в будущем также должна идти об обеспечении «интересов» природы, а точнее — о сохранении биосферы и других природных объектов, о возможности дальнейшей их эволюции по естественным законам, отказе от стратегии покорения природы. Реализация таким образом глобально-темпорального расширения принципа «социоприродной» справедливости (и в известной степени — глобальной безопасности) позволяет в совокупности с консенсусно-консолидирующими механизмами перейти на новые принципы и основания обеспечения глобальной безопасности, соответствующие будущей форме цивилизационного развития 3-го тысячелетия.

Будущий процесс планетарного устойчивого развития было бы неправильно сводить лишь к обеспечению глобальной и иных видов безопасности, хотя это одна из главных целей нового типа цивилизационного развития. Не менее важная цель — обеспечить сам процесс поступательного УР мирового сообщества. Однако подобное разделение на две относительно автономные части (обеспечение поступательного прогрессивного развития мирового сообщества и обеспечение глобальной безопасности) будет сохраняться в основном для переходного периода, который можно назвать в какой-то степени предустойчивым развитием, пока не сформируется планетарная ноосфера в своем достаточно

зрелом виде. В процессе такого перехода будет все больше возрастать созидательно-творческая составляющая и станет снижаться часть, связанная с парированием, защитой и предотвращением отрицательных последствий, угроз, опасностей. В конце концов, логика формирования глобальной системы «общество-природа» через переход к устойчивому развитию приведет к тому, что большая часть (а в идеале и всех) отрицательных изменений будет предотвращаться, т. е. безопасность сможет обеспечиваться через УР, а в перспективе — через ноосферогенез как зрелую форму УР с ярко выраженным приоритетом информационно-духовной составляющей.

Изложенные здесь соображения уже начинают использоваться в прогностико-стратегических документах и нормативно-правовых актах в нашей стране. В принятой 12 мая 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁹ широко используется понятие устойчивого развития как способа обеспечения национальной безопасности РФ. На заседании Совета Безопасности РФ 24 марта 2009 г. отмечалось, что Совет исходит из того, что за последнее десятилетие органами государственной власти решены масштабные задачи в области устойчивого развития России и обеспечения национальной безопасности. Это означает, что принятая в 1996 г. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию не устремлена в некое неопределенное будущее, как считают некоторые ученые, а уже реализуется в той или иной степени нашей страной. Россия тем самым осуществляет рекомендацию ООН о начале перехода к УР в период 2005–2014 гг. Но трактовка УР в этой Стратегии существенно отличается от экологического видения в упомянутой выше Концепции. В Стратегии национальной безопасности, которая исходит из принципа обеспечения национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития, подчеркивается, что между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Это вызвало рост уязвимости всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз. Причем ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции.

⁹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. 19 мая.

В основу Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года положен фундаментальный методологический принцип взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства (и общества) и обеспечения национальной безопасности. Такой подход сближает переход к устойчивому развитию и поиск путей реализации позитивных и преодоления негативных для человечества и биосферы последствий глобальных процессов. Имея в виду геополитическое прогнозирование, нельзя упускать из виду общемировой сценарий, который связан с переходом к устойчивому развитию и рекомендован ООН в качестве желаемого развития цивилизации. В свете этого нормативного «устойчивого» сценария геополитическое будущее мирового сообщества может существенно трансформироваться. Ведь государство, избравшее переход к устойчивому будущему, будет и далее обеспечивать как свое социально-экономическое развитие, так и национальную безопасность. И указанные приоритеты не исчезают с переходом к устойчивому развитию, на что обращено внимание в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года¹⁰. Но долго проводить традиционную геополитическую парадигму без ориентации на новые глобальные цели со временем станет невозможным, поскольку неустойчивое развитие, игнорирующее приоритеты планетарного перехода к устойчивому развитию, будет вести к общемировой катастрофе. Поэтому все страны, избравшие новую цивилизационную стратегию (а это фактически все члены ООН), вынуждены менять свои традиционные приоритеты и брать геополитический курс на переход к устойчивому развитию, т. е. каждое государство так или иначе должно учитывать глобальные приоритеты и цели, иначе цивилизация не сможет сохраниться. Геополитика, ориентирующаяся на цели устойчивого развития, перестает быть делом отдельных государств и постепенно становится глобальным процессом, т. е. и в этом случае также можно использовать термин «глобальная геополитика»¹¹.

С наступлением эпохи глобализации развертывание геополитических процессов должно претерпеть кардинальные трансформации. Эти

процессы имели до недавнего времени экстенсивную направленность — захват чужих территорий по традиционному силовому геополитическому сценарию, который пока превалирует в процессе глобализации по евро-атлантическому подходу. Однако этот захват уже фактически завершился, а «геополитическая инерция» заставляет ряд стран продолжать экстенсивно-силовую геополитику. Переход к устойчивому развитию диктует новое развертывание геополитических процессов, переход от экстенсивно-силового к экономическому и другим — интенсивно-коэволюционным формам цивилизационного геополитического процесса¹². Реальное существование и развитие государств в модели неустойчивого развития не позволяют им уйти от экспансионистской геополитической стратегии, что особенно очевидно на примере США, создавших однополярный мировой порядок. Переход к многополярному миру совместимого с целями УР, справедливого для всех стран планеты — это общее дело всего человечества. Этот процесс должен идти через формирование многополярного консенсусного мирового устройства¹³. При этом в новой — глобальной геополитической парадигме проблемы безопасности и устойчивого (прежде всего социально-экономического) развития должны интегрироваться в единую концептуально-мировоззренческую систему. Ведь в новой модели безопасность будет обеспечиваться через устойчивое развитие, его приоритеты, а устойчивое развитие страны органически включит в себя обеспечение национальной безопасности. Это не будут два самостоятельных, отделенных друг от друга вида деятельности: основная — социально-экономическое развитие и дополнительная — обеспечение безопасности, как это сейчас имеет место в модели неустойчивого развития. Вопросы безопасности в современной модели существования человечества, все больше становятся основной деятельностью, оттесняя проблему развития на периферию. В модели устойчивого развития безопасность будет обеспечиваться главным образом не через защиту, а преимущественно через развитие, причем это будет самоподдерживающееся сбалансированное развитие, которое не станет

¹⁰ См. Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности в ракурсе устойчивого развития // Национальная безопасность / Nota bene. 2010. № 3.

¹¹ См.: Глобальная геополитика / Под редакцией И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М.: МГУ, 2010.

¹² См.: Бабурин С. Н., Урсул А. Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2010. С. 426–451.

¹³ См.: Дробот Г. А. Современный мировой порядок и его перспективы в трудах российских ученых // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.

порождать (а тем более существенно умножать) опасности, угрозы, негативные последствия и т. п. В новой модели реализуются иные принципы и самого развития, и обеспечения безопасности государства, общества и личности, составляющие целостную и все более гармоничную систему, способствующую сохранению цивилизации и природы.

В свое время в рамках только начавшейся формироваться глобалистики даже предполагалось, что необходимо создавать специфические средства обеспечения безопасности для каждой опасности (угрозы), для каждой глобальной проблемы в отдельности. Однако, поскольку количество глобальных проблем только увеличивалось, как и число негативных последствий развертывающегося процесса глобализации, от подобного подхода пришлось отказаться. Создание отдельных защитных средств и систем обеспечения безопасности привело бы к тому, что фактически все усилия человечества сводились бы к созданию этих средств (например, экологи подсчитали, что для целей обеспечения устойчивости экосистем и обеспечения стабильности биосферы человечеству пришлось бы тратить почти 99% всех своих финансовых и иных ресурсов).

Подобная ситуация в сфере обеспечения безопасности в модели неустойчивого развития свидетельствует в пользу бесперспективности современной (а фактически продолжающейся много тысячелетий) модели (формы) мирового развития. Однако для того, чтобы цивилизация существовала и нормально функционировала, необходимо обеспечивать ее безопасность в любой форме (модели) развития, ибо безопасность выступает инвариантно-фундаментальной жизненной потребностью как всего человечества, так и каждого человека (в принципе — всего живого на Земле). Безопасность жизнедеятельности человека и социума — это первичная и наиболее фундаментальная потребность всего живого, она столь же важна, как удовлетворение потребностей в дыхании, воде, пище, жилище, одежде, энергии, информации и т. п. Вот почему проблема обеспечения безопасности в модели неустойчивого развития вышла на приоритетное место по сравнению с процессом развития (социально-экономического, прежде всего). Но теперь безопасность уже в глобальном масштабе в социоприродной системе необходимо обеспечивать иными средствами, совершенно другими механизмами, когда сам процесс мирового развития уже не отделялся бы от обеспечения

глобальной безопасности. Обратим внимание также на то, что смена в начале XXI в. цивилизационных моделей развития в значительной степени определяется именно проблемой обеспечения безопасности. Появляющиеся иногда мнения о том, что переход от индустриального к постиндустриальному обществу можно считать переходом к устойчивому развитию, являются бесспорно-важными. Показано, что этот переход отнюдь не тождествен переходному процессу к фазе постиндустриализма, ведь именно в этом последнем проблеме обеспечения безопасности оказываются наиболее острыми по сравнению со всеми этапами и периодами социально-экономического и социально-технологического развития¹⁴.

Переход к постиндустриальному обществу — это перспектива развития далеко не всех стран мирового сообщества в силу известной ограниченности природных ресурсов и существенного ухудшения природных (экологических) условий на планете. Между тем, переход к УР — это реальная возможность выживания цивилизации, объективная необходимость для всех стран и народов Земли, независимо от того, на какой стадии развития они находятся — аграрной, индустриальной, постиндустриальной либо иной. К устойчивому развитию необходимо переходить в глобальном масштабе и по историческим масштабам времени фактически одновременно, что принципиально отличает этот переход от предыдущей, растянувшейся на тысячелетия планетарно-социоприродной трансформации в форме неолитической революции. Переход от постиндустриального общества (т. е. от цивилизации с неустойчивым развитием) — не менее сложный процесс, чем переход от иных общественно-экономических формаций и социально-технологических этапов, где есть свои особенности, сложности и проблемы. И на приоритетное место здесь выступают проблемы безопасности. С позиций социально-технологического подхода переходным этапом от «неустойчивого» к «устойчивому» обществу окажется глобальная информационная цивилизация. Без достаточно развитого информационного общества в условиях глобализации вхождение в эру устойчивого развития в принципе нереально, и поэтому информатизация общества является предпосылкой дальнейшего

¹⁴ См.: Ващекин Н. П., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2000; Они же. Глобализация и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2002.

поступательного движения по пути УР (тем более при его ноосферной ориентации).

В условиях глобального перехода к «устойчивости» появляется ряд противоречий, причем наиболее важное — это противоречие между новой и старой моделями развития и соответственно между новыми и старыми методами обеспечения национальной и других видов безопасности и реализации социально-экономического развития. Упомянутое противоречие уже сказывается на мировоззрении, ориентации сознания людей, в частности,

на принятии или неприятии идей устойчивого развития, выдвигании на приоритетное место силовых или ненасильственно-консенсусных механизмов обеспечения безопасности, защите традиционных интересов либо их рационально-оптимальной трансформации в духе новой цивилизационной парадигмы. От разрешения этого противоречия зависит, окажется ли XXI век веком перехода к глобальной цивилизации с устойчивым развитием (а затем и ноосферы) либо человечество и дальше стремительно будет сползать к глобальной катастрофе.

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**
Факультет глобальных процессов
**Международная ассоциация глобальных
исследований**
при участии
Российской академии наук
(Отделение глобальных проблем
и международных отношений)
Российского философского общества
Российской академии естественных наук
Российской экологической академии
проводят

II Международный научный конгресс
Глобалистика - 2011: на пути
к новому глобальному равновесию

Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова
18–21 мая 2011 года

Организационный комитет Конгресса:
Председатель: академик В. А. Садовничий
Сопредседатель: профессор И. И. Абылгазиев
Заместитель председателя: доцент И. В. Ильин
Контакты и дополнительная информация:

Телефон: + 7 495 939 4323 Факс: + 7 495 939 4323
Электронная почта: globalistika2011@gmail.com
Интернет-сайты: <http://fgp.msu.ru>
и <http://globalistics.org>

ТАТАРКИН А. И. КРИТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В СОЦИУМЕ И МЕХАНИЗМЫ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Бурные события XX и начала XXI веков отмечены существенными изменениями в развитии национальных и мировой систем: ускоренно развивается научно-технический прогресс, увеличивается объем необходимой для обработки информации, активнее и хищнически осваиваются места обитания человека. Активизируются процессы обновления оборудования и технологий, меняется культура и духовная основа человеческой жизни, создаются и используются принципиально новые гуманистические и мировоззренческие технологии (оранжевые, сиреневые, розовые). Угрозой развития становится терроризм, изменение климата и производственные сбои, что в совокупности принципиально меняет технологии воспроизводства человеческого сообщества.

Теоретико-методологические корни возникновения критических ситуаций

Россия — страна богатая и щедрая, чем до сих пор пользуется мировое сообщество. Только в XX веке она подарила миру ряд решений, которые позволили мировому сообществу развиваться относительно устойчиво:

- Убедила мировое сообщество социализировать капиталистическую систему, что позволило стратифицировать классовые противоречия и придать социально-экономическому развитию большую социально-экономическую устойчивость и динамизм.

- Заложила основы промышленного развития Восточной Азии, КНР, Вьетнама, Монголии, цивилизовав целый регион и направив его развитие на решение экономических и социальных проблем населения региона и всего мирового сообщества, нейтрализовав военные и иные негативы общественного развития.
- Усилиями России была цивилизованно освоена и подключена к мировому развитию большая часть Центральной Азии, которая в последние годы усиленно «талибанизируется» и «сбивается» с цивилизационного сценария развития. Примеры Афганистана (наркотики), Ирана (атомное оружие), Ирака (военная оккупация), Кыргызстана (межэтническое противостояние) — наглядное тому подтверждение.
- Решение о «шоковом» переходе от централизованно-плановой системы хозяйствования к рыночной посредством масштабной либерализации общественной жизни, с одной стороны, резко ограничило возможности социально-экономического и всего общественного развития России. С другой — сняло ограничения для стран мирового сообщества на выгодных условиях «пользоваться» национальным достоянием России. По оценкам, Россия в настоящее время располагает двумя видами потенциала, который мог бы стать источником устойчивого развития. Минерально-сырьевой, который экстенсивно используется на 100 процентов, а

интенсивно на 10–20 процентов. Интеллектуальный (наука, образование, культура, здравоохранение и др.) используется на 8–15% и постепенно хиреет под траурные марши либеральных рыночников.

Идея «шокового» реформирования российского общества без учета масштаба страны и ее социальной, экономической, территориальной структуры и других особенностей неизбежно породила множество взаимосвязанных и взаимообусловленных критических ситуаций в политической, духовной, социальной, экономической, производственной, экологической и других сферах общественной жизни. У идеи быстрой и масштабной замены централизованной плановой системы хозяйствования как не оправдавшей надежд определенной части населения на рыночную не было и нет конкретных авторов и инициаторов. Однако всегда находится масса исполнителей — волонтеров, готовых в мутной водичке рыночных преобразований наловить «золотых рыбок». Именно поэтому подобная поспешность, научная и ресурсная неподготовленность к реформам и преобразованиям становится питательной средой для создания критических ситуаций в обществе (политических, экологических, экономических, социальных).

Среди причин повышения «критичности» общественного и особенно социально-экономического развития большинство авторов выделяют причины *объективного* (вызванные особенностями развития природных процессов и явлений) и *субъективного* (обусловленные поведением человеческого фактора) характера. В реальности объективные и субъективные причины взаимно пересекаются и приобретают черты причины «объективно-субъективного» характера. Глобализация национальных систем, к примеру, о которой много говорят, пишут и по-разному оценивают её объективно-субъективную проблему и роль в социально-экономическом и всем общественном развитии отдельных стран, с одной стороны, содействует и ускоряет процессы национального и мирового развития за счет специализации и кооперации, ускоренного использования научных идей и разработок, повышения квалификации работников и рационального использования ресурсов. С другой стороны, осуществляемая под воздействием человеческого фактора и приобретая характер «субъективно-объективного» процесса, глобализация повышает риски при реализации

глобальных процессов из-за возрастания их внутренней и высшей несбалансированности. Более того, практика последних лет свидетельствует, что названные риски глобализации и формируются и нейтрализуются в интересах отдельных его участников, среди которых следует назвать следующие:

- Крупнейшие транснациональные компании и корпорации. Хотя и внутри компаний и коопераций, особенно российских, в последние годы развиваются процессы, превышающие степень риска социально-экономического развития. С одной стороны — усиливается влияние рискованных принципиал-агентских решений, которые зачастую приобретают особо рискованный характер для макроэкономической динамики страны. Законодательно не определена система взаимодействия государства и бизнеса. Не согласован статус собственников и менеджеров, что также повышает степень риска, особенно инновационных решений. С другой — риски секьюритизации, или возрастающей взаимосвязанности финансовых рынков друг с другом при повышении доли спекулятивного капитала, придают общественному развитию повышенную рискованность и неустойчивость всей мировой системы. Любой «сбой» в развитии, как вирус, поражает прежде всего, слабо защищенные социально-экономические организмы именно слабых стран;
- Развитые в экономическом отношении страны и континенты. По оценкам, до 85% доходов от добычи и реализации минерально-сырьевых ресурсов и научных разработок мира присваивается 20-ю наиболее развитыми странами и их компаниями. Как образно заявил один американский политик, характеризуя процессы глобализации: «Мир вынужден жить в одной большой деревне, дома в которой построены в разные века» [3. С. 70–71]. Одно из проявлений подобного состояния видится в усиливающейся социальной дифференциации стран и народов. Из 6,5 млрд жителей планеты, по оценкам экспертов ООН, 1,5 млрд существуют более-менее по-человечески, более 1,0 млрд человек голодает, а остальные 4,0 млрд человек постоянно борются за свое существование [3. С. 71]. В России ситуация несколько иная: из 143,7 млн человек около 20,5 млн живут более-менее

по-человечески, около 23 млн медленно умирает и более 100 млн — постоянно борются за свое существование [2. С. 69];

- Финансовый капитал, особенно его спекулятивный сектор. Последний контролирует до 90% рынка товаров и услуг, банковского кредита и инвестиций, используя их движение в своих интересах. Механизм извлечения доходов спекулятивным капиталом основан на получении ценовой и курсовой ренты, что закономерно обостряет все существующие противоречия капиталистической системы и порождает новые, в частности, между владельцами спекулятивного капитала и населением мирового сообщества в целом [1. С. 57–61]. Под воздействием указанных и некоторых других [4. С. 55–73] процессов повышается уровень критичности в политических, технологических и социальных процессах, территориальном и инновационном развитии стран и мирового сообщества в целом.

Что же понимается под критическими ситуациями в технологиях, процессах и территориях? И насколько эти процессы управляемы?

Критические ситуации в технологиях, процессах и территориальных системах — такое их состояние, которое отражает мучительно болезненную, глубоко противоречивую и особо затратную смену политических, технологических и социально-экономических укладов или способов хозяйствования под воздействием НТП или смены парадигм общественного (регионального) развития. Серьезной дискуссионной проблемой остается вопрос о причинах критичности и уровне рисков в общественном развитии. Одна группа специалистов убеждена, что с развитием науки и расширением познавательных функций человека, общества и мирового сообщества в целом границы критичности объективно ограничиваются при понижении уровня рисков. Справедливости ради надо отметить, что общественное мнение стало более пристально отслеживать, учитывать и ограничивать критические ситуации и минимизировать их последствия [8. С. 30–47, 542–570]. Другие авторы, с использованием тех же аргументов, не без оснований убеждены в обратном и считают борьбу с издержками процесса развития и природными катаклизмами составной частью совершенствования управления общественным развитием. Вопрос лишь в полноте и глубине научного познания закономерностей прогресса и принятия на этой основе

своевременных и научно обоснованных управленческих решений [10. С. 37–41; 11. С. 115]. Не углубляясь в дискуссию, выделим наиболее типичные причины возникновения критических ситуаций в общественном развитии, способных вызвать в нем серьезные сбои и потери:

- Резкая смена политических, технологических и социально-экономических укладов и способов хозяйствования под воздействием внешних и внутренних факторов приводит к сбоям, нарушениям сбалансированности, утрате (минимизации) источников устойчивости и снижению темпов развития. Уровень технологий, к примеру, входит в противоречие с уровнем квалификации работников, действующей системой организации и управления производственными, территориальными, социальными и другими процессами;
- Противоречивость процессов НТП и непоследовательность в использовании его преимуществ, отсутствие научного обоснования и системного управления этими процессами на разных уровнях общественного развития [6. С. 211–215; 9. С. 15–21].

А. И. Пригожин в интересной статье «Качество целей» называет три причины, которые являются двигателем прогресса и развития, способных при формальном к ним отношении превращаться в питательную среду для формирования критических ситуаций в общественном развитии [12. С. 115]. Во-первых, действие всеобщего закона возрастающих потребностей, суть которого заключается в расширении и актуализации потребностей по мере удовлетворения существующих. Во-вторых, возрастание интереса к новизне реализацией познавательного рефлекса через реализацию исключительных человеческих качеств, как-то любопытство, удивление перед неизвестным, желание осмысливать новое и т. п. В-третьих, взаимное сравнение, присущее человеческой натуре, вызывает у него желание не только подражать и повторять, но и искать новое и оригинальное, ранее не существующее. Все названные причины способны при определенных условиях усиливать диспропорции в развитии и выступать условием для усиления критичности:

- Негативное влияние природно-климатических и других объективных обстоятельств и процессов. Мировой финансовый кризис, к примеру, разрушил сложившуюся сбалансированность в отношениях между национальными территория-

ми и ограничил темпы их экономического развития. Вместе с тем, он позволил отдельным странам (Китай, Индия) закрепить свои позиции на мировом рынке и использовать его неустойчивость в интересах своего развития;

- Субъективный фактор в последние годы становится решающим источником критичности не только технологий и территорий, но и критичности человеческой жизни. Примеры аварий на Саяно-Шушенской ГЭС, авария самолета в г. Перми, извержение вулкана в апреле 2010 г., авария на шахте «Распадская», гибель Президента Польши и др. — наглядное тому подтверждение. Но, как говорится, названные аварии и трагедии — лишь прелюдия к более серьезным последствиям критичности управленческих технологий. Сегодня большие надежды возлагаются руководством страны и населением на модернизацию российского общества на принципиально новой интеллектуальной и инновационной основе. Сформирована под эти процессы сеть федеральных и исследовательских университетов. Создается федеральный инновационный центр в Сколково. Функционирует центр нано- и биотехнологий при Курчатовском объединенном институте. Предлагаются и другие меры. Милицию, например, предлагается модернизировать в полицию и т. п.

Модернизация или инновации? Опасная альтернатива

В своем выступлении на Санкт-Петербургском Международном экономическом форуме с докладом «Мы изменились» Президент РФ Д. А. Медведев назвал и другие меры по ускоренной модернизации России. Но вот что настоятельно требует, и не только автора этой статьи. Системности и научной проработанности в подготовке и проведении модернизации пока не прослеживается. Готовятся инновационные центры, внедряются в производство и повседневный быт новые инновационные решения и стандарты... А население к этому готово? Не получится ли очередного «отторжения» большей частью населения разумных инициатив власти? Доменик Фаш, один из создателей французского иннограда «София-Антиполис», выступая на форуме

в Санкт-Петербурге, завершил свое выступление словами: «И если Европа поймет, что, помогая России, она помогает самой себе, нелишне будет вспомнить слова Жана Монне, сказанные по поводу создания Европейского союза: “Если бы это надо было переделать, я бы начал с культуры” [15. С. 2].

Даже последние годы рыночных реформ и преобразований дают основания ставить и решать вопросы, которые обусловлены системным подходом к каждой реформе, каждому ее этапу. Логика любой реформы, будь то административная, коммунальная реформа, реформа местного самоуправления или реформа всего общественного устройства посредством модернизации, требует четкого определения цели и конечного результата, источников и движущих сил, т. е. общественной поддержки. Наконец, нужны кадры для модернизируемой России. Причем преимущественно свои, доморожденные, а не «завезенные». Необходимы соответствующие финансовые и кредитные средства и ресурсы для модернизации и технического (технологического, организационного) перевооружения предприятий реального сектора экономики и всего общественного устройства на принципиально иной — современной и передовой инновационной основе. Необходима, наконец, общественная поддержка предложенному курсу на модернизацию со стороны большинства населения страны как минимум по двум принципиальным вопросам.

С одной стороны, принципиально важно четко и последовательно проводить идею, о какой модернизации идет речь — масштабной или ограниченной (поэтапной), с чего ее целесообразно начинать (с модернизации управления обществом, экономикой, с реального сектора экономики, бюджетных отношений и т. п.), за счет каких средств и ресурсов ее предполагается проводить, какова цель и каков должен быть конечный ее результат, в чем выгоды различных слоев населения от модернизации (выгоды и возможные издержки). Модернизация ради модернизации уже никого не может устраивать. Слишком много примеров превращения полезных инициатив руководства страны в примитивное «растранивание» бюджетных средств чиновниками и представителями приближенных к власти бизнес-структур. Примеры реформирования РАО ЕЭС, коммунальной реформы, строительства Олимпийских объектов и другие — наглядное тому подтверждение.

Необходима соответствующая идеология и культура, система отношений между людьми, которые не могут полностью сформироваться в условиях жесткой вертикали власти.

С другой стороны, принципиально важно уже на стадии политического и общественного обсуждения проблемы четко определиться с ее понятием, очертить тот круг вопросов и направлений деятельности, которые должны стать приоритетными для органов власти и управления всех уровней и для большинства российского населения. Именно четкое научное понимание реформируемого процесса становится исходным пунктом его общественного позитивного восприятия и гарантией практической реализации. Любая «аморфность» и наукообразия в определении реформируемого процесса по принципу «Пойдем туда, не зная куда, и сделаем то, непонятно что» — должны остаться на совести исторически уходящей некомпетентности специалистов, обсуждающих реформируемые проблемы.

Не обсуждая всех реформ, напомним о реформировании РАО ЕЭС, в результате которой ни одна из поставленных задач не была доведена до практического эффекта (конкурируемый рынок энергетических ресурсов, рост инвестиций в энергетику, снижение нагрузки на бюджеты всех уровней и доходы населения, повышение эффективности управления энергопотоками и др.). Вместо этих «благих пожеланий» «дельцов от энергетики» общество и население получило: высоко критичный для потребителей общероссийский рынок энергоресурсов из-за раздела единой энергетической системы на три самостоятельные компании с собственными целевыми установками; развитие посредничества и сведение к минимуму государственного контроля за тарифами, их постоянный рост и отрыв от общественно необходимых затрат, что негативно сказывается на развитии всей экономики; повышение затрат основных энергопотребителей — предприятий и других рыночных агентов. По аналогичной схеме проводилась реформа коммунального хозяйства, монетизация льгот. Не лучшим образом организовано проведение реформы бюджетных организаций переводом их в рыночный статус, автономный или бюджетный.

Все перечисленные издержки реформирования можно бы не перечислять и рассматривать как неизбежные издержки рыночной трансформации российского общества и обучения рыночному поведению. Если бы не два обстоятельства.

Во-первых, при анализе проведенных и проводимых реформ и «переустройств» прослеживается четкая линия руководства страны на осуществление их без серьезной научной проработки и общественного обсуждения. К какому модернизационному новаторству и общественному рывку может привести утверждение Президента Союза промышленников и предпринимателей России, доктора экономических наук, профессора, бывшего долгое время зам. председателя Российской Федерации А. Н. Шохина, который в газете «Известия» за 23 марта 2010 г. [21. С. 6] под броским заголовком «Инновации против модернизации» сводит последнюю к простой «замене старого оборудования на новое и более производительное»!!! Как говорится — приехали!!! Полезнее было бы дать возможность читающему россиянину по образцу ЕГЭ выбрать для себя вариант поведения по модернизации, поставив запятую после слова «инновации» или перед словом «модернизация». Уверен, вреда от этого было бы намного меньше; ведь по А. Н. Шохину: «Для нас (очевидно, всех членов ассоциации. — А. Т.) важнее сейчас именно модернизация. Посмотрим правде в глаза: состояние промышленной базы в России таково, что думать об инновациях — все равно, что грезить о полетах в космос, сидя в пещере» [21. С. 6]. Вряд ли с этим утверждением согласятся все или даже большинство российских промышленников и предпринимателей. Примеры Магнитогорского металлургического комбината, УГМК, Российской трубной компании, Северстали и других предприятий позволяют утверждать, что осуществлять модернизацию, опираясь на принципиально новые отечественные инновационные решения, на отечественное оборудование и технологии, — более перспективный с национальной точки зрения, вариант модернизации. Конечно, можно и нужно закупать за границей даже далеко не лучшие образцы техники и технологий, но более «производительные». Этот вариант трудно отрицать. Но нельзя всю жизнь «сидеть в пещере», закупая за границей все, что необходимо для модернизации. Когда-то и кому-то надо из этой пещеры «вылезать» и заниматься повышением инновационного уровня и производства, и экономики, и всего общества. И заниматься всерьез и долго хотя бы для того, чтобы наверстать упущенные «сидением в пещере» годы и возможности.

Оценки возможных угроз возникновения критических ситуаций и меры по их нейтрализации

Переход стран бывшего социалистического лагеря от плановой к либерально-рыночной системе хозяйствования, поспешность и слабая научная проработка проводимых реформ без опоры на их общественное обсуждение и поддержку потребовали колоссальной мобилизации сил, ресурсов и человеческой энергии для нахождения своего места «в новой системе хозяйствования». Следствием подобного ускоренно-форсированного (500 дней) и неподготовленного «революционного броска» из одной системы в другую — принципиально противоположную и неосознанную населением систему, а потому и непривычную для большинства населения, явился резкий всплеск психических и сердечно-сосудистых заболеваний, суицида, распада сложившихся за долгие годы жизни производственно-трудовых и семейно-бытовых норм, традиций и духовно-нравственных институтов. Специалисты, изучающие эти процессы, не без основания считают, что потери от «шокового броска» из социализма в капитализм по ущербу сравнимы с потерями во Второй мировой войне [2. С. 12–22; 14. С. 4–7, 12–22].

Более того, ускоренное закрепление основ либерально-рыночной системы хозяйствования на длительную перспективу, в котором по незнанию ли, по халатности ли чиновников, либо по «либерально-рыночному умыслу» прослеживается целая программа (правда — теневая или подстрочная) формирования критических ситуаций в производственной, научной, образовательной и других сферах общественной жизни, заметно сдерживающих общественное развитие. Среди многих выделим системно опасные:

- ⇒ Форсированный перевод большей части социальной сферы на рыночные (платные) отношения под предлогом ограничения и сокращения государственных расходов без соответствующего увеличения доходов населения усиливает дифференциацию населения и рост материального и духовного негативов [8. С. 190–202; 20. С. 101–116]. В перечне возможных негативов ограничение на получение высшего образования, развитие науки и переход на инновационный сценарий развития, недоступность отдельных видов медицинских и коммунальных услуг. Главное — снижение воспитательного воздействия государства на мо-

лодежь открывает «шлюзы» для антироссийских воздействий иной, нетрадиционной для населения России культуры и духовности; ускоренное развитие финансового сектора экономики без соответствующего ускорения развития реального сектора обуславливает повышение рисков несбалансированности, роста цен и инфляции при стабильном воспроизводстве противоречий и формировании финансовых пузырей для очередного финансового, экономического и продовольственного кризисов. Но главная опасность ускоренного развития финансового сектора видится в усиленной поляризации российского общества и повышение импортной зависимости страны с последующей утратой научно-технической и политико-экономической независимости [1. С. 12, 37]. В докладе «Россия. Выбор будущего» Г. Г. Малинецкий приводит целый ряд аргументов по углублению социально-экономической, научно-технологической и общественно-политической болезни российского общества. «Следствие этих болезней, — по мнению автора, — происходящий на наших глазах постоянный распад страны» [1. С. 29].

- ⇒ Умышленное государственное ограничение возможностей развиваться реальному сектору экономики, опираясь на внутрироссийские источники. Подобный вывод приходится делать, опираясь на самый серьезный документ — «Стратегию 2020», в котором, во-первых, заявлен инновационный сценарий развития российской экономики, но... не указано ни одного инновационного проекта. Но инновационного развития без инновационных проектов просто быть не может. Во-вторых, в указанном документе заложено ежегодное повышение цен и тарифов на товары и услуги государственных компаний и корпораций — на электроэнергию, газ, железнодорожные перевозки и услуги ЖКХ на 8–29 и даже 31%. Трудно понять, а еще труднее осознать логику подобных решений, которыми формируются наиболее комфортные условия функционирования и компенсируется непрофессионализм менеджеров госкорпораций за счет населения, бюджета и рыночных агентов реального сектора, опуская последний на научное, образовательное, тех-

ническое и научно-технологическое «дно» конкурентной борьбы. Подобная «силовая» дифференциация рыночных агентов лишает социально-экономическое развитие мощных рыночных источников и стимулов в виде предприимчивости и инициативности рыночных агентов использовать науку и ее результаты для развития производства и снижения затрат. С другой стороны — позволяет отдельным компаниям, приближенным к властным структурам, эксплуатировать общественную энергию и присваивать (транжирить) ее результаты, не прибегая ни к новаторскому мышлению, ни к инновациям, ни к конкуренции. Оба варианта негативно сказываются и на технико-технологическом, и на научно-организационном, и на социальном уровне безопасности всего общества [1. С. 65–73].

- ⇒ Искусственное сдерживание инновационного развития реального сектора экономики и особенно АПК ограничением кредитных возможностей российских банков и уровнем денежного обеспечения социально-экономического развития регионов и территорий России. До тех пор, пока кредитная ставка будет на уровне 8,0% и выше, пока средства стабилизационного фонда будут использоваться для развития американской экономики, пока денежной наличностью обеспечено чуть более 50% потребностей развития, — до тех пор любые разговоры и призывы о сокращении критичности технологий и территорий можно оценивать лишь как «глас вопиющего в пустыне»!!!
- ⇒ Постоянное и слабо ориентированное на конечный результат реформирование сферы науки и образования, отказ от государственной их поддержки ограничивает их деятельность стремлением к «выживанию», а не ориентацией на общегосударственные интересы инновационного обновления российского общества. Перманентное «реформирование» этих сфер приводит обычно к негативным результатам, особенно удручающим на фоне позитивного использования образования и науки в интересах общественного развития за счет ускоренного использования интеллектуального ресурса и минимизации рисков устойчивого и сбалансированного развития. Примеры Финляндии, Испании,

Индии по формированию интеллектуального ресурса и его системного использования в интересах национального развития стали примером для многих стран и народов. В США одобрен законопроект о финансовом регулировании [3. С. 7], содержащий самые радикальные с 30-х годов прошлого века меры по минимизации финансовых рисков и искусственному ограничению возможностей спекулятивного капитала. Меры по устойчивому развитию реального сектора экономики и повышению роли науки в его развитии приняты и принимаются во Франции, Германии, США, Японии и других странах.

Благогатная почва для формирования критических ситуаций с развитием общества и усложнением общественно-политических и социально-экономических связей между странами закономерно расширяется, возрастает ущерб от несвоевременной реакции на их разрушительные последствия [11. С. 178]. Реальный повод отнестись к ним с большим пониманием — очередной климатический «сюрприз» в июне–августе 2010 г. Те страны и регионы, руководство которых с пониманием относилось к предупреждению метеорологов и приняло превентивные меры, пострадали меньше. Другие, понадеявшись на «волю случая», были вынуждены вводить чрезвычайные ситуации в странах (регионах, территориях) и нести дополнительные расходы по устранению ущерба от стихийного бедствия. Аномальные климатические изменения в мире побуждают мировое сообщество обращаться к науке с тем, чтобы минимизировать социально-экономический ущерб и, оценив долгосрочные тенденции изменения климата, определить стратегию социально-экономического и всего общественного развития стран. На этом фоне диссонансом выглядит интервью заместителя главы Гидрометцентра РФ Дмитрия Киктева, который заявил, что прогнозировать такие ситуации невозможно, поскольку на погоду влияет несколько факторов и выделить какой-то один просто невозможно [8. С. 5]. С авторитетами сложно спорить, но есть одно обстоятельство, которое подвергает сомнению высказанное Д. Киктевым утверждение. Научные сотрудники Института экологии растений и животных УрО РАН на страницах газеты «Наука Урала» [7. С. 1,5] рассказали, что методика долгосрочного прогноза катастрофических засух и наводнений, которая основана на расчете кульминационных точек движения Земли и Луны вокруг Солнца,

была разработана еще в 70-е годы прошлого века учеными Киргизского сельскохозяйственного института под руководством Н. Х. Яворского и Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР. Использование этой методики позволило разработать прогнозы для всей территории Советского Союза. На ее основе были предсказаны засуха в Центральных районах европейской территории РФ 1972 г., сильные засухи на Урале в 1975 г. Разрабатываемые прогнозы высоко ценились и активно использовались министерствами обороны и сельского хозяйства СССР. В последние двадцать лет такие прогнозы никто в РФ не разрабатывает. Судя по интервью Д. Киктева, представителей власти они особенно и не интересуют.

Избежать потерь от критических ситуаций вряд ли удастся. А вот минимизировать ущерб вполне реально. Но для этого необходимо, как минимум, во-первых, создать общероссийский вневедомственный центр мониторинга критических ситуаций в Российской Федерации и на сопредельных территориях. Центр, который бы был создан из авторитетных представителей депутатского корпуса, правительства, научного сообщества и общественности с широким кругом полномочий по сбору и анализу необходимых материалов, привлечению специалистов — экспертов и организаций, дополнительных исследований и экспертных заключений. Было бы логично ежегодно или два раза в год заслушивать отчеты Центра на открытых заседаниях Госдумы или ее комиссий по безопасности с принятием необходимых решений обязательного характера.

Во-вторых, необходима система мер по обучению населения поведению в условиях критических ситуаций. Есть, очевидно, смысл психологически готовить население к возможности работать в особых нестандартных производственных и бытовых условиях. Этим необходимо заниматься не только в интересах повышения профессионализма населения в критических ситуациях, но и для психологической подготовки населения к возможным изменениям условий их жизнедеятельности. Для начала необходимо расширить и конкретизировать школьную программу «Основы жизнедеятельности» введением темы или раздела «Особенности жизнедеятельности в критических ситуациях». Потребуется, на наш взгляд, расширить тематику некоторых экономических и особенно управленческих учебных программ введением разделов по критическим ситуациям и особенностям функционирования

экономики, населения и общественных институтов в этих условиях.

Наконец, в-третьих, логика либерально-рыночного развития России и всего мирового сообщества характеризуется повышением доли риска и ростом затрат на поддержание рациональных условий жизнедеятельности [19. С. 53; 6. С. 81–85; 16. С. 42–50], что неизбежно требует повышения качества и эффективности управления всем общественным развитием и каждой обособленной его подсистемой. Подобное предложение не вызывает особой «аллергии» у властных структур, но часто сводится к необходимости повышать эффективность регионального и муниципального управления в критических ситуациях, органов МЧС и ведомственных Министерств, отдельных агентств и управленческих чиновников. К примеру, критика Президентом России Д. А. Медведевым отчетов российских министров Т. Голиковой, А. Фурсенко, В. Басаргина, Е. Скрынник и других за слабую работу по реализации целевых программ и отсутствие четких и эффективных управленческих решений по их исполнению¹. Но ничего не сказано о позиции Правительства РФ в части финансового их обеспечения и макроэкономической оценки результатов их реализации!

Работа МЧС России, единственного федерального ведомства, которое положительно оценивается населением, также нуждается, по заявлению его руководителя С. Г. Шойгу, в серьезной модернизации, техническом перевооружении и минимизации организационно-правовых нестыковок. В частности, требуется пересмотреть решение Правительства РФ о сокращении лесничеств, финансово обеспечить передачу на региональный уровень федеральных служб пожаротушения и некоторое другое. Поддержание тенденции к повышению качества жизни населения и способность к эффективному развитию общества требует, как минимум, оперативного решения вопросов управления общественным развитием посредством:

- повышения профессионального уровня управленческих кадров от федерального до муниципального уровня как за счет привлечения к управлению специально подготовленных специалистов, а не «дилетантов из команды» первого лица, так и организации постоянно действующих курсов повышения квалификации и переподготовки

¹ См.: «Аргументы и факты». 2010. №10. 4–10 августа. С. 2

управленческих кадров. Такие курсы логично организовывать при Академии госслужбы и ее региональных представительств, Академии народного хозяйства при Правительстве РФ с привлечением специалистов практиков и ведущих ученых РАН, ведущих университетов РФ и зарубежных стран;

- существенного повышения наукоемкости принимаемых управленческих решений. По оценкам сотрудников Института экономики УрО РАН, наукоемкость управленческого труда (по затратам на рубль ФОТ) снизилась в 2008 г. по сравнению с 1989 г. более чем в 4,5 раза, с 21 до 4,86%. И это вполне закономерно, поскольку критерии подбора и утверждения управленцев всех уровней не выдерживают элементарной критики. В свою очередь, слабый управленец с большой неохотой сотрудничает с наукой, ибо управленческая некомпетентность таких чиновников от управления становится очевидной и опасной для карьерного роста.

Отличительная черта современного чиновника от управления — это страх перед наукой, боязнь показать свою профессиональную некомпетентность. Вот почему и нарастает «вал накатов» на РАН, отдельных научных коллективов и ученых с тем, чтобы за словесным «валом» своей или заказной критики поддержать свою репутацию. Достаточно взглянуть на список «формируемых команд» федерального, регионального и муниципального уровня, чтобы убедиться в истинности сказанного. И это не просто просчеты, досадные недоразумения или отдельные исключения из правил. Это стало правилом, своеобразной закономерностью, которая как ржавчина начинает поражать общество, ограничивая его возможности стабильно, устойчиво, сбалансированно и социально ориентированно развиваться в интересах всего российского населения;

- ⇒ обязательного привлечения общественности, в том числе и научной, в общественные Советы при органах управления всех уровней. Практика работы подобных Советов в Швеции, Финляндии, Японии, Сингапуре свидетельствует о высокой результативности их работы, особенно в части формирования общественного мнения и науч-

ной обоснованности принимаемого управленческого решения. Если управленческий орган работает в интересах всего населения, ему нет нужды бояться общественного мнения. И предлагаемые общественные Советы могут стать эффективной формой взаимодействия власти с населением в принятии научно обоснованных управленческих решений в интересах всего общественного развития.

И в заключение приведу цитату из выступления Д. А. Медведева при завершении работы Санкт-Петербургского экономического форума — 2010 о значении высказываний китайского философа Лао-Цзы: «Что хуже: получить или потерять? Кто любит, тот тратит; кто хранит, тот теряет. Знающий меру не опозорится. Умеющий остановиться не попадет в беду. Помнящий об этом достигнет многого». «Если мы будем руководствоваться советами китайских философов, — завершил выступление Д. А. Медведев, — мы сможем достичь точки сбалансированности и с успехом выйдем из того огромного испытания, в которое мы попали» [13. С. 3].

Примечания

1. Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз // Материалы научного семинара. Выпуск № 3. М.: Научный эксперт, 2009. 120 с.;
2. Величковский Б. Т. Жизнеспособность нации. Роль социального стресса и генетических процессов в популяции, развитии демографического кризиса и изменения состояния здоровья населения России. М.: изд. РАМН, 2009. 176 с.;
3. Гринберг Р. С. Кризис и менеджмент // Прямые инвестиции, 2010. № 2. С. 70–72;
4. Занин В. П. Жесткая экономика России. Как выжить российскому бизнесу в России. СПб.: изд. Петроцентр, 2008. 232 с.;
5. Инновационное развитие регионов России: теория, практика, управление // Под ред. акад. РАН А. И. Татаркина. М.: изд. «Экономика», 2010;
6. Инновационное управление технологическим развитием промышленности региона // Под ред. акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: изд. ИЭ УрО РАН. 2009. 387 с.;
7. Испытание жарой / Материалы обсуждения аномальных ситуаций сотрудниками

- Института экологии растений и животных УрО РАН // Наука Урала, 2010. Август. №18. С. 1, 5;
8. Качество жизни и экономическая безопасность России // Под ред. акад. РАН В. А. Черешнева и акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: изд. ИЭ УрО РАН, 2009. 1184 с.
 9. Научно-технологическое развитие Российской Федерации: состояние и перспективы / Гл. редактор Л. Э. Миндели. М.: изд. ИПРАН РАН, 2010;
 10. *Никонов В.* Управление рисками: как больше зарабатывать и меньше терять. М.: изд. «Альпина», 2009;
 11. *Порфирьев Б. Н.* Атмосфера и экономика. Изменение климата: риски или факторы развития // Россия в глобальной политике, 2010. том 8. № 3. С. 170–183;
 12. *Пригожин А. И.* Качество целей // Общественные науки и современность, 2010. № 1. С. 114–125;
 13. *Садчиков А.* Кому срывать яблоки в саду экономики // Известия, 2010. 21 июня. С. 3;
 14. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. акад. РАН В. А. Черешнева и акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: изд. ИЭ УрО РАН. 2008. 864 с.;
 15. *Сухарев О. С.* Методы оценки эффективности развития социальных систем: теоретико-измерительные проблемы // Экономический анализ: теория и практика. 2010. №6. С. 8–17;
 16. *Сундиев И. Ю.* Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии, 2010. №1–2; С. 42–50;
 17. *Татаркин А. И.* Мировой финансовый кризис и возможности реального сектора экономики // Экономическая наука современной России, 2010. № 1. С. 52-73;
 18. *Фаш Доминик.* Нет инновационного проклятия — есть Советский тупик. О перспективах риторической модернизации в России / Фаш Доминик // Коммерсантъ, 2010. 18 июня. С. 2;
 19. *Ф. О`Хара.* Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики, 2010. № 1. С. 38–57;
 20. *Шевяков А.* Мифы и реалии социальной политики // Общество и экономика, 2009. № 7. С. 99–116;
 21. *Шохин А. Н.* Инновации против модернизации / Шохин А. Н. // Известия, 2010. 23 марта. С. 6.

**КЫБАЛЬНЫЙ М. В.
«МОРСКАЯ МОЩЬ-21» ПО-АМЕРИКАНСКИ**

В связи с происходящими в мире радикальными геополитическими изменениями, достижениями в компьютерной технике, появлением эффективных видов высокоточного оружия, командование ВМС США разрабатывает новую стратегию применения военно-морской мощи и программу радикального обновления боевого состава ВМС. Главная цель: придать им глобальные боевые возможности в будущих роботизированных сетцентрических дистанционных войнах шестого поколения. Еще в 2002 г. начальник морских операций ВМС США адмирал Верн Кларк обозначил основные положения этой стратегии в концепции «Морская мощь-21», основные положения которой изложены ниже в авторском стиле. В качестве иллюстраций помещены фото боевых платформ, по которым в настоящее время идут активные работы со сроками их завершения в 2010–2015 гг. Полное изменение облика ВМС США на новой технологической базе ожидается в 2025–2035 годах.

ВМС США — наше представление

Наступление новой эры эффективных объединенных военных операций стало возможным благодаря тому, что в 21 веке значительно улучшилось качество точных ударов. Передовые технологии и концепции объединят море, сушу, воздух, космос и информационное пространство в значительно большей степени, чем это было раньше. В таком объединенном боевом пространстве море обеспечит обширный район

маневрирования, с которого будет исходить мощное целенаправленное, имеющее решающее значение воздействие на весь мир. Будущие военно-морские операции будут применять революционное информационное превосходство и возможности рассредоточенных, но связанных единой системой оперативных соединений для нанесения мощных ударов, гарантированной обороны и оперативной свободы командующих объединенными силами. Наши ВМС и их союзники будут подавлять нарастающий спектр угроз с морских направлений — сдерживая их, своевременно реагируя в мирное время на возникающие кризисы, ведя и выигрывая войны!

Поступая подобным образом, мы будем продолжать развивать мощь ВМС США, последовательно идя по пути от прежних стратегий «боевых действий на море» согласно «Морской стратегии» (1986 г.), «Действий в прибрежных районах с моря» (1992 г.) и «Вперед ... с моря» (1994 г.) до новой расширенной стратегии «Морская мощь-21». Согласно последней ВМС будут полностью интегрированы в объединенные операции против угроз региональной и международной опасностей. Для реализации благоприятных возможностей и заблаговременного решения проблем у нас должно быть точное представление о том, как наши ВМС будут организованы, интегрированы и трансформированы. «Морская мощь-21» — именно такое представление. Оно соединит наши усилия, ускорит прогресс и реализует потенциал наших людей. «Морская мощь-21» будет прямым руководством к эффективным действиям наших ВМС.

Изменения, вызванные эрой насилия

Трагические события 11 сентября 2001 г. убедительно продемонстрировали, что перспективы мира и безопасности в новом веке подвергаются значительной опасности: она исходит от зон с постоянными региональными конфликтами, широко распространенных и хорошо финансируемых террористических и криминальных организаций, от диктаторских режимов и антинародных государств, несущих только безысходность и страдания своему населению.

Эти угрозы влекут за собой постоянные кризисы, часто с недостаточным временем на их предупреждение из-за недостатка информации о размере и месте источника нарастающей напряженности. Будущие угрозы будут разнообразны и смертельно опасны. Потенциальные противники попытаются не допустить нас в район кризисов, угрожая нашим друзьям и интересам за океаном и даже пытаясь нанести удары непосредственно по территории Америки. Они могут проявлять не только готовность к применению оружия массового поражения, но и вести традиционные боевые действия, включая и все более широко распространяемый терроризм. Эти угрозы создадут все более увеличивающийся комплекс проблем для национальной безопасности, они, безусловно, значительно расширят спектр будущих операций.

Наши предыдущие стратегии в основном касались региональных проблем. Сегодня необходимо думать гораздо масштабнее. В целях повышения нашей безопасности в быстро меняющемся и в высшей степени динамичном современном мире нам необходимо существенно расширить рамки прежней стратегии, включив туда, помимо региональных проблем, и новые международные угрозы. Мы должны быть готовы упреждать их. Именно поэтому наши ВМС должны значительно увеличить свою ударную мощь. Для того чтобы быть готовыми своевременно противодействовать нашим врагам, мы должны достигнуть над ними информационного доминирования, создать различные способы выполнения задач как постоянного контроля за морем, так и нанесения сокрушающих ударов. Кроме того, наши силы должны обеспечить стратегическое сдерживание, дать возможность проведения необходимых стратегических перевозок и обеспечить беспрепятственное передовое присутствие. В основе длительной оперативной

эффективности ВМС лежат три фундаментальные концепции: морской удар, морской щит и морское базирование.

Рис. 1. Концепция «Морская мощь-21»

Морской удар — нанесение продолжительного точного и мощного упреждающего удара с моря;

Морской щит — создание гарантированной обороны по всему миру;

Морское базирование — осуществление оперативной независимости объединенных сил.

Эти концепции основаны на твердом фундаменте взаимодействия ВМС и морской пехоты, использовании асимметричных преимуществ США и усилении боевой эффективности за счет объединения сил. Мы часто ссылаемся на асимметричные проблемы, когда говорим об угрозах врага, фактически считая, что такие преимущества есть только у противника. «Морская мощь-21» построена на основе асимметричной американской силы, которая укрепляет и объединяет нас. Среди недоступных противнику асимметричных компонентов нашей мощи мы видим быстрое распространение компьютеризации, нарастающую системную интеграцию, постоянный рост промышленной базы, экстраординарные возможности наших людей, чей характер и желание быть лучшими дают нам безусловное преимущество. Морской удар, морской щит и морское базирование будут представлять собой общую архитектуру объединенных сил. Это позволит нам интегрировать возможности личного состава, датчики, каналы связи, платформы и оружие под единым командованием и управлением. Мы сведем группировки рассредоточенных сил в единую ударную структуру.

В течение десяти лет мы только говорили о централизованных боевых действиях, сейчас ВМС планируют сделать оперативной реальностью единую сеть объединенных сил (Force Net). При поддержке Force Net возможности всех трех концепций будут реализованы в глобальной концепции операций, которая в зависимости от требований обстановки распределит или сконцентрирует боевую мощь флота, усилит фактор сдерживания, ускорит нашу ответную реакцию на кризисы и поможет нам одержать решительную победу в любом вооруженном конфликте.

«Морской удар». Нанесение точного и продолжительного мощного упреждающего удара

Для любого командира, когда-либо участвовавшего в боевых действиях, главным критерием успеха его работы была максимальная эффективность применения вверенной ему ударной мощи для достижения решающего значения. Это положение будет сохраняться еще не одно десятилетие. Операции по нанесению удара с моря — это то, каким образом ВМС 21 века будут оказывать направленное, значимое и длительное влияние в объединенных компаниях. В будущих кампаниях эти операции будут включать динамичное применение сил и средств разведки; целенаправленное маневрирование кораблей; проведение информационных операций, нанесение скрытых точечных и массированных сокрушительных ударов.

В центре революционных изменений в способах нанесения мощных ударов находятся сбор и управление информацией. Объединенные в единую сеть долговременные военно-морские датчики (ГАС, РЛС и т.п.) будут интегрированы в национальные и объединенные системы для сбора большого количества разведывательной информации. Своевременные и достоверные данные разведки будут, безусловно, необходимы для всестороннего понимания и выбора военных, экономических и политических уязвимых мест противника. Ускоренный процесс компьютеризированного планирования должен быстро использовать результаты разведки для организации комплексных объединенных ударов, которые обеспечат выверенный эффект в нужное время и место.

1. Влияние «морского удара»:

- повышение мощности и эффективности нанесения ударов;

- увеличение количества точных ударов и информационных операций;
- улучшение взаимодействия морской пехоты и сил специального назначения в ходе боевых действий;
- проведение наступательных операций в короткие сроки «24 часа / 7 суток»;
- полная интеграция с объединенными ударными соединениями.

2. Возможности «морского удара»:

- постоянная разведка;
- своевременные удары;
- РЭБ/информационные операции;
- целенаправленный маневр корабля;
- скрытые удары.

3. Будущие технологии «морского удара»:

- автономные, долгодействующие, скрытые разведывательные датчики, интегрированные каналами связи в единые системы;
- датчики, объединенные по государственному признаку, на театре объединенных сил;
- системы, повышающие качество понимания обстановки;
- боевые беспилотные аппараты;
- сверхзвуковые ракеты;
- электромагнитные рельсовые орудия;
- гипер-спектральное изображение.

4. «Морской удар» — последовательность действий:

- увеличение информационного доминирования через Force Net для того, чтобы обеспечить боевую досягаемость, скрытность и поражающую способность;
- создание, приобретение и интеграция боевых и обеспечивающих систем;
- распределение ударных возможностей на все объединенные силы;
- развертывание разведывательных датчиков морского базирования (долгодействующих, управляемых и неуправляемых);
- разработка информационных операций как одного из главных видов боевых действий;
- взаимодействие с морской пехотой;
- взаимодействие с другими родами войск.

Обеспеченное разведкой доминирование во владении обстановкой будет реализовано в виде различных вариантов «морского удара» за счет применения дальнобойного высокоточного оружия (ракет будущего поколения, ударных самолетов, артиллерийских орудий), управляемых

боевых аппаратов и морской пехоты с морскими «котиками» (SEALS), скрытно десантируемых с подводных лодок. В результате информационного превосходства и гибкости вариантов нанесения концентрированных ударов мы получим своевременное поражение цели с большей скоростью и точностью. Обладая такими возможностями, командование ВМС будет способно использовать свою стратегическую гибкость, оперативную независимость и быстрое реагирование для проведения операций: различных по своей продолжительности, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году.

Военные операции будущего станут более сложными, несмотря на ожидаемое улучшение качества разведывательной информации. Расширенная ситуационная неопределенность будет исходить из-за использования противником рассредоточенных, малозаметных, скрытно действующих сил. Это увеличит вероятность риска при принятии решения на удар, сократит своевременность и точность атаки. Надежное отражение упреждающего или контрудара маскирующихся сил противника будет зависеть от скорости, быстроты реагирования и рационального процесса обработки информации и принятия решения. «Морской удар» сможет решить эти проблемы за счет применения новейших сил и средств, совмещающих в себе разведку и удар. Информационные операции перерастут в важнейшую разновидность войны. Они включают в себя РЭБ, психологические операции, атаку и защиту электронной сети, безопасность операций и военную маскировку. Информационные операции будущего будут играть главенствующую роль в контроле над кризисными ситуациями, особенно их роль будет значимой в подготовке боевого пространства для достижения максимальной дальности атаки и ее разрушительной мощи. Асимметричное превосходство США в этой области станет важнейшей частью «морского удара».

При невозможности достигнуть решения оперативных задач загоризонтными действиями (проведением дальних ударов, т. н. «бесконтактная война») силы ВМС-МП должны быть готовы действовать непосредственно на берегу. Используя передовую технику охвата врага по вертикали и горизонтали, наземные силы совершат маневр по всему боевому пространству. Скорость и точность удара усилят боевую мощь. Опираясь на морское базирование, мы скоординируем огонь так, чтобы ошеломить

противника, внести смятение и хаос в его ряды. Информационное превосходство, наряду с информационной сетью, приумножит боевую мощь и поможет усилить удар с повышенным уровнем летальности и боевой эффективности. Операции «морского удара» полностью сольются с объединенными действиями других сил, принося своеобразную независимость, надежность в совместный удар. Объединенная ударная сила морского и наземного базирования (включая стратегическую авиацию) произведет сокрушительное воздействие по стратегическим, оперативным и тактическим сторонам боевой мощи противника.

«Морской щит». Гарантия всеобщей обороны

Ранее ВМС обычно защищали собственно флот и морские коммуникации. Будущие ВМС должны быть способны на значительно более широкий круг оборонительных задач, придав им наступательный характер. «Морской щит» выходит за рамки традиционной обороны и должен быть способен обеспечить нацию стратегической обороной и защищенным морским театром боевых действий. «Морской щит» обеспечит наши национальные интересы своей глобальной оборонительной мощью, основанной на контроле морского пространства, передовом базировании и глобальной разведывательной сети.

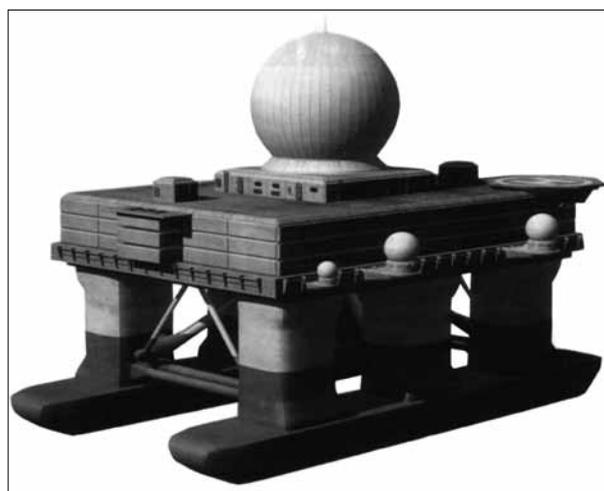

Рис. 2. Перспективная морская подвижная платформа континентальной ПРО

Эти компоненты дадут нам возможность усилить национальную оборону, гарантировать доступ наших ударных сил к прибрежным

водам противника и выдвинуть нашу оборонительную мощь вглубь его территории. Основой этих действий будут информационное превосходство, обширная разветвленная сеть разведки и маневренные силы морского базирования. Национальная оборона аккумулирует в себе усилия ВМС передового базирования вместе с другими родами войск, гражданских служб и разведки.

Вместе с недавно созданным Северным Командованием мы выявим, проследим и перехватим силы противника задолго до возникновения угрозы нашему Отечеству. Действия наших сил и средств на передовых рубежах значительно повысят безопасность территории Америки, они позволят нам иметь необходимый резерв по времени для выбора наиболее целесообразного способа реагирования.

Удар «Морского щита»:

- защита объединенных сил и союзников на берегу;
- обеспечение непрерывной возможности морской торговли, совместного строительства и ведения военных действий;
- обеспечение глубины расширения национальной обороны посредством передового базирования и глобальной разведывательной сети;
- обеспечение международной стабильности и безопасности.

Возможности морского щита:

- обеспечение надежной национальной обороны;
- достижение превосходства на море/прибрежных акваториях;
- обеспечение ПРО театра военных действий;

- повышение боевой мощи ударных группировок.

Будущие технологии морского щита:

- глобальная объединенная система разведки и система связи;
- надежные контрмеры против минной опасности;
- средства контроля многосерийного оборудования;
- перспективные формы корпуса;
- пучковое, лазерное высокоэнергетическое оружие;
- автономные беспилотные разведывательно-ударные аппараты;
- общая картина подводной обстановки (среда, цели);
- единая картина воздушной обстановки (цели);
- координирование программ вооружения;
- разветвленная глобальная система ПРО.

Последовательность действий морского щита:

- максимальное расширение боевого пространства;
- возможно быстрое развертывание ПРО театра боевых действий;
- создание общей оперативной картины для ВВС, надводных и подводных сил;
- ускорение развития программ создания беспилотных аппаратов морского базирования, предназначенных для действий в любой среде;
- вклад необходимых средств в системы самообороны для усиления морского превосходства.

Действия патрульных самолетов береговой авиации и других сил обеспечат нашу полную осведомленность по обстановке. Для проверки

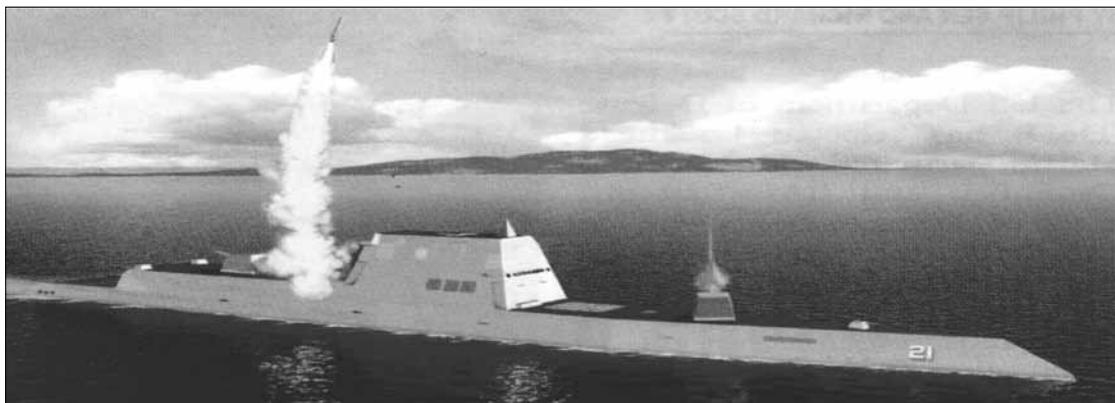

Рис. 3. Перспективный крейсер CG-21 для обеспечения региональной ПРО

подозрительных судов команды досмотра используют новейшее оборудование для обнаружения контрабандных грузов визуальными, химическими и радиологическими методами. ВМС передового базирования также примут участие в защите Отечества, поражая восходящие на средней фазе баллистические ракеты (когда они наиболее уязвимы для перехвата). В это же время наши подводные лодки, вооруженные ракетами «Трайидент», будут скрытно патрулировать по всему океану, обеспечивая меры стратегического сдерживания. Эти стратегические ракетноносцы являются мощным фактором ядерного устрашения потенциальных агрессоров, способных применить ОМП.

Центром концепции морского щита является достижение превосходства в боевом пространстве, особенно на передовом театре. Боевые корабли прибрежного плавания (LCS), самолеты ДРЛО, БЛА, ПЛА создадут и сохраняют оперативное превосходство, в то время как ударные самолеты морского базирования, наряду с высокоточными дальнебойными ракетами, достигнут господства в воздушном пространстве. С их помощью мы создадим границы нашей безопасности, выдвинутые далеко в глубину территории кризисных районов, настолько глубоко, чтобы быть готовыми заблаговременно уничтожить группировки сил потенциального противника угрожающие нашим интересам. Для расширенной региональной ПРО будут использованы ракеты «Стандарт» нового поколения с дальним радиусом действия и модернизированные самолеты ДРЛО Е-2 «Хоккай».

Важность внедрения перспективных разработок «Морского щита» для защиты нации никогда еще не была такой значимой, как в настоящее время, т. к. только новейшие виды вооружения и передовая технология ведут к доминированию на боевом пространстве. В итоге «Морской щит» повысит контроль над кризисными ситуациями, защитит союзные и объединенные силы на берегу и обеспечит нашу победу над любым врагом, предоставив новое мощное средство ведения войны в это опасное время.

**«Морское базирование»:
объединенная оперативная независимость**

Оперативная гибкость была и остается основой успеха в военном деле. Морское базирование является основой защиты и нападения — делая

морской удар и морской щит реальностью. Поскольку потенциальный противник стремится овладеть или владеет ОМП, возникает необходимость снизить уязвимость ВС США посредством расширения количества безопасных мобильных морских баз, сопоставимых по качеству и уровню обеспечения береговым базам.

Влияние морского базирования:

- создание предварительных условий для немедленного размещения сил;
- объединение всех видов обеспечения ВМС;
- максимальное международное сотрудничество для создания благоприятного режима для развертывания и базирования наших сил;
- способность к быстрому оперативному маневру;
- уменьшение до минимума оперативной зависимости от береговой инфраструктуры.

Возможности морского базирования:

- пространственное распределение объединенных сил на море;
- совмещение ударной и оборонительной мощи;
- объединенное командование и управление;
- объединенное материально-техническое обеспечение;
- своевременное и ускоренное развертывание сил.

Будущие технологии морского базирования:

- объединенное руководство морским базированием;
- возможность переброски тяжелой техники;
- возможность быстрой транспортировки сил и средств по театру боевых действий;
- новые способы вертикальной доставки;
- объединенное МТО;
- размещение личного состава на ротационной основе;
- международная сеть распределения средств обеспечения.

Последовательность действий морского базирования:

- использовать (везде, где можно) преимущества сил морского базирования;
- развивать новые технологии с целью уменьшения эксплуатационных расходов;

- исследовать новые концепции и платформы.

Сеть рассредоточенных морских баз будет состоять из многочисленных платформ, включая атомные авианосцы, многоцелевые эсминцы, подводные лодки со спецназом для мощной поддержки объединенных действий. Морское базирование ускоряет развертывание экспедиционных сил, подготавливая США к решительным действиям в период кризиса. Стратегические морские перевозки будут иметь главное значение и играть решающую роль во время крупного прибрежного конфликта. Для решения этой задачи будут построены новые быстроходные транспорты, которым не обязательно заходить в порт для разгрузки. В результате их использования мы достигнем значительно большей свободы оперативного маневра силами.

Операции в 21 веке достигнут большей эффективности благодаря ускоренному развитию сил и средств объединенного материально-технического обеспечения. Морское базирование сил МТО должно дать нам возможность повысить их боевую устойчивость и свободу оперативного маневра. Этому должны способствовать все программы ВМС. В итоге произойдет переход от берегового базирования к морскому!

Единая сеть объединенных сил: FN

FN служит связующим составом, соединяющим морской удар, морской щит и морское базирование. Это оперативная конструкция и архитектурный остов для войны на море в век информатики. Эта конструкция соединяет воинов, сенсоры, командование и управление, платформы и вооружение в единые боевые силы. FN представляет собой общий каркас для объединения систем, функций и задач. Он позволяет наиболее полно распределить боевую мощь.

Факторы FN:

- объединение в одно целое воинов, сенсоров, командования и управления, платформы и вооружения;
- быстрое и правильное решение;
- единые знания для доминирования на боевом пространстве.

Возможности FN:

- единое командование и управление;
- динамичная и разветвленная сеть ЭВМ.

Используя общую систему, FN развивает до совершенства объединенные возможности. Сюда входят информационная обработка и функции команды и управления; сплав разведки, наблюдения и исследования для быстрого нацеливания и маневрирования. FN также делает акцент на человеческий фактор в процессе развития передовых технологий. Сегодня происходит процесс создания единой сети оперативного управления силами от замысла к выполнению. Основное внимание будет сосредоточено на объединении существующей сети датчиков, системы командования и контроля.

Всеобъемлющая концепция действий (ВКД)

Для защиты жизненных интересов США мы должны своевременно предотвратить, обнаружить и устранить любые угрозы — как региональные, так и транснациональные. «Морская мощь-21» будет осуществлена через всеобъемлющую концепцию действий, которая обеспечит (нашу) нацию широко распределенной в пространстве боевой мощью, сконцентрированной на различных боевых платформах. Именно ВКД будет способна рассредоточить боевую ударную мощь, создав дополнительные независимые оперативные группы, действующие по всему миру. Эта повышенная боевая мощь возможна благодаря новинкам технологии, в корне меняющим потенциал наших боевых кораблей, самолетов, создающим большой боевой эффект.

Воздействие ВКД:

- широко распространенная и полностью разветвленная боевая мощь для обеспечения объединенных операций;
- улучшенная маневренность и реагирование;
- целенаправленность: реакция на кризисы и решительную победу.

В итоге наши ВМС смогут реагировать одновременно на широкий спектр конфликтов по всему миру.

Для этого ВКД использует гибкую структуру, включающую:

- АУГ — авианосные ударные группы, обеспечивающие полный круг оперативных

возможностей и поддерживающих боевую мощь ВМС;

- ЭУГ — экспедиционные ударные группы, состоящие из десантных дежурных групп, подкрепленных надводными и подводными кораблями. Данные группы осуществят задачи морского удара в менее угрожающей обстановке. Разрабатываемые для ЭУГ новые платформы будут предназначены для реализации более мощного боевого потенциала;
- ГБК — группы боевых кораблей ПРО, которые улучшат международную стабильность, обеспечив безопасность союзникам и объединенным силам на берегу;
- специально модифицированные пл «Трай-дент», которые обеспечат всеобъемлющую боевую мощь своими крылатыми ракетами;
- современный передовой эшелон судов снабжения с повышенной возможностью.

Для ВКД требуется флот из 375 кораблей, что повысит нашу ударную мощь за счет ее пространственного расширения с нынешних 12 боевых авианосных групп (из сил быстрого реагирования) до 12 АУГ, 12 ЭУГ, многочисленных ГБК ПРО

и подводных ракетносцев. Эти группы будут действовать независимо по всему миру для противодействия транснациональным угрозам. Они будут сформированы в экспедиционные ударные силы — «золотой образец» военно-морской мощи.

Этот флот 21 века сможет немедленно противостоять неожиданной угрозе, возникшей с любой точки мира. ВКД повысит ударную мощь и маневренность. Мы развиваем Морской удар, Морской щит и Морское базирование через обеспечение триады организационных процессов: Морской опыт, Морской воин и Морскую предприимчивость. Эти инициативы позволят ускорить развитие боевых способностей флота.

Морской опыт: процесс нововведений

Наши противники стремятся найти новые и эффективные методы борьбы с нами. Чтобы опередить наших врагов, мы должны быстро осуществить концепцию и ускорить технологическое развитие — так можно быстрее повысить возможности наших моряков. ВМС начинают с флота, морской опыт тоже. Командующий

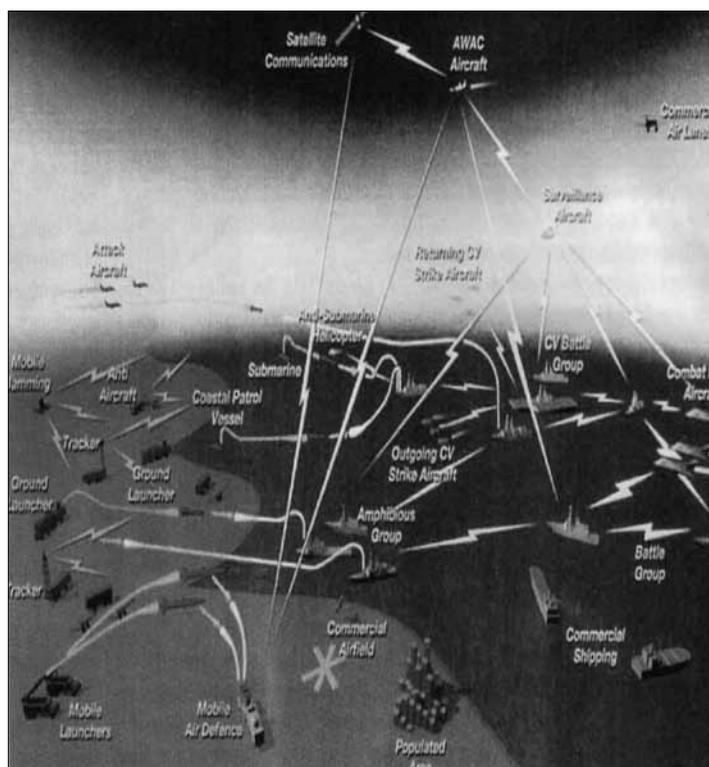

Рис. 4. Действия «Флот» против «Берега» в рамках стратегии «Морская мощь-21»

и командование ВМС США выступят в роли исполнительного представителя по Морскому опыту. Вместе с командующими 2-го и 3-го флотов он будет отвечать за развитие Морского удара, Морского щита и Морского базирования. Командование ВМС по военным разработкам (NWDC) будет согласовывать морские испытания, и отвечать непосредственно Командующему, командованию ВМС США. Работа непосредственно с флотами, центрами по развитию технологий, научными кругами NWDC способствует ускоренному развитию новых идей и технологий. Процесс морских испытаний поднимет боевые способности флота благодаря эффективным стараниям тысяч талантливых и энергичных экспертов (военных и гражданских), служащих в ВМС. Работая вместе, они воплотят «Морскую мощь 21» в реальную жизнь.

Воздействие Морского опыта:

- непрекращающийся процесс нововведений;
- ускоренное развитие идей и технологий;
- улучшенное соотношение штаба/флота.

Воздействие Морского воина:

- постоянный профессиональный рост и развитие;
- улучшенный отбор и классификация;
- интерактивная, стимулированная система назначений;
- сильно воздействующие учения.

Воздействие Морской предприимчивости:

- большая эффективность;
- отказ от несущественных функций;
- войсковая реорганизация;
- усиленные капиталовложения в боевой потенциал.

Морской воин: Финансовая поддержка личного состава

Программа Морского воина должна привести к повышению качества службы, росту профессионализма наших людей. Она будет основой боевой эффективности благодаря повышению мастерства (где это необходимо и в нужное время). Данная программа будет заниматься подготовкой профессионалов — высококлассных мастеров, необходимых для успешного выполнения задач. Руководить программой будут начальники Управления по личному

составу и командование по образовательной и боевой подготовке. Традиционно наши корабли полагались на большие экипажи, что позволяло выполнять определенные задачи. Сегодня у нас идет процесс развития новых возможностей и платформ с целью достичь новых высот в технологии и сокращения личного состава. Экипажи современных боевых кораблей представляют собой команды высококлассных специалистов, совместно владеющих сложнейшими системами в мире. По мере сокращения экипажей мы все больше будем нуждаться в высокообразованных и опытных моряках. Ключом к достижению нового образа (ВМС) является массовое приобщение наших людей к долгосрочному обучению. Чтобы начать революционные изменения в обучении/подготовке, в июле 2001 г. была организована программа «Эксель ОС» (TASK FORCE EXCEL — совершенство через обязательство к образованию и обучению). Это приведет к преобразованиям в технологии, системах и платформах флота завтрашнего дня. Наша цель — ускорить профессиональный рост наших моряков, улучшить их обучение и личные качества. Другим важным шагом к Морскому воину является проект «Сейл» (пропаганда через интерактивное управление). Данный проект ведет ВМС вперед к интерактивной и прогрессивной системе, включающей данные о работе в сети Интернет, информационных центрах и работу с высококлассным персоналом. Это позволит нашим морякам сделать правильное решение при выборе их будущей карьеры. Наша конечная цель — создать ВМС, где все от матроса до высшего офицера подготовлены и обучены самым современным образом для полного выполнения своих задач.

Морская предприимчивость. Ресурсы будущего флота

Одна из важнейших задач нынешнего времени — это поиск и сбор средств для рекапитализации ВМС. Мы должны заменить наследство «холодной» войны более современными датчиками, вооружением, платформами и сетью ЭВМ, чтобы повысить нашу боеспособность, выявить и поразить противников. Ключом к этому является Морская предприимчивость, руководимая первым заместителем начальника штаба ВМС. Морскую предприимчивость вовлечены штаб ВМС, флот. Морская предприимчивость позволяет улучшить организационный порядок, пересмотреть действующие требования для того,

чтобы приобрести все необходимое для трансформирования наших ВМС. Оперативное превосходство считается в ВМС наивысшим приоритетом, а усиленная боевая подготовка направлена на повышение уровня тактического мастерства. Очень важно, что наши командиры понимают всю значимость деловых навыков. Поэтому мы создаем сеть образовательных услуг для обучения наших командиров деловому руководству, навыкам в бизнесе и финансовом деле, информационных технологиях. Реализуемый на практике план объединения тактической авиации ВМС и морской пехоты сэкономит миллиарды долларов, усилит оперативную совместимость и более полно объединит усилия наших людей. Примерами интеграции служб могут служить Программа глубоководных объединных систем Береговой охраны, объединенные опыты ВС США на высокоскоростных судах или новая единая разведывательная структура, объединенная с силами морской пехоты. Работа по интеграции должна не просто продолжаться, она должна быть расширена. Благодаря Морской предприимчивости сэкономленные средства сыграют важную роль в трансформировании ВМС в 21 веке, где это будут новые силы с повышенной боевой мощью.

Продвижение вперед

21 век можно четко обрисовать как время нестабильности и конфликтов. В этом непредсказуемом мире ВС будут востребованы для защиты от разного рода угроз. «Морская мощь-21» — это наше представление того, как нацелить, организовать, объединить и трансформировать наши ВМС в соответствии с грядущими изменениями. Это потребует от нас долгой и напряженной работы для достижения цели. Она, глобальная по масштабам, требует полного единения в выполнении и полной отдачи в деле трансформирования. В этой работе усиливаются и расширяются важные составные — удар на дальнем расстоянии, всеохватывающая разведка и наблюдение, маневренная экспедиционная война и легкие наземные войска — все это должно создать максимальную боевую мощь единой команды. «Морская мощь-21» использует нынешние ударные силы новым образом; она даст возможность быстро продемонстрировать наши большие боевые возможности любому противнику. Большие боевые способности с моря можно проявить трояко:

Морской удар — увеличенная мощь с использованием единой сети датчиков, боевых систем и воинов. Все это составит сильный атакующий удар сил морского базирования;

Морской щит — глобальная гарантированная защита, дающая возможность доступа к прибрежным водам и обеспечивающая оборону вглубь территории противника;

Морское базирование — повышенная оперативная независимость и обеспечение объединенных сил.

Большие возможности «Морской мощи-21» усилят доминирующее положение наших объединенных сил на боевом пространстве 21 века, значительно повысят потенциал Америки, для того чтобы: защитить друзей, разоблачить врагов и одержать над ними победу — везде и всегда.

Выводы

1. Доклад адмирала В. Кларка является озвучиванием давно известных идей доминирования морской мощи в разрешении глобальных и региональных кризисов. В начале 21 века их актуальность подтверждена реалиями сложившейся новой геополитической обстановки, новыми целями, новой технологией, которые предусматривают значительное изменение форм и способов решения задачи силового продвижения национальных интересов США.
2. Доклад в полной мере отражает слова: «Если можешь сделать — делай!!» Именно этим принципом руководствуется командование ВМС США при создании новых образцов военной техники, в полной мере привлекая для этого опыт флотских офицеров, ученых и промышленности в области авиации, надводного и подводного кораблестроения.
3. Концепция является результатом организованного, хорошо скоординированного процесса аналитического осмысления потребностей государства, самостоятельно определившего свою роль и место (главный полицейский) в решении мировых проблем на 21 век. В своей основе он базируется на результатах практической реализации «Модели развития ВМС США до 2035 года».
4. Новая концепция также в полной мере отражает главный постулат национальной стратегии США на 21 век: «Кто доминирует в Мировом океане, тот доминирует в Мировой

торговле; кто доминирует в Мировой торговле, тот самый богатый в Море; кто самый богатый в Море, тот доминирует в Космосе; кто доминирует в Космосе, тот управляет событиями в Море».

История имеет свойство повторяться и жестоко наказывать тех, кого не устраивают или

кто забывает ее уроки, — любая, пусть даже профессиональная, но плохо вооруженная и обмундированная, полуголодная и неустроенная в быту армия, состоящая из плохо обученных солдат и офицеров, хороша лишь для парадов. При любом более-менее серьезном столкновении с врагом она обречена на неудачу.

ТОЛПЕГИН О. А.

КОСМИЧЕСКИЕ АППАРАТЫ СВЕРХМАЛОГО КЛАССА

Космические аппараты находят широкое коммерческое применение особенно в таких сферах, как спутниковая связь, навигация и дистанционное зондирование Земли. Одним из наиболее перспективных направлений развития космической техники является создание и применение сверхмалых космических аппаратов (СМКА). Актуальность создания СМКА объясняется, прежде всего, относительно невысокой стоимостью и непродолжительным сроком их разработки (2–20 млн. долларов США за 2–4 года), возможностью установки на них в качестве полезной нагрузки сложной научной аппаратуры (многофункциональное оборудование, оптические системы). Сравнительно невысокая стоимость СМКА достигается следующими мерами:

- применение серийно производимых электронных компонентов;

- простота конструкции, что существенно снижает затраты на их проектирование и изготовление;
- возможность использования относительно недорогой испытательной аппаратуры;
- создание аппарата малочисленными коллективами.

К преимуществам применения СМКА можно также отнести возможность их выведения на орбиту в качестве попутного груза, что обеспечивает относительно невысокую стоимость запуска.

Малые космические аппараты появились еще в 60-е годы XX века. Первый искусственный спутник Земли «ПС-1» (простейший спутник), выведенный на орбиту 04.10.1957 г. (СССР), весил 83,6 кг. Первый американский спутник (31.01.1958 г.) «Эксплорер-1» имел массу 4,8 кг. Существовавший тогда уровень технологий не

Открытие Международной конференции по проекту «TEMPUS» «CRIST» в мае 2010 года в БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

Совещание в БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова в сентябре 2009 года

позволял решать широкий круг задач малыми космическими аппаратами. В настоящее время СМКА имеют широкую область применения:

- установление и поддержание связи, метеорологические наблюдения, навигация, изучение и наблюдение земной поверхности;
- отработка новых технологий;
- проведение научных экспериментов и испытание сложных систем в космическом пространстве;
- проведение уникальных и сложных химических, биологических, медицинских и других экспериментов в условиях глубокого вакуума.

Кроме этого СМКА могут использоваться в образовательном процессе, учебно-лабораторных экспериментах.

Таблица 1

Тип спутника	Масса, кг	Габаритные размеры, м	Ориентировочная стоимость (с учетом запуска), млн долл. США
Малые	До 1000	До 3	До 180
Мини-	От 100 до 500	Более 1	От 15 до 40
Микро-	От 10 до 100	От 0,5 до 1	От 4 до 8
Нано-	От 1 до 10	До 0,4	От 0,4 до 2
Пико-	От 0,1 до 1	До 0,2	До 0,4
Фемто-	Менее 0,1	До 0,1	До 0,4

В таблице 1 указаны основные характеристики СМКА.

Обычно микроспутники состоят из платформы и полезной нагрузки. Платформа представляет собой комплекс систем, связанных конструкцией в отдельное изделие, обеспечивающих функционирование полезной нагрузки и СМКА в целом. Использование унифицированной платформы позволяет сократить сроки и стоимость разработки СМКА. Платформа разрабатывается под класс микроспутников и обычно включает следующие основные системы и элементы:

- система ориентации и стабилизации спутника;
- система управления аппаратурным комплексом;
- система телеметрического контроля;
- система энергообеспечения;
- система терморегулирования;
- двигательная установка;
- бортовая кабельная сеть;
- антенно-фидерные устройства;
- корпус и его элементы.

Чем меньше размеры СМКА, тем меньше полезная нагрузка и количество решаемых задач. Первые микроспутники на новой элементной базе появились в начале 80-х годов XX века. Микроспутник «UOSat-1» был разработан компанией «SSTL» при Университете Суррей в Великобритании, затем к выпуску спутников подключились американские университеты и Берлинский технический университет.

В настоящее время многие университеты серийно производят научно-исследовательские и образовательные микроспутники. Например, Берлинский технический университет изготавливает микроспутники серии «TubSAT». Они запустили уже восемь спутников, вес последнего 1 кг, объем — 1 кубический дециметр. В России тоже с успехом реализуется несколько научно-образовательных программ и проектов молодежных спутников — «Бауманец» (МГТУ им. М. Э. Баумана), «Татьяна» (МГУ им. М. В. Ломоносова), «Можаяец» (Академия им. А. Ф. Можайского), «Юбилейный» (Сибирский государственный аэрокосмический университет).

К университетским микроспутникам, как правило, предъявляются менее жесткие требования, в частности, допускается использование экспериментальных и не сертифицированных для работы в космосе образцов приборов, оборудования и комплектующих; в системах связи используется радиосвязь в широкодоступном радиоловительском диапазоне.

Ниже представлены фото некоторых микроспутников:

- спутник «AAUCUBESAT» — Дания;
- японский спутник «STEN SAT»;
- спутник МГТУ им. Баумана — «Бауманец»;
- спутник «Татьяна» Московского университета;
- наноспутник Берлинского технического университета.

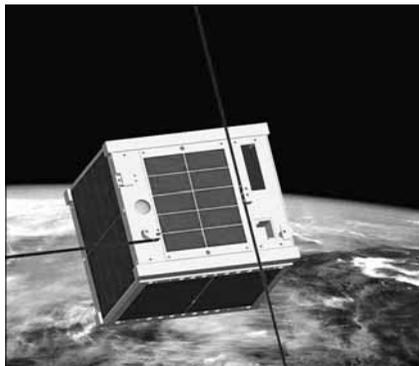
В настоящее время БГТУ «ВОЕНМЕХ» принимает участие в реализации Международного проекта «TEMPUS» «CRIST». В проекте принимают участие технические университеты Европы (Институт авиации и космонавтики Берлинского технического университета, Бельгийский Институт инжиниринга «De Naeyer» университета «Lessius», Институт бизнеса и управления нидерландского университета «Fontys»), Российские университеты (Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С. П. Королева,

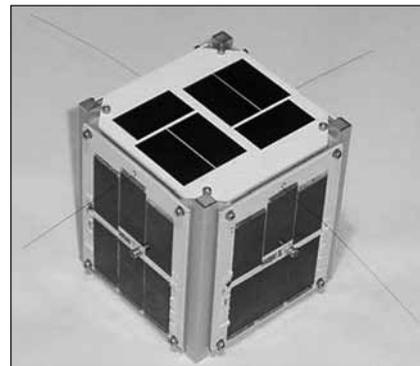
Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева и наш университет), Украинские университеты (Днепропетровский национальный университет, Национальный аэрокосмический университет им. Н. Е. Жуковского «Харьковский авиационный институт», Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт») и два университета из Казахстана (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева и Карагандинский государственный технический университет). Задачей проекта является разработка учебных планов подготовки бакалавров и магистров по специальностям «Проектирование малых космических аппаратов», «Космическая связь» и «Международный космический менеджмент», а также организация вычислительного класса для проектирования микроспутников на базе «CAD/CAM/CAE» технологий, класса сборки

и настройки микроспутников и радиостанции для связи с микроспутниками. Проект финансируется Евросоюзом. В процессе выполнения проекта состоялись рабочие совещания в ряде университетов, участников проекта. На фото 1 и 2 представлены участники совещания в БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова в сентябре 2009 г., а на фото 3 показан момент открытия там же Международной конференции по проекту «TEMPUS» «CRIST» в мае 2010 г. Проект открыт и для других университетов и организаций.

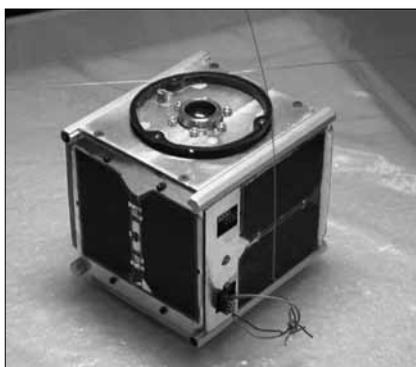
За микроспутниками — большое будущее космонавтики, поэтому подготовка бакалавров и магистров по их проектированию является актуальной современной задачей для нашего вуза. И я уверен, что мы сможем реализовать все наши планы и задумки в этом направлении.

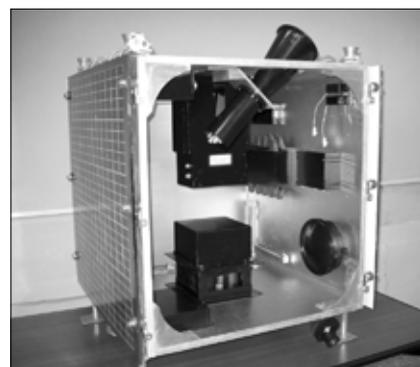
Cubenwe –
Университет Токио

Sten Sat –
наноспутник

AAU cubesat
(Ун-тет Дания)

Baumanets
(Ун-тет Баумана)

Е. С. БЕЛУКОВА ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ

Становление и формирование Шанхайской организации сотрудничества обусловлено рядом объективных причин: во-первых, необходимостью обеспечения стабильности и безопасности в Евразийском регионе с акцентом на стабильность в Центральной Азии; во-вторых, потребностью в новой форме разнопланового сотрудничества между странами-сосеями; в-третьих, перспективой формирования альтернативного мирового полюса и создания новой устойчивой планетарной конструкции.

Стабильность в регионе Центральной Азии с точки зрения истории и геополитики традиционно являлась залогом безопасности на всем Евразийском континенте, а политическое влияние в данном регионе, в свою очередь, позволяло оказывать воздействие на мировую политику в целом. Такой подход находит отражение в работах известного английского геополитика Х. Дж. Маккиндера. Согласно Маккиндеру в центре Евразийского континента находится сосредоточение континентальных масс Евразии — «сердце мира» или «heartland». «Heartland», в свою очередь, является наиболее благоприятным географическим плацдармом для контроля над всем миром. Свои воззрения Маккиндер озвучил еще в 1904 г. и тогда к «сердцу мира» географически он относил территорию Российской империи, а в своих более поздних работах — СССР. На сегодняшний день «heartland» представляет собой территорию Российской Федерации и ее соседей на Юго-Востоке [4].

Формирование новых государств на

постсоветском пространстве в 1990-е годы проходило на фоне общей нестабильности в регионе. Молодые государства оказались не готовы к вызовам нового времени: терроризму, экстремизму и сепаратизму, а также неконтролируемой миграции и проблемам наркотрафика, которые угрожали не только их собственному суверенитету, но и ситуации в соседних странах, прежде всего в России и Китае [3. С. 35]. Возникла необходимость создания эффективного механизма для противодействия новым угрозам, а именно региональной организации, которая стала бы форумом для совместного обсуждения существующих проблем и ареной для принятия решений. В этом качестве и выступает сегодня Шанхайская организация сотрудничества, предшественником которой являлся форум «Шанхайская пятерка».

Прежде чем приступить к совместному регулированию накопившихся вопросов, государствам Центральной Азии предстояло разрешить ряд двусторонних претензий. Прежде всего, к таким проблемам стоит отнести территориальные и пограничные вопросы. Наибольшие разногласия существовали на тот момент между Россией и Китаем.

Для того чтобы определить суть российско-китайских территориальных претензий, необходимо совершить исторический экскурс. Первые контакты между русскими княжествами и Китаем относятся предположительно еще к XIII в. За такой большой исторический период двусторонних отношений между соседствующими странами не раз возникали спорные территориальные и пограничные ситуации. Однако, по сути,

первое юридическое оформление территориально-пограничных вопросов имело место только в XVII в., с подписанием Нерчинского договора в 1689 г. Нерчинский мирный договор стал первым двусторонним договором о российско-китайской границе и торговле. Договор был подписан в завершении вооруженного конфликта между сторонами, в результате которого Россия была вынуждена сделать ряд территориальных уступок в пользу Китая. В первую очередь речь шла о землях по верхнему Амуру. Китай, в свою очередь, взял на себя обязательства не заселять территорию на левом берегу Амура. Именно эти территории в дальнейшем и становились предметом пограничных российско-китайских разногласий.

Стоит отметить, что Нерчинский договор был весьма несовершенным: текст договора на русском, маньчжурском и латинском языках не был идентичным, делимитация границы была произведена на невысоком уровне, а демаркация не была произведена вовсе, географические ориентиры были, в свою очередь, неясными, а обмен картами так и не состоялся.

Очередной договор между Россией и Китаем, касающийся территориальных аспектов, был подписан только в 1727 г. Подписанием трактата завершился переговорный процесс по пограничному вопросу, согласно которому российско-китайская граница проходила к западу от реки Аргуни (правая составляющая Амура) до Шабин-Дабага.

Следующим двусторонним российско-китайским договором о границе стал Айгуньский договор, подписанный в мае 1858 г. По мнению российской стороны, этот договор восстановил нейтральное положение в Приамурье, нарушенное при подписании Нерчинского договора. Левый берег Амура признавался собственностью России, а Уссурийский край оставался в общем владении впредь до определения границы.

Айгуньский договор был существенно расширен подписанием в 1858 г. Тяньзиньских трактатов и Пекинского трактата в 1860 г. Поскольку земли от Усури до моря так и не были разграничены, Россия направила в Китай группу дипломатов для разрешения этого вопроса. Российско-китайская граница была проведена по китайскому берегу реки Амура, Усури, а также протоку Казакевича. В результате перечисленные реки официально закреплялись за российской стороной. Стоит отметить, что некоторое несовершенство Пекинского договора легло в основу дальнейших пограничных конфликтов России и

Китая в XX в. Водное пространство и прилегающие острова не были разграничены Пекинским договором, линия границы сложилась исторически и на некоторых участках продолжала быть оспариваемой Китаем.

Наиболее значительным российско-китайским пограничным конфликтом XX в. можно считать конфликт на острове Даманском в 1969 г. Согласно международному праву границы по рекам проводятся строго по фарватеру, однако при подписании Пекинского договора граница была проведена по китайскому берегу в пользу России. Все острова на реке были закреплены за СССР. После образования КНР такая ситуация мешала дружественному добрососедству стран и являлась предметом беспокойства в китайских политических кругах. С обострением отношений, вызванным недовольством политикой Хрущева в КНР, обстановка в пограничном регионе обострялась. Китайские граждане нарушали пограничный режим и пересекали границу без соответствующих документов и санкций. Советские пограничники по обыкновению выдворяли нарушителей без применения оружия. Однако китайские крестьяне демонстративно продолжали переходить границу и заниматься хозяйственной деятельностью, утверждая, что находятся на китайской земле. Число таких случаев насчитывало сотню, а количество человек исчислялось уже тысячами. Участились нападения на советский патруль на границе. КНР же, наоборот, утверждала, что это российская сторона устраивала провокации, а крестьяне, в свою очередь, работали на тех землях, где всегда это делали исторически.

В феврале 1969 г. советские пограничные войска, сконцентрированные в районе границы, все же сделали несколько одиночных автоматных выстрелов в направлении погранотрядов Китая. В итоге конфликт перерос в открытое вооруженное противостояние. В марте китайские войска заняли позиции на острове Даманском. В результате вооруженных действий и последующих переговоров остров фактически перешел к Китаю (официальная юридическая принадлежность была закреплена лишь в 1991 г.). Переговорный процесс по границе так и не был завершен, а переговоры возобновлены лишь после раскола СССР.

Важно отметить, что в конце существования Советского Союза его лидеры проводили политическую линию, направленную на восстановление добрососедских взаимоотношений с Китаем. Таким образом, процесс, начавшийся

еще в первой половине 1980-х годов, к началу последнего десятилетия XX века в целом завершился. Это потепление в двусторонних отношениях дало почву для проведения переговоров и по пограничным вопросам. В апреле 1990 г. между Москвой и Пекином было подписано «Соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы». В рамках данного документа стороны приняли на себя обязательства по сокращению военного контингента в районе границы и определили конкретные виды вооруженных сил, подлежащих упразднению. В мае 1991 г. СССР и КНР подписали «Соглашение о советско-китайской государственной границе на ее восточной части». Согласно данному соглашению граница была зафиксирована по фарватеру судоходных рек, а для несудоходных по середине реки.

После распада Советского Союза и становления на его территории новых государств Китаю предстояло разрешить не только территориальные споры с новой Россией, но и с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве. В сентябре 1994 г. между Москвой и Пекином было подписано «Соглашение о российско-китайской государственной границе на ее западной части». Переговоры о сокращении вооружения вдоль границ велись уже Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном с одной стороны и КНР с другой стороны. Были продолжены и переговоры о западной части границы с Китаем, которую унаследовали и бывшие советские республики. В результате этого между государствами-участниками было подписано несколько соглашений: «Об укреплении доверия в военной области в районе границы» (1996 г.) и «О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» (1997 г.). Стороны обязались не проводить учения, направленные против друг друга, ограничить учения в целом и приглашать на проводимые учения наблюдателей, а также сократить вооруженные силы в зоне 100 километров по обе стороны границы и не размещать на данных участках корабли ВМФ. В 2001 г. подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве ознаменовало отсутствие взаимных территориальных претензий, а кроме того провозглашена приверженность международно-правовым принципам территориальной неприкосновенности государственных границ. Переговоры по разрешению вопросов о прохождении линии российско-китайской

границы на еще не согласованных участках были продолжены. До окончательного разрешения этих вопросов на данных участках был сохранен статус-кво.

Вопрос о российско-китайской границе окончательно был закрыт во время визита Президента Российской Федерации В. Путина в Китай в октябре 2004 г. и подписанием министрами иностранных дел двух стран «Дополнительного соглашения о российско-китайской границе на ее восточной части».

Территориальные вопросы между Китаем и Республикой Казахстан были разрешены подписанием основного соглашения (апрель 1994 г.) и дополнений к нему (1997 и 1998 гг.). В 1999 г. в совместном коммюнике обе стороны заявили об абсолютном разрешении территориальных вопросов. В дополнении к этому в мае 2002 г. в Пекине был подписан Протокол о демаркации китайско-казахской границы.

Пограничный вопрос между Китаем и Киргизией был разрешен в двустороннем соглашении о границе 1996 г. и в дополнительном соглашении 1999 г. Нерешенным оставался вопрос о точке стыка государственных границ трех стран: Китая, Киргизии и Казахстана. Соответствующее соглашение было заключено в августе 1999 г. Таким образом, вопросы прохождения границы между бывшими республиками СССР и КНР были в целом урегулированы.

Решение пограничных вопросов закрепило намерение России, Китая и ряда государств Центральной Азии взять курс на сближение, который на определенном этапе, а именно в начале XX в., был инициирован параллельно с решением территориальных разногласий.

Идея создания «Шанхайской пятерки» была официально озвучена в апреле 1996 г. во время встречи глав России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана в Шанхае. 26 апреля было подписано соглашение между странами, в рамках которого стороны обязались не проводить учения в пограничной зоне, в которых другая сторона представлялась бы потенциальным противником, приглашать друг друга на свои учения, информировать друг друга о важных военных мероприятиях, а также укреплять дружественные контакты между пограничными войсками. Помимо подписания «Соглашения об укреплении мер военного доверия» было принято важное решение проводить встречи между государствами ежегодно. В соответствии с местом проведения механизм встреч получил название «Шанхайская пятерка».

В апреле 1997 г. члены «Шанхайской пятерки» собрались во второй раз. На этой встрече было подписано еще одно соглашение между государствами о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Стороны подтвердили свои намерения отказаться от стремления к доминированию по количеству военного контингента в районе границы. В рамках соглашения максимальная численность сухопутных войск, ВВС и ВМС ПВО на глубину на расстоянии 100 км от линии границы не должна была превышать 130 тыс. 400 человек.

После этих двух встреч в пограничных вопросах была поставлена точка. Изменился и формат форума. Если раньше встречи проходили по двустороннему принципу: Россия, Киргизия, Таджикистан и Казахстан с одной стороны, КНР с другой стороны, то отныне каждая из пяти стран выступала отдельно. Расширились и границы форума. Помимо военных вопросов стороны преступили к обмену мнениями по самому широкому кругу политических вопросов.

«Шанхайская пятерка» проводила свои встречи также в 1998 г. в Алма-Ате, в 1999 г. в Бишкеке и в Душанбе в 2000 г. По прошествии этих многочисленных встреч для всех участников форума стало очевидно, что потенциал совместного сотрудничества должен быть перенесен в более широкую плоскость. Еще на саммите в Бишкеке появилось понимание того, что необходимо развивать новые механизмы совместной работы. В результате было принято решение, что между государствами будут проводиться встречи на уровне министерств, а также среди экспертных групп в разных областях. Со временем возник институт национальных координаторов, выдвигаемых каждой страной. Таким образом, был заложен каркас новой международной организации.

В 2001 г. очередная встреча «Шанхайской пятерки» вновь состоялась в Шанхае. На шанхайском саммите в ряды «Шанхайской пятерки» был принят Узбекистан. Тогда и было принято решение переименовать «Шанхайскую пятерку» в «Шанхайскую организацию сотрудничества» и утвердить тем самым создание новой региональной организации. В декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества страны — участницы нового образования еще раз подчеркнули важность данного стратегического решения: «...в условиях динамичного развития процессов политической многополярности, экономической и информационной глобализации в

XXI в. перевод механизма «Шанхайской пятерки» на более высокий уровень сотрудничества будет способствовать более эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противостоянию новым угрозам» [2].

Цели Шанхайской организации сотрудничества были также утверждены в декларации о создании организации. К основным целям деятельности организации были отнесены: «укрепление между государствами — участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства, поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» [2].

Вышеперечисленные цели и принципы Шанхайской организации сотрудничества отвечали реалиям времени и остаются актуальными и в настоящий момент. Однако не стоит забывать, что толчком для создания организации послужила еще одна геополитическая причина.

Центральноазиатский регион исторически являлся привлекательным для западных стран по причине его природных богатств и уникального расположения. Традиционно Центральная Азия представляла наибольший интерес для США. Геополитические интересы США в центральноазиатском регионе и на Евразийском континенте в целом были четко сформулированы американским политическим деятелем Збигневом Бжезинским в книге «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы» в 1997 г. Бжезинский охарактеризовал Евразию как «главный геополитический приз для Америки» [1. С. 43]. Согласно Бжезинскому, главной целью американского присутствия в Каспийском регионе является установление полного контроля над Центральной Азией. Чтобы достичь цели, Вашингтону необходимо нейтрализовать российское влияние в регионе, а также противодействовать образованию тесных связей и каких-либо коалиций между центрально-азиатскими государствами. Для США «задача заключается в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств не обладает потенциалом, необходимым для того, чтобы... в значительной степени

снизить решающую роль США в качестве мирового арбитра» [1. С. 235].

Стоит признать, что после распада СССР с сопутствующим поражением в «холодной войне». Россия осталась на обочине международной политической жизни. Восстановить прежние позиции на постсоветском пространстве, а именно в Центральной Азии, стало приоритетным направлением внешней политики РФ и признаком возрождения российской политической мощи в мире. Для противодействия устоявшемуся американскому влиянию в регионе необходимо было искать новую форму взаимоотношений с соседями на Юго-востоке. Такой формой и стала Шанхайская организация сотрудничества.

В конце XX – начале XXI вв. в мире установилась политическая однополярность во главе с США. Необходимость формирования альтернативного мирового полюса трезво оценивалась не только в Москве, но и в Пекине. Китай, географическое положение которого не позволяло оставаться в стороне от развития ситуации в Центральной Азии, не приветствовал растущий вес Вашингтона в регионе и выступал, как и Россия, за формирование нового мирового центра и прекращение эры господства национальных интересов одного государства. Этот фактор также послужил толчком к созданию Шанхайской организации сотрудничества и усилил заинтересованность Москвы и Пекина в «шанхайском сближении».

В заключение хотелось бы обратить внимание на вышеупомянутую целевую задачу, поставленную в декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества: «построение нового

демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» [2]. Как представляется, это заявка на формирование новой модели мира XXI столетия, качественно альтернативной западной модели и, возможно, идущей ей на смену.

Примечания

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998. — 256 с.
2. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sectso.org/RU/show.asp?id=83>
3. *Сыроежкин К. А.* Китай: военная безопасность. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. — 62 с.
4. *Hee R.* World Conquest: The Heartland Theory of Halford J. Mackinder [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mindef.gov.sg/safti/pointer/back/journals/1998/vol24_3/8.htm

ИНСТИТУТ ГЕОПОЛИТИКИ ПРОФЕССОРА ДЕРГАЧЕВА

Дергачев Владимир Александрович, русский геополитик, географ-экономист, публицист, профессор, доктор географических наук. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления.

Автор более 600 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 40 книг, в том числе в киевском издательстве ВИРА-Р: Геополитика (2000); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); в московском издательстве ЮНИТИ-ДАНА: Геополитика (2004); Регионоведение (2004, 2010 в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005, 2007, 2008); Глобалистика (2005), Геополитика. Избранные труды в пяти книгах (Электронное издание на CD, 2008). Научные труды в семи книгах (Электронное издание на CD, 2008). Геополитический словарь-справочник (Киев: КНТ, 2009). Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика. Собрание трудов в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009). Более подробные биографические и другие сведения о профессоре Дергачеве размещены на персональном сайте www.dergachev.farlep.net

Аналитический и образовательный портал «Институт геополитики профессора Дергачева» www.dergachev.ru является частным сетевым проектом в русском сегменте Интернета. Его главная просветительская цель — формирование геополитического (аналитического) мышления. Материалы портала позволяют познакомиться с разрабатываемой ученым геополитической теорией Больших многомерных пространств, его мировоззрением и новыми публикациями, а также расширить кругозор геополитического мышления.

На портале размещены авторские учебники по традиционной, новой и новейшей геополитике,

глобалистике, международным экономическим отношениям, регионоведению и др. С 2010 года начал реализовываться проект «Геополитической энциклопедии» <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html>. На Портале в журнале «Геополитика. Геоэкономика. Геофилософия» публикуются аналитические доклады и циклы статей профессора Дергачева по актуальным проблемам.

Портал предназначен для политиков, деловых людей, преподавателей вузов и школ, студентов, для всех не безразличных к судьбе отечества.

Администратор портала:
admin@dergachev.ru

СОЛОВЕЦКИЙ ФОРУМ-2011 «ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ»

Уважаемые коллеги!

Академия геополитических проблем, Северный (Арктический) федеральный университет, Научно-образовательный центр «Институт Арктики» при поддержке Министерства промышленности, транспорта и связи правительства Архангельской области, Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника (Соловки) приглашают принять участие в работе **Соловецкого форума-2011 — общероссийской конференции с международным участием по геополитическим проблемам Арктики.**

Тема форума: «Геополитика Арктики». Соловецкий форум будет проходить **1, 2, 3 июня 2011 года в городе Архангельске и на Соловецких островах в Белом море.**

На форуме предполагается **обсуждение следующих проблем:**

1. Современное геополитическое и геоэкономическое арктическое пространство — «Арктика-XXI» и Север России. Судьба приарктических государств в глобальном социуме, их арктические стратегии.
2. Великий передел Арктики в XX–XXI веках. Интернационализация арктического макрорегиона: сильные и слабые стороны, угрозы и возможности.
3. Арктическая солидарность — за и против.
4. Арктика для России, других приарктических государств и всего мира: борьба за природные ресурсы, континентальный шельф; международно-правовое разрешение конфликтных ситуаций.
5. Милитаризация Арктики, проблемы геополитической безопасности приарктических государств. Военно-оборонные вызовы для России.
6. Российская Арктика: социально-экономические проблемы, стратегии, сценарии и проекты развития; региональная политика, качество жизни населения.
7. Правовое обеспечение развития стратегически важного для России Арктического региона, основные направления деятельности «Экспертного совета по Арктике» при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.
8. Социокультурное, духовно-цивилизационное пространство Арктики. Народы Севера — носители культурных традиций общей циркумполярной цивилизации.
9. Соловки как культурно-цивилизационный центр Арктического региона и всей России.
10. Экология Арктики. Международно-правовые проблемы очищения «арктической свалки», ядерной и радиационной безопасности.

Открытие Соловецкого форума состоится в зале заседаний администрации Архангельской области (Троицкий пр., 49) 2 июня 2011 года.

Информационная поддержка: сайт «Арктика и Север» НОЦ «Институт Арктики» — <http://arctic-and-north.com>; Северный (Арктический) федеральный университет — <http://narfu.ru/university>, а также аналитический и научно-практический журнал «Геополитика и безопасность» (главный редактор — вице-президент Академии геополитических проблем, проф. **И. Ф. Кефели**, www.geobez.com)

Рабочая программа форума:

- 01.06.2011 – Заезд участников из России и других стран
- 02.06.2011 – Первый день работы форума в г. Архангельске
- 03.06.2011 – Работа форума, экскурсионная программа на Соловецких островах.
- 03–04.06.2011 – Отъезд участников из г. Архангельска

Участие в Соловецком форуме:

- заочное — представление и публикация статьи, научного доклада в электронном журнале «Арктика и Север» и сборнике материалов Соловецкого форума;
- очное — непосредственное участие в работе форума и + публикация материалов.

Публикация аннотации текста доклада (научной статьи) до начала форума и полного текста статьи, доклада после проведения форума проводится бесплатно на сайте «Арктика и Север». Возможна публикация материалов сборника Соловецкого форума «Геополитика Арктики» и публикация статей в журнале «Геополитика и безопасность» (включен в список рецензируемых изданий и журналов ВАК РФ). В соответствии с постановлением правительства РФ № 227 от 20 апреля 2006 года (пункт 11) работы, опубликованные в материалах международных и общероссийских конференций, засчитываются ВАК РФ при защите диссертаций.

Расходы: проживание, питание, транспортное и экскурсионное обслуживание при очном участии в Соловецком форуме за счет направляющей стороны.

Просим Вас направить **контактную информацию о себе** в электронном виде:

Извещение о согласии принять участие в Соловецком форуме по указанным адресам: iuprk@pomorsu.ru; mba@pomorsu.ru.

Авторскую справку на русском и английском языках: *фамилия, имя, отчество полностью, место работы или учебы, ученые степени и звания, приоритетные темы исследований, контактный телефон, факс, почтовый адрес, e-mail + свое фото.*

Тему статьи, доклада с краткой аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языках (до 1 страницы) **до 15 марта 2011 года.**

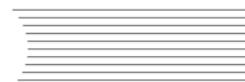
Срок предоставления полного текста докладов, статей (объем до 1 п. л.) в электронном виде в ходе проведения форума 1–4 июня 2011 года.

Контактная информация:

Институт управления и регионологии, НОЦ «Институт Арктики», ВШДА
Попова Наталья Алексеевна: тел./факс (8-8182) 650522; iuprk@pomorsu.ru
Перхурова Мария Геннадьевна (8-8182) 211273; mba@pomorsu.ru;

Председатель оргкомитета Соловецкого форума-2011
 «Геополитика Арктики», ректор Северного (Арктического)
 университета, доктор философских наук, профессор Е. В. Кудряшова (rector@narfu.ru)

Руководитель проекта, директор Института управления и регионологии,
 НОЦ «Институт Арктики», доктор исторических наук,
 профессор Ю. Ф. Лукин (ylyukin@atnet.ru)

ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР БГТУ «ВОЕНМЕХ»

29 сентября с. г. Ученый Совет Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» вручил диплом почетного доктора БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова доктору исторических наук, профессору, президенту Академии геополитических проблем, генерал-полковнику Леониду Григорьевичу Ивашову. В приветственном слове ректор БГТУ профессор К. М. Иванов отметил, что А. Г. Ивашов прошел большой жизненный путь. После окончания Ташкентского высшего общевоинского командного училища им. В. И. Ленина в 1964 г. он прошел все ступени служебного роста и в 33 года был назначен (декабрь 1976 г.) старшим адъютантом Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова. Несмотря на занятость на столь ответственном посту, А. Г. Ивашов, по инициативе Д. Ф. Устинова, подготовил и защитил в 1983 г. в Институте военной истории МО СССР кандидатскую диссертацию на тему «Достижение военно-технического превосходства в годы Великой Отечественной войны».

1 января 1980 г. А. Г. Ивашов назначается начальником секретариата Министра обороны СССР, а в 1987 г. — начальником Управления делами Министерства обороны СССР. В 1992–96 гг. А. Г. Ивашов занимал пост секретаря Совета министров обороны стран СНГ, а в октябре 1996 г. был назначен начальником Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. Работа в этой должности инициировала Леонида Григорьевича заняться проблемой эволюции геополитического развития России. Почти за 5 лет службы в должности начальника ГУ МВС генерал-полковник Ивашов посетил с визитами 58 стран мира. Задачей его было изучить во всех подробностях традиции, быт, внешнюю и внутреннюю политику страны, состояние ее вооруженных сил, экономику и социальную

сферу, чтобы иметь возможность выстраивать переговорную тактику. Понимание военных аспектов международного сотрудничества формировало представление о мироустройстве, которое, в свою очередь, позволяло ему двигаться дальше в осознании новых геополитических реалий. В 1998 г. А. Г. Ивашов защищает докторскую диссертацию. Главное, что было вынесено им на защиту, — это формула мироустройства, какой она видится в настоящее время, место и роль России в этом мироустройстве. Идеи, сформулированные в диссертации, положили начало разработке концепции геополитического континентального союза (ШОС), основу которого, по его мнению, могли бы составить 4 государства, представляющие различные цивилизации, — Россия, Индия, Китай, Иран. В июне 2001 г. А. Г. Ивашов был уволен в запас до истечения срока воинской службы. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени, «За заслуги перед Отечеством» III степени, многими медалями СССР и РФ, орденами и медалями иностранных государств.

Профессором А. Г. Ивашовым изданы монографии «Россия и мир в новом тысячелетии» (1999), «Россия или Московия» (2002), «Хоронить не спешите Россию» (2003), поэтический сборник «И тем я горд, что — русский генерал...» (2003), опубликовано более 700 статей в различных изданиях. Он — организатор научных конференций во многих городах нашей страны; постоянно выступает в телевизионных передачах. А. Г. Ивашов — частый гость нашего Университета, его лекции и выступления вызывают огромный интерес у студентов и сотрудников.

После вручения диплома и мантии почетного доктора А. Г. Ивашов выступил с актовой лекцией, текст которой публикуется в данном номере журнала.

Ю. Ф. Жуков

Слева направо:
Л. Г. Ивашов с врученным ему дипломом «Почетного доктора БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова»,
за кафедрой — М. Н. Охочинский, К. М. Иванов

На лекции

Л. Г. Ивашов выступает с лекцией

Хор Университета исполняет «Gaudeamus igitur»

«РОССИЯ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МИРА XXI СТОЛЕТИЯ» (КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ)

8–9 октября 2010 г. в Челябинске состоялась международная научная конференция «Россия – геополитический центр мира XXI столетия», организаторами которой выступили Челябинское отделение Академии геополитических проблем, Московский государственный лингвистический университет и Южно-Уральский государственный университет. Поддержку конференции оказала Администрация Челябинской области. Основными докладчиками выступили не только представители организаторов конференции, но также ученые из Ирана, Ирака, Монголии, Таджикистана. Активное участие приняли студенты и аспиранты, многие из которых выступили с докладами и сообщениями. Были представлены различные научные направления и школы.

Общая направленность докладов и дискуссий была достаточно четкой:

1. Что представляет собой мир XXI столетия, каковы тенденции и перспективы развития человеческой цивилизации?
2. Каково место и роль России в формирующемся новом мироустройстве?

Анализу геополитической ситуации, складывающейся в начале XXI века, были посвящены доклады президента Академии геополитических проблем д. и. н. Л. Г. Ивашова, первого вице-президента АГП д. в. н. К. В. Сивкова, д. п. н. Н. А. Комлевой, д. п. н. Г. М. Майтдиновой, к. э. н. А. Г. Кима, аспирантки МГЛУ Л. Печищевой, студентки МГЛУ А. Лавреновой.

Вывод, к которому подвели аудиторию докладчики, таков: мир XXI века будет кардинально отличаться от мира XX столетия, поскольку главными субъектами мировых исторических процессов становятся не только государства, но также транснациональные сообщества и мировые цивилизации. Именно между ними и будет разворачиваться глобальное противоборство.

Д. э. н. В. В. Воложанин, священнослужитель РПЦ (к. ф. н.) А. А. Островский, студентка МГЛУ Е. Коркова, выпускница МГЛУ 2010 г. Е. Титенок исследовали геополитический потенциал России и выявили, что она обладает самым высоким геополитическим потенциалом на планете, качественный скачок в развитии которого ожидают с надеждой, по крайней мере, 6 из 8 мировых цивилизаций. Такой вывод прозвучал также в выступлениях д. э. н. доктора Аббаса Халафа (Ирак), д. э. н. Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэва (Монголия), д. п. н. Майтдиновой Г. М. (Таджикистан), представителя МИД Ирана профессора Б. Амирахмадиана.

Тематика докладчиков конференции при общей геополитической направленности была многообразной в плане выбранных для исследования проблем. Например, раскрытие понятия геополитического потенциала России было предложено с позиций экономического (А. Г. Ким), демографического (Е. Титенок), военно-стратегического (К. В. Сивков) и культурно-цивилизационного (к. ф. н. Островский А. А., к. с. н. Д. Ш. Халидов, А. Клименко) подходов. Красной нитью через многие выступления прошла мысль о том, что

духовные ресурсы — мощный потенциал для сохранения цивилизационной самобытности. Фактор духовного укрепления и религии был ключевым в докладах к. ф. н. А. А. Островского, А. Клименко, к. с. н. Д. Ш. Халидова, к. ф. н. М. Г. Смирнова.

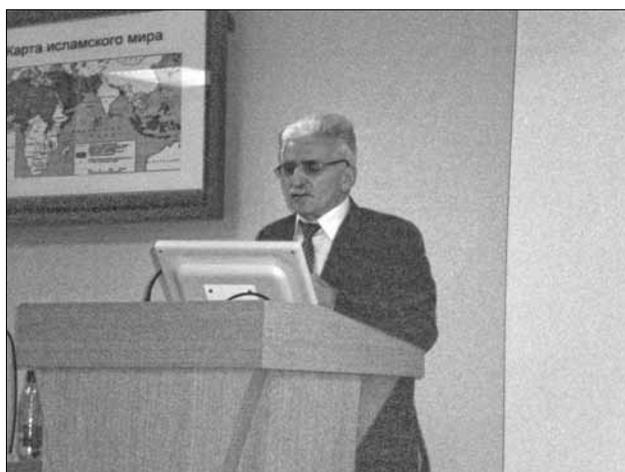
Следует отметить, что, исходя из выступлений докладчиков, проблема национальной безопасности России созвучна таким проблемам, как демография (Е. Титенок), воспитание молодёжи (А. Сёмкина), сетевые войны (д. п. н. Комлева Н. А.), процессы модернизации (д. п. н. Яшкова Т. А.). В контексте тематики конференции предметом геополитического анализа

стали следующие внешнеполитические векторы России:

1. Треугольник «Россия – Индия – Германия» (аспирантка МГЛУ Л. Печищева);
2. Южное направление (выпускница МГЛУ 2010 г. А. Сарксян);
3. БРИК (студентка МГЛУ А. Лавренова);
4. Ближний Восток (доктор Аббас, профессор Б. Амирахмадиан).

Конференция прошла в острых дискуссиях и была завершена успешно.

А. Клименко

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

16 октября 2010 г. в БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова состоялась Третья научно-практическая конференция «Инновационные технологии и технические средства специального назначения», в которой приняли участие более 150 участников из 18 городов Российской Федерации, представлявших различные ведомства, организации, фирмы, учебные заведения. Пленарное заседание открыл первый проректор-проректор по научной и инновационной деятельности проф. Ю. В. Загашвили.

На секциях были рассмотрены конкретные вопросы разработки специальной техники, методик, комплексных испытаний и эксплуатации. Широко обсуждалась тема конкурентного системного мониторинга (КСМ), который позволяет объективно оценить перспективность того или иного направления, разумно и легитимно использовать достижения конкурентов, количественно и качественно сравнивать конкретные объекты и т. д. В решении конференции было зафиксировано, что «ВОЕНМЕХ» является тем ВУЗом, который в состоянии готовить специалистов-системотехников в этом направлении.

Ярко прозвучали междисциплинарные доклады, которые показали ряд очень перспективных технических решений. В частности, большой интерес вызвала презентация НПП «Иста» (Санкт-Петербург) оригинальной технологии использования потенциальной энергии сжатого газа для широкого спектра технических задач (запуск беспилотных летательных аппаратов, спасательная техника и т. п.) В целом конференция выполнила свои задачи и привела к стимулированию серии новых НИОКР, научно-технологической и учебно-методической кооперации.

*С. В. Москвин,
доцент, к. т. н.*

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ СОКРАЩЕНИЮ И ОГРАНИЧЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ 8 АПРЕЛЯ 2010 ГОДА

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, ниже именуемые Сторонами,

считая, что глобальные вызовы и угрозы требуют новых подходов к взаимодействию по всему спектру их стратегических отношений,

работая в этой связи над упрочением новых стратегических отношений, основанных на взаимном доверии, открытости, предсказуемости и сотрудничестве,

желая привести свою ядерную политику в соответствие с этими новыми отношениями и стремясь к дальнейшему снижению роли и значения ядерного оружия,

будучи приверженными выполнению своих обязательств по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года и достижению исторической цели избавления человечества от ядерной угрозы,

выражая решительную поддержку предпринимаемым в глобальном масштабе усилиям в области нераспространения,

стремясь сохранить преемственность поэтапного процесса сокращения и ограничения ядерных вооружений и придать ему новый импульс в условиях поддержания сохранности и безопасности своих ядерных арсеналов, а также с целью расширения этого процесса в будущем, включая придание ему многостороннего характера,

руководствуясь принципом неделимой безопасности и будучи убежденными, что меры по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений и другие обязательства,

изложенные в настоящем Договоре, укрепят предсказуемость и стабильность и, таким образом, безопасность обеих Сторон,

признавая наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающую важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений и то, что нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений Сторон,

учитывая влияние МБР и БРПА в обычном оснащении на стратегическую стабильность,

принимая во внимание позитивное воздействие на ситуацию в мире значительного поддающегося контролю сокращения ядерных арсеналов, осуществленного на рубеже XXI столетия,

желая создать механизм контроля за выполнением обязательств по настоящему Договору, адаптированный, упрощенный и менее затратный по сравнению с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года, ниже именуемым Договором о СНВ,

признавая, что Договор о СНВ был выполнен Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Российской Федерацией, Украиной и Соединенными Штатами Америки и что предусмотренные Договором о СНВ уровни сокращений были достигнуты, высоко оценивая вклад

Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины в дело ядерного разоружения и укрепления международного мира и безопасности в качестве государств, не обладающих ядерным оружием по Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года,

приветствуя выполнение Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 24 мая 2002 года, договорились о нижеследующем:

Статья I

1. Каждая из Сторон сокращает и ограничивает свои стратегические наступательные вооружения в соответствии с положениями настоящего Договора и выполняет другие обязательства, изложенные в настоящем Договоре и Протоколе к нему.

2. Определения терминов, используемых в настоящем Договоре и Протоколе к нему, приводятся в Главе первой Протокола.

Статья II

1. Каждая из Сторон сокращает и ограничивает свои МБР и пусковые установки МБР, БРПЛ и пусковые установки БРПЛ, тяжелые бомбардировщики, боезаряды МБР, боезаряды БРПЛ и ядерные вооружения тяжелых бомбардировщиков таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу настоящего Договора и

в дальнейшем суммарные количества, подсчитываемые в соответствии со Статьей III настоящего Договора, не превышали:

- а) 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков;
- б) 1550 единиц для боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками;
- с) 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков.

2. Каждая из Сторон имеет право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений.

Статья III

1. Для целей засчета в суммарный предельный уровень, предусмотренный в подпункте а) пункта 1 Статьи II настоящего Договора:

- а) каждая развернутая МБР засчитывается как одна единица;
- б) каждая развернутая БРПЛ засчитывается как одна единица;
- с) каждый развернутый тяжелый бомбардировщик засчитывается как одна единица.

2. Для целей засчета в суммарный предельный уровень, предусмотренный в подпункте б) пункта 1 Статьи II настоящего Договора:

- а) применительно к МБР и БРПЛ — количеством боезарядов является количество боеголовок, установленных на развернутых МБР и на развернутых БРПЛ;
- б) за каждым развернутым тяжелым бомбардировщиком засчитывается один ядерный боезаряд.

3. Для целей засчета в суммарный предельный уровень, предусмотренный в подпункте с) пункта 1 Статьи II настоящего Договора:

- а) каждая развернутая пусковая установка МБР засчитывается как одна единица;
- б) каждая неразвернутая пусковая установка МБР засчитывается как одна единица;
- с) каждая развернутая пусковая установка БРПЛ засчитывается как одна единица;
- д) каждая неразвернутая пусковая установка БРПЛ засчитывается как одна единица;
- е) каждый развернутый тяжелый бомбардировщик засчитывается как одна единица;
- ф) каждый неразвернутый тяжелый бомбардировщик засчитывается как одна единица.

4. Для целей настоящего Договора, в том числе засчета МБР и БРПЛ:

- а) применительно к МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются в виде собранных ракет в пусковых контейнерах, собранная ракета определенного типа в ее пусковом контейнере рассматривается как МБР или БРПЛ этого типа;
- б) применительно к МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются в виде собранных ракет без пусковых

контейнеров, собранная ракета определенного типа рассматривается как МБР или БРПЛ этого типа;

с) применительно к МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются по ступеням, первая ступень МБР или БРПЛ определенного типа рассматривается как МБР или БРПЛ этого типа;

д) каждый пусковой контейнер рассматривается как содержащий МБР или БРПЛ с того момента, когда он впервые покидает объект, на котором в него установлена МБР или БРПЛ, до того момента, когда из него был осуществлен пуск МБР или БРПЛ, или до того момента, когда из него была удалена МБР или БРПЛ с целью ликвидации. Пусковой контейнер не рассматривается как содержащий МБР или БРПЛ, если он содержит учебную модель ракеты или если он был включен в стационарную экспозицию. Пусковые контейнеры МБР или БРПЛ определенного типа должны быть отличимы от пусковых контейнеров МБР или БРПЛ другого типа.

5. Вновь построенные стратегические наступательные вооружения начинают подпадать под действие настоящего Договора в следующем порядке:

а) МБР — когда она впервые покидает объект по производству;

б) мобильная пусковая установка МБР — когда она впервые покидает объект по производству;

с) шахтная пусковая установка МБР — когда впервые установлена и закрыта защитная крыша шахты;

д) БРПЛ — когда она впервые покидает объект по производству;

е) пусковая установка БРПЛ — когда подводная лодка, на которой установлена эта пусковая установка, впервые спущена на воду;

ф) тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений, — когда его планер впервые выводится из цеха, предприятия или здания, в котором производятся целые планеры путем сборки компонентов такого тяжелого бомбардировщика; или когда его планер впервые выводится из цеха, предприятия или здания, в котором существующие планеры бомбардировщиков переоборудуются в планеры таких тяжелых бомбардировщиков.

6. МБР, БРПЛ, пусковые установки МБР, пусковые установки БРПЛ и тяжелые бомбардировщики перестают подпадать под действие настоящего Договора в соответствии с Главами третьей и четвертой Протокола к настоящему Договору. МБР или БРПЛ существующего типа перестают подпадать под действие настоящего Договора в случае, если все пусковые установки МБР или БРПЛ типа, предназначенного для таких МБР или БРПЛ, ликвидированы или переоборудованы в соответствии с Главой третьей Протокола к настоящему Договору.

7. Для целей настоящего Договора:

а) ракета типа, созданного и испытанного исключительно для перехвата объектов и борьбы с объектами, не находящимися на поверхности Земли, не рассматривается как баллистическая ракета, на которую распространяются положения настоящего Договора;

б) в рамках одного и того же типа тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений, должен быть отличим от тяжелого бомбардировщика, оснащенного для неядерных вооружений;

с) тяжелые бомбардировщики одного и того же типа перестают подпадать под действие или ограничения настоящего Договора, когда последний тяжелый бомбардировщик этого типа, оснащенный для ядерных вооружений, соответственно, ликвидирован или переоборудован в тяжелый бомбардировщик, оснащенный для неядерных вооружений, в соответствии с Главой третьей Протокола к настоящему Договору.

8. На дату подписания настоящего Договора:

а) существующими типами МБР являются:

i) для Соединенных Штатов Америки — Минитмен-II, Минитмен-III и «Пискипер»;

ii) для Российской Федерации — РС-12М, РС-12М2, РС-18, РС-20 и РС-24;

б) существующими типами БРПЛ являются:

i) для Российской Федерации — РСМ-50, РСМ-52, РСМ-54 и РСМ-56;

ii) для Соединенных Штатов Америки — Трайдент-II;

с) существующими типами тяжелых бомбардировщиков являются:

i) для Соединенных Штатов Америки — В-52G, В-52H, В-1В и В-2А;

- ii) для Российской Федерации — ТУ-95МС и ТУ-160;
- d) существующими типами пусковых установок МБР и пусковых установок БРПЛ являются:
- i) для Российской Федерации — пусковые установки МБР РС-12М, РС-12М2, РС-18, РС-20, РС-24; пусковые установки БРПЛ РСМ-50, РСМ-52, РСМ-54 и РСМ-56;
- ii) для Соединенных Штатов Америки — пусковые установки МБР Минитмен-II, Минитмен-III и «Пискипер»; пусковые установки БРПЛ Трайдент-II.

Статья IV

1. Каждая из Сторон базирует:

- a) развернутые пусковые установки МБР только на базах МБР;
- b) развернутые тяжелые бомбардировщики только на авиационных базах.

2. Каждая из Сторон устанавливает развернутые пусковые установки БРПЛ только на подводных лодках, оснащенных пусковыми установками БРПЛ.

3. Каждая из Сторон размещает:

- a) неразвернутые пусковые установки МБР только на базах МБР, объектах по производству, в местах загрузки МБР, в местах ремонта, местах складского хранения, местах переоборудования или ликвидации, местах обучения, на испытательных полигонах и в местах запуска космических объектов. Мобильные пусковые установки прототипов МБР не размещаются на объектах по обслуживанию баз МБР;
- b) неразвернутые МБР и неразвернутые БРПЛ, соответственно, только на базах подводных лодок, в местах загрузки МБР или БРПЛ, на объектах по обслуживанию, местах ремонта МБР или БРПЛ, местах складского хранения МБР или БРПЛ, местах переоборудования или ликвидации МБР или БРПЛ, на испытательных полигонах, в местах запуска космических объектов и на объектах по производству. Однако прототипы МБР и прототипы БРПЛ не размещаются на объектах по обслуживанию баз МБР или на базах подводных лодок.

4. Неразвернутые МБР и неразвернутые БРПЛ, а также неразвернутые мобильные пусковые установки МБР могут находиться в пути следования.

Каждая из Сторон ограничивает каждое пребывание в пути следования между объектами сроком, не превышающим 30 дней.

5. Пусковые установки МБР или БРПЛ, предназначенные для испытаний, могут находиться только на испытательных полигонах.

6. Пусковые установки, предназначенные для обучения, могут находиться только на базах МБР, в местах обучения и на испытательных полигонах. Количество шахтных пусковых установок, предназначенных для обучения, которые находятся на каждой базе МБР для шахтных пусковых установок МБР, не превышает одну единицу для каждого типа МБР, указанного для этой базы МБР.

7. Каждая из Сторон ограничивает тяжелые бомбардировщики, предназначенные для испытаний, количеством, не превышающим 10 единиц.

8. Каждая из Сторон базирует тяжелые бомбардировщики, предназначенные для испытаний, только в центрах летных испытаний тяжелых бомбардировщиков. Неразвернутые тяжелые бомбардировщики, не являющиеся тяжелыми бомбардировщиками, предназначенными для испытаний, находятся только в местах ремонта или на объектах по производству тяжелых бомбардировщиков.

9. Каждая из Сторон не осуществляет на авиационной базе совместное базирование тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для ядерных вооружений, и тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для неядерных вооружений, если только Сторонами не согласовано иное.

10. Стратегические наступательные вооружения не размещаются на ликвидированных объектах, кроме как при их перемещении через такие объекты и при временном пребывании тяжелых бомбардировщиков на таких объектах.

11. Стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора, не базируются за пределами национальной территории каждой из Сторон. Предусмотренные в настоящем пункте обязательства не затрагивают прав Сторон в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в отношении прохода подводных лодок или полетов летательных аппаратов, либо в отношении заходов подводных лодок в порты третьих государств. Тяжелые бомбардировщики могут временно размещаться за пределами национальной территории, о чем предоставляется уведомление

в соответствии с Главой четвертой Протокола к настоящему Договору.

Статья V

1. С учетом положений настоящего Договора могут производиться модернизация и замена стратегических наступательных вооружений.

2. Когда, по мнению одной Стороны, появляется новый вид стратегического наступательного вооружения, эта Сторона имеет право поднять вопрос о таком стратегическом наступательном вооружении для рассмотрения в Двусторонней консультативной комиссии.

3. Каждая из Сторон не переоборудует и не использует пусковые установки МБР и пусковые установки БРПЛ для размещения в них противоракет. Каждая из Сторон также не переоборудует и не использует пусковые установки противоракет для размещения в них МБР и БРПЛ. Данное положение не применяется к пусковым установкам МБР, которые до подписания настоящего Договора были переоборудованы для размещения в них противоракет.

Статья VI

1. Переоборудование, ликвидация или исключение из зачета другими способами стратегических наступательных вооружений и объектов осуществляются в соответствии с Главой третьей Протокола к настоящему Договору.

2. Уведомления, касающиеся переоборудования, ликвидации или исключения из зачета другими способами, предоставляются в соответствии с Главами третьей и четвертой Протокола к настоящему Договору.

3. Контроль за переоборудованием или ликвидацией в соответствии с настоящим Договором осуществляется:

а) с помощью национальных технических средств контроля в соответствии со Статьей X настоящего Договора; и

б) путем инспекционной деятельности, как это предусмотрено в Статье XI настоящего Договора.

Статья VII

1. База данных, относящихся к обязательствам по настоящему Договору, создается в соответствии с Главами второй и четвертой Протокола к настоящему Договору. Категории данных такой базы данных приводятся в Главе второй Протокола к настоящему Договору.

2. Каждая из Сторон уведомляет другую Сторону об изменениях в данных и предоставляет другие уведомления в порядке, предусмотренном Главой четвертой Протокола к настоящему Договору.

3. В целях предоставления и получения уведомлений каждая из Сторон использует Центры по уменьшению ядерной опасности, если только в настоящем Договоре не предусмотрено иное.

4. Каждая из Сторон на добровольной основе, помимо уведомлений, указанных в пункте 2 настоящей Статьи, может предоставлять дополнительные уведомления, если она сочтет, что они необходимы для обеспечения уверенности в выполнении принятых по настоящему Договору обязательств.

5. Стороны проводят консультации в рамках Двусторонней консультативной комиссии по вопросу о предании огласке данных и информации, полученных при осуществлении настоящего Договора. Стороны имеют право предавать огласке такие данные и информацию после согласования этого вопроса в рамках Двусторонней консультативной комиссии. Каждая из Сторон имеет право предавать огласке данные относительно своих стратегических наступательных вооружений.

6. Географические координаты, относящиеся к данным, предусмотренным в Главе второй Протокола к настоящему Договору, собственные опознавательные знаки, схемы объектов, предоставленные Сторонами согласно настоящему Договору, а также схемы береговых линий и акваторий, предоставленные Сторонами согласно настоящему Договору, не предаются огласке, если только Сторонами не согласовано иное в рамках Двусторонней консультативной комиссии.

7. Независимо от пункта 5 настоящей Статьи суммарные количества развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков, суммарные количества боезарядов на развернутых МБР, развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками, а также суммарные количества развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков могут предаваться огласке Сторонами.

Статья VIII

В тех случаях, когда одна из Сторон определяет, что ее действия могут привести к неясным ситуациям, эта Сторона принимает меры для обеспечения жизнеспособности и эффективности настоящего Договора и в целях укрепления доверия, открытости и предсказуемости в отношении сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений. Такие меры могут включать, среди прочего, заблаговременное предоставление информации о деятельности этой Стороны, которая связана с развертыванием или повышением готовности стратегических наступательных вооружений, с тем, чтобы предотвратить возможность неправильного истолкования ее действий другой Стороной. Эта информация предоставляется по дипломатическим или иным каналам.

Статья IX

По взаимному согласию Сторон на паритетной основе осуществляется обмен телеметрической информацией о пусках МБР и БРПЛ. Стороны согласуют объем обмена такой телеметрической информацией.

Статья X

1. В целях обеспечения контроля за соблюдением положений настоящего Договора каждая из Сторон обязуется:

- а) использовать имеющиеся в ее распоряжении национальные технические средства контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права;
- б) не чинить помех национальным техническим средствам контроля другой Стороны, выполняющим свои функции в соответствии с настоящей Статьей; и
- в) не применять меры маскировки, затрудняющие осуществление контроля за соблюдением положений настоящего Договора национальными техническими средствами контроля.

2. Обязательство не применять меры маскировки включает обязательство не применять их на испытательных полигонах, включая меры, приводящие к сокрытию МБР, БРПЛ, пусковых установок МБР или взаимосвязи между МБР или БРПЛ и их пусковыми установками при проведении испытаний. Обязательство не применять меры маскировки не распространяется на практику укрытия или маскировки на базах МБР или на применение укрытий для защиты

стратегических наступательных вооружений от воздействия атмосферных явлений.

Статья XI

1. В целях подтверждения точности заявленных данных о стратегических наступательных вооружениях, подпадающих под действие настоящего Договора, и обеспечения контроля за соблюдением положений настоящего Договора каждая из Сторон имеет право осуществлять инспекционную деятельность в соответствии с настоящей Статьей и Главой пятой Протокола к настоящему Договору.

2. Каждая из Сторон имеет право проводить инспекции на базах МБР, базах подводных лодок и на авиационных базах. Целью таких инспекций является подтверждение точности заявленных данных о количествах и типах развернутых и неразвернутых стратегических наступательных вооружений, подпадающих под действие настоящего Договора; количестве боезарядов, размещенных на развернутых МБР и развернутых БРПЛ; а также количестве ядерных вооружений, размещенных на развернутых тяжелых бомбардировщиках. Такие инспекции ниже именуются инспекциями первого типа.

3. Каждая из Сторон имеет право проводить инспекции на объектах, перечисленных в Разделе VII Главы пятой Протокола к настоящему Договору. Целью таких инспекций является подтверждение точности заявленных данных о количествах, типах и технических характеристиках неразвернутых стратегических наступательных вооружений, подпадающих под действие настоящего Договора, а также подтверждение факта переоборудования или ликвидации стратегических наступательных вооружений. В дополнение к этому каждая из Сторон имеет право проводить инспекции на ранее заявленных объектах, которые предусмотрены в Главе второй Протокола к настоящему Договору, для подтверждения того, что такие объекты не используются в целях, несовместимых с настоящим Договором. Инспекции, предусмотренные в настоящем пункте, ниже именуются инспекциями второго типа.

4. Каждая из Сторон проводит показы и имеет право принимать участие в показах, проводимых другой Стороной. Целью таких показов является демонстрация отличительных признаков и подтверждение технических характеристик новых типов, демонстрация результатов переоборудования первого средства каждого

типа стратегических наступательных вооружений, подпадающих под действие настоящего Договора.

Статья XII

Для содействия осуществлению целей и положений настоящего Договора Стороны настоящим создают Двустороннюю консультативную комиссию, полномочия и процедуры деятельности которой изложены в Главе шестой Протокола к настоящему Договору.

Статья XIII

В целях обеспечения жизнеспособности и эффективности настоящего Договора каждая из Сторон не принимает никаких международных обязательств и не предпринимает никаких международных акций, которые противоречили бы его положениям. Стороны не передают третьим сторонам стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора. Стороны проводят консультации в рамках Двусторонней консультативной комиссии для разрешения любых неясных моментов, которые могут возникнуть в этом отношении. Настоящее положение не распространяется на какую бы то ни было существующую на момент подписания настоящего Договора практику сотрудничества, включая обязательства, в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством.

Статья XIV

1. Настоящий Договор, включая Протокол к нему, который является его неотъемлемой частью, подлежит ратификации в соответствии с конституционными процедурами каждой из Сторон. Настоящий Договор вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

2. Настоящий Договор остается в силе в течение 10 лет, если только он не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Если любая из Сторон поднимает вопрос о продлении настоящего Договора, Стороны совместно его рассматривают. Если Стороны решат продлить настоящий Договор, он продлевается на срок не более пяти лет, если только он не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений.

3. Каждая из Сторон в порядке осуществления

своего государственного суверенитета имеет право выйти из настоящего Договора, если она решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее высшие интересы. Она уведомляет другую Сторону о принятом ею решении. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые уведомляющая Сторона рассматривает как поставившие под угрозу ее высшие интересы. Настоящий Договор прекращает свое действие по истечении трех месяцев с даты получения упомянутого уведомления другой Стороной, если в уведомлении не указан более поздний срок.

4. Настоящий Договор с даты его вступления в силу заменяет Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 24 мая 2002 года, который с этой даты прекращает свое действие.

Статья XV

1. Каждая из Сторон может предлагать поправки к настоящему Договору. Согласованные поправки вступают в силу в соответствии с процедурами, регулирующими вступление в силу настоящего Договора.

2. Если возникнет необходимость внесения изменений в Протокол к настоящему Договору, которые не затрагивают прав и обязательств по настоящему Договору, касающихся вопросов существа, Стороны используют для согласования таких изменений Двустороннюю консультативную комиссию, не прибегая к процедуре внесения поправок, изложенной в пункте 1 настоящей Статьи.

Статья XVI

Настоящий Договор регистрируется в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Совершено в Праге «08» апреля 2010 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

ЗА РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

ЗА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ПРЕЗИДЕНТ Д. А. МЕДВЕДЕВ

ПРЕЗИДЕНТ Б. ОБАМА

<http://www.kremlin.ru/>

ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ СОКРАЩЕНИЮ И ОГРАНИЧЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

(ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

Согласно Статье I Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, ниже именуемого Договором, Стороны настоящим соглашаются о следующих положениях относительно осуществления Договора.

Настоящий Протокол состоит из десяти глав.

Глава первая — Термины и их определения: содержит определения терминов, которые используются в Договоре и настоящем Протоколе.

Глава вторая — Категории данных в отношении стратегических наступательных вооружений: содержит категории данных в отношении средств, подпадающих под действие Договора.

Глава третья — Процедуры переоборудования или ликвидации: содержит процедуры, регулирующие переоборудование, ликвидацию или исключение из зачета другими способами стратегических наступательных вооружений и объектов.

Глава четвертая — Уведомления: содержит перечень уведомлений, предусмотренных в Статье VII Договора.

Глава пятая — Инспекционная деятельность: содержит положения, регулирующие осуществление инспекционной деятельности, предусмотренной в Статье XI Договора.

Глава шестая — Двусторонняя консультативная комиссия, ниже именуемая ДКК: содержит положения, регулирующие деятельность ДКК, созданной согласно Статье XII Договора.

Глава седьмая — Телеметрическая информация: содержит процедуры, связанные с выполнением обязательств относительно телеметрической информации согласно Статье IX Договора.

Глава восьмая — Временное применение: регулирует вопросы временного применения отдельных положений Договора и настоящего Протокола.

Глава девятая — Согласованные заявления: содержит согласованные заявления относительно Договора и настоящего Протокола.

Глава десятая — Заключительные положения: содержит общие положения, применимые к настоящему Протоколу.

Глава первая — Термины и их определения

Для целей Договора и настоящего Протокола:

1. (1.) Термин «авиационная база» означает объект, на котором базируются развернутые тяжелые бомбардировщики и обеспечивается их эксплуатация.
2. (63.) Термин «автономный блок разведения» означает устройство, которое отделяется от последней ступени ракеты вместе с головной частью и которое автономно осуществляет наведение и отделение боеголовки или боеголовок и средств преодоления обороны.
3. (27.) Термин «база МБР» означает: а) применительно к мобильным пусковым установкам МБР — район, в котором находятся один или более районов базирования и один связанный с ними объект по обслуживанию; б) применительно к шахтным пусковым установкам МБР — район, в котором находятся одна или более групп шахтных пусковых установок МБР и один связанный с ними объект по обслуживанию.
4. (76.) Термин «база подводных лодок» означает объект, на котором базируются подводные лодки, оснащенные пусковыми установками БРПЛ, а также подводные лодки, которые ранее были оснащены пусковыми установками БРПЛ, но после переоборудования не способны осуществлять пуски БРПЛ, и на котором осуществляется береговое обеспечение

таких подводных лодок, которое может включать сборку, загрузку, обслуживание и складское хранение БРПЛ.

5. (6.) Термин «баллистическая ракета» означает являющуюся средством доставки оружия ракету, большая часть полета которой осуществляется по баллистической траектории.

6. (77.) Термин «баллистическая ракета подводных лодок», он же «БРПЛ», означает баллистическую ракету с дальностью свыше 600 километров того или иного типа, какая-либо из ракет которого содержалась на подводной лодке или запускалась с подводной лодки.

7. (60.) Термин «боеголовка» означает ту часть головной части, которая способна сохраняться при возвращении через плотные слои атмосферы Земли и которая сконструирована для доставки оружия к цели или испытания такой доставки.

8. (89.) Термин «боезаряд» означает единицу засчета, используемую применительно к развернутым МБР, развернутым БРПЛ и развернутым тяжелым бомбардировщикам для засчета в суммарный предельный уровень в 1550 единиц.

9. (8.) Термин «бомбардировщик» означает самолет того или иного типа, какой-либо из самолетов которого с самого начала был построен или впоследствии переоборудован для оснащения под бомбы или ракеты класса «воздух-поверхность».

10. (87.) Термин «вариант» означает: а) применительно к тяжелым бомбардировщикам — заявленную инспектируемой Стороной классификацию самолетов одного типа и одной категории, которые отличимы от других самолетов того же типа и той же категории; б) применительно к МБР и БРПЛ — заявленную инспектируемой Стороной классификацию МБР одного типа или БРПЛ одного типа, которые отличимы от других МБР или БРПЛ того же типа.

11. (19.) Термин «в каждый год» означает в течение периода времени продолжительностью в двенадцать месяцев, начинающегося с даты вступления в силу Договора или с той же даты любого последующего года.

12. (22.) Термин «головная часть» означает ту часть полезной нагрузки последней ступени, которая содержит боеголовку или боеголовки и может, в зависимости от конструкции, включать

платформу боеголовки или боеголовок, средства преодоления обороны и обтекатель.

13. (59.) Термин «дальность» означает: а) применительно к КРВБ — максимальное расстояние, которое КРВБ этого типа может пролететь в нормальном проектном режиме до полного израсходования топлива, определяемое по проекции траектории ее полета на земную сферу от точки старта до точки падения; б) применительно к баллистической ракете — максимальное расстояние, определяемое по проекции траектории полета на земную сферу от точки старта ракеты этого типа до точки падения боеголовки; в) применительно к летательному аппарату — максимальное расстояние, которое может пролететь без дозаправки летательный аппарат этого типа с боевой нагрузкой 7500 килограммов при полной заправке внутренних и внешних топливных баков топливом и при оптимальном профиле полета, обеспечивающем минимальный километровый расход топлива, с учетом пройденного расстояния при наборе высоты и снижении. Топливо, остающееся в топливных баках после посадки, не превышает пяти процентов от максимальной емкости топливных баков.

14. (11.) Термин «заявленные данные» означает применительно к данным, точность которых подтверждается в ходе инспекционной деятельности: а) данные в отношении средств, подпадающих под действие Договора, указанные по категориям данных, содержащимся в Главе второй настоящего Протокола; б) данные, включенные в уведомления, предоставляемые в соответствии с Главой четвертой настоящего Протокола, которые обновляют данные по категориям данных, содержащимся в Главе второй настоящего Протокола; в) информацию о технических характеристиках новых типов стратегических наступательных вооружений, включенную в уведомления, предоставляемые в соответствии с Главой четвертой настоящего Протокола, которая обновляет данные по категориям данных, содержащимся в Главе второй настоящего Протокола, и подтвержденную в ходе показов; и д) информацию, которую инспектируемая Сторона предоставляет инспекционным группам в ходе прединспекционных процедур.

15. (36.) Термин «инспектор» означает лицо, указанное одной из Сторон для осуществления инспекционной деятельности и включенное в список инспекторов этой Стороны.

16. (35.) Термин «инспекционная группа» означает группу инспекторов, выделенных инспектирующей Стороной для осуществления конкретной инспекционной деятельности.
17. (32.) Термин «инспекционная деятельность» означает инспекции и показы.
18. (81.) Термин «испытательный полигон» означает конкретно указанный район на суше, не являющийся базой МБР, из которого осуществляются пуски МБР или БРПЛ.
19. (62.) Термин «корпус ракетного двигателя» означает корпус, который остается после удаления твердого топлива из твердотопливного ракетного двигателя.
20. (41.) Термин «КРВБ большой дальности» означает КРВБ с дальностью свыше 600 километров.
21. (10.) Термин «крылатая ракета» означает ракету, которая является беспилотным, оснащенным собственной двигательной установкой средством доставки оружия, полет которого на большей части его траектории обеспечивается за счет использования аэродинамической подъемной силы.
22. (4.) Термин «крылатая ракета воздушного базирования», он же «КРВБ», означает крылатую ракету класса «воздух-поверхность» того или иного типа, какая-либо из ракет которого прошла летное испытание с летательного аппарата или была развернута на бомбардировщике после 31 декабря 1986 года.
23. (2.) Термин «летательный аппарат» означает любое пилотируемое техническое устройство, которое может удерживаться в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, не являющегося взаимодействием воздуха с поверхностью Земли.
24. (30.) Термин «лица, сопровождающие внутри страны» означает группу лиц, назначенных инспектируемой Стороной для сопровождения инспекторов и членов летных экипажей и оказания им содействия в течение всего периода пребывания в стране.
25. (37.) Термин «межконтинентальная баллистическая ракета», он же «МБР», означает баллистическую ракету наземного базирования с дальностью свыше 5500 километров.
26. (68.) Термин «место загрузки БРПЛ» означает расположенный на берегу вне базы подводных лодок объект, где БРПЛ загружаются на подводные лодки, оснащенные пусковыми установками БРПЛ, или выгружаются с них.
27. (29.) Термин «место загрузки МБР» означает расположенный вне базы МБР и вне испытательного полигона объект, где МБР для мобильных пусковых установок МБР загружаются на мобильные пусковые установки МБР или выгружаются с них.
28. (73.) Термин «место запуска космических объектов» означает указанное место, с которого осуществляется доставка объектов в верхние слои атмосферы или в космос с использованием МБР или БРПЛ.
29. (34.) Термин «место инспекции» означает место, на котором могут проводиться инспекции первого типа или инспекции второго типа.
30. (33.) Термин «место инспекционной деятельности» означает место, на котором могут проводиться инспекции или показы.
31. (82.) Термин «место обучения» означает расположенный вне базы МБР или базы подводных лодок указанный объект, на котором осуществляется обучение персонала использованию, эксплуатации или обслуживанию МБР или БРПЛ и их пусковых установок.
32. (9.) Термин «место переоборудования или ликвидации» означает: а) применительно к МБР или БРПЛ — указанный объект для ликвидации МБР, БРПЛ и пусковых контейнеров; б) применительно к мобильным пусковым установкам МБР — указанный объект для переоборудования или ликвидации мобильных пусковых установок МБР; в) применительно к пусковым установкам БРПЛ — указанный объект для переоборудования или ликвидации пусковых установок БРПЛ; г) применительно к тяжелым бомбардировщикам — указанный объект для переоборудования тяжелых бомбардировщиков или ликвидации тяжелых бомбардировщиков.
33. (61.) Термин «место ремонта» означает:
- а) применительно к МБР или БРПЛ — расположенный вне базы МБР или базы подводных лодок указанный объект для ремонта или обслуживания МБР или БРПЛ; б) применительно к мобильным пусковым установкам МБР — расположенный вне базы МБР указанный объект для ремонта или обслуживания мобильных пусковых установок МБР; в) применительно к тяжелым

бомбардировщикам — расположенный вне авиационной базы указанный объект для ремонта или обслуживания тяжелых бомбардировщиков.

34. (75.) Термин «место складского хранения» означает: а) применительно к МБР или БРПЛ — указанный объект, расположенный вне базы МБР, базы подводных лодок, испытательного полигона или места запуска космических объектов, для складского хранения МБР или БРПЛ; б) применительно к мобильным пусковым установкам МБР — указанный объект, расположенный вне базы МБР, испытательного полигона или места запуска космических объектов, для складского хранения мобильных пусковых установок МБР; с) применительно к тяжелым бомбардировщикам — указанный объект, расположенный вне авиационной базы, для складского хранения тяжелых бомбардировщиков.

35. (45.) Термин «мобильная пусковая установка МБР» означает установочно-пусковой механизм для пуска МБР и самоходное устройство, на котором он смонтирован.

36. (52.) Термин «неразвернутая БРПЛ» означает БРПЛ, которая не содержится в развернутой пусковой установке БРПЛ.

37. (48.) Термин «неразвернутая МБР» означает МБР, которая не содержится в развернутой пусковой установке МБР или на развернутой пусковой установке МБР.

38. (51.) Термин «неразвернутая мобильная пусковая установка МБР» означает мобильную пусковую установку МБР, которая не содержит МБР, или мобильную пусковую установку МБР, предназначенную для испытаний, или мобильную пусковую установку МБР, находящуюся в месте запуска космических объектов, если Сторонами не согласовано иное.

39. (50.) Термин «неразвернутая пусковая установка БРПЛ» означает пусковую установку БРПЛ, предназначенную для испытаний или для обучения, или пусковую установку БРПЛ, которая не содержит развернутую БРПЛ, и не является пусковой установкой на незащищенной позиции.

40. (49.) Термин «неразвернутая пусковая установка МБР» означает пусковую установку МБР, предназначенную для испытаний, пусковую установку МБР, предназначенную для обучения, пусковую установку МБР, находящуюся в месте

запуска космических объектов, или пусковую установку МБР, которая не содержит развернутую МБР, и не является пусковой установкой на незащищенной позиции.

41. (47.) Термин «неразвернутый тяжелый бомбардировщик» означает тяжелый бомбардировщик, предназначенный для испытаний, или тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений, находящийся в месте ремонта или на объекте по производству.

42. (46.) Термин «новый тип» означает применительно к МБР или БРПЛ тип МБР или тип БРПЛ, технические характеристики которого отличаются от технических характеристик, соответственно, МБР или БРПЛ каждого типа, заявленного ранее, хотя бы в одном из следующих отношений: а) по числу ступеней; б) по виду топлива какой-либо из ступеней; с) либо по длине собранной ракеты без головной части, либо по длине первой ступени на более чем три процента; d) по диаметру первой ступени на более чем три процента.

43. (20.) Термин «объект» означает базу МБР, базу подводных лодок, авиационную базу, объект по обслуживанию, район базирования, группу шахтных пусковых установок, место загрузки МБР, место загрузки БРПЛ, объект по производству, место ремонта, место складского хранения, место обучения, место переоборудования или ликвидации, испытательный полигон, центр летных испытаний тяжелых бомбардировщиков или место запуска космических объектов.

44. (43.) Термин «объект по обслуживанию» означает объект, входящий в базу МБР, на котором осуществляется обслуживание и обеспечивается эксплуатация МБР и пусковых установок МБР.

45. (57.) Термин «объект по производству» означает: а) применительно к МБР или БРПЛ — объект, на котором: i) осуществляется сборка МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются в виде собранных ракет в своих пусковых контейнерах, включая соединение всех ступеней таких ракет и загрузку таких ракет в пусковые контейнеры; ii) осуществляется сборка МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются в виде собранных ракет без пусковых контейнеров, включая соединение двух или более ступеней; iii) осуществляется сборка первых ступеней МБР или БРПЛ, которые обслуживаются, хранятся и транспортируются по ступеням; б) применительно

к подводным лодкам, оснащенным пусковыми установками БРПЛ, — объект, на котором осуществляется строительство подводных лодок, оснащенных пусковыми установками БРПЛ; с) применительно к мобильным пусковым установкам МБР — объект, на котором установочно-пусковой механизм мобильной пусковой установки МБР монтируется на самоходное устройство; d) применительно к тяжелым бомбардировщикам — объект, на котором осуществляется сборка целого планера тяжелого бомбардировщика.

46. (18.) Термин «отличимый» означает отличающийся на основе совокупности внешних и функциональных отличий, поддающихся наблюдению национальными техническими средствами контроля, или, в том случае когда, по мнению инспектирующей Стороны, такие наблюдения не позволяют прийти к определенному выводу, доступных для наблюдения в ходе инспекционной деятельности.

47. (55.) Термин «период инспекционной деятельности» означает применительно к инспекции или показу период времени с момента завершения предынспекционных процедур до момента начала послеинспекционных процедур.

48. (31.) Термин «период пребывания в стране» означает период времени с момента прибытия инспекционной группы или членов летного экипажа в пункт въезда до их отбытия из страны через пункт въезда.

49. (64.) Термин «последовательная инспекция» означает инспекцию, проводимую на объектах, связанных с одним и тем же пунктом въезда, инспекционной группой, которая не покидала территорию инспектируемой Стороны после завершения предыдущей инспекции.

50. (85.) Термин «пребывание в пути следования» означает перемещение в одном направлении с одного объекта на другой объект: а) неразвернутой МБР; б) неразвернутой БРПЛ; или с) неразвернутой мобильной пусковой установки МБР.

51. (56.) Термин «производить» означает строить, сооружать или изготавливать в любом количестве и включает серийное производство, а также изготовление уникальных экземпляров.

52. (44.) Термин «противоракета» означает ракету, созданную, испытанную и развернутую для перехвата МБР, БРПЛ или их боеголовок.

53. (58.) Термин «прототип» означает применительно к МБР или БРПЛ МБР или БРПЛ нового типа, не более 20 ракет которого были запущены и ни одна из пусковых установок ракет которого не была развернута.

54. (38.) Термин «пуск» означает первоначальное движение и последующий полет МБР или БРПЛ.

55. (67.) Термин «пусковая установка БРПЛ» означает устройство, предназначенное или используемое для содержания, подготовки к пуску и пуска БРПЛ.

56. (28.) Термин «пусковая установка МБР» означает устройство, предназначенное или используемое для содержания, подготовки к пуску и пуска МБР.

57. (69.) Термин «пусковая установка на незащищенной позиции» означает любую наземную стационарную пусковую установку МБР или БРПЛ, не являющуюся шахтной пусковой установкой.

58. (80.) Термин «пусковая установка, предназначенная для испытаний» означает пусковую установку МБР или пусковую установку БРПЛ, находящуюся в пределах испытательного полигона.

59. (83.) Термин «пусковая установка, предназначенная для обучения» означает шахтную пусковую установку, предназначенную для обучения, или мобильную пусковую установку, предназначенную для обучения.

60. (40.) Термин «пусковая установка противоракет» означает устройство, предназначенное или используемое для содержания, подготовки к пуску и пуска противоракет.

61. (39.) Термин «пусковой контейнер» означает непосредственно связанный с МБР или БРПЛ контейнер, который может использоваться или использовался для транспортировки и хранения собранной МБР или БРПЛ с головной частью или без нее и из которого может быть или был осуществлен пуск МБР или БРПЛ.

62. (17.) Термин «развернутая БРПЛ» означает БРПЛ, которая содержится в развернутой пусковой установке БРПЛ.

63. (13.) Термин «развернутая МБР» означает МБР, которая содержится в развернутой пусковой установке МБР или на ней.

64. (16.) Термин «развернутая мобильная пусковая установка МБР» означает мобильную пусковую установку МБР, которая содержит МБР и не является мобильной пусковой установкой, предназначенной для испытаний, или мобильной пусковой установкой МБР, находящейся в месте запуска космических объектов.

65. (15.) Термин «развернутая пусковая установка БРПЛ» означает пусковую установку БРПЛ, установленную на подводной лодке, спущенной на воду, которая содержит БРПЛ и не предназначена для испытаний или для обучения.

66. (14.) Термин «развернутая пусковая установка МБР» означает пусковую установку МБР, которая содержит МБР и не является пусковой установкой МБР, предназначенной для испытаний, пусковой установкой МБР, предназначенной для обучения, или пусковой установкой МБР, находящейся в месте запуска космических объектов.

67. (12.) Термин «развернутый тяжелый бомбардировщик» означает тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений, не являющийся тяжелым бомбардировщиком, предназначенным для испытаний, или тяжелым бомбардировщиком, находящимся в месте ремонта или на объекте по производству.

68. (88.) Термин «разновидность» означает применительно к мобильным пусковым установкам МБР того или иного типа заявленную инспектируемой Стороной классификацию на основе внешних или функциональных отличий от других таких средств.

69. (7.) Термин «район базирования» означает входящий в состав базы МБР для мобильных пусковых установок МБР район, в котором базируются развернутые мобильные пусковые установки МБР и в котором находятся стационарные сооружения для мобильных пусковых установок МБР.

70. (5.) Термин «самолет» означает оснащенный двигательной установкой летательный аппарат тяжелее воздуха, подъемная сила которого во время полета создается главным образом за счет аэродинамического воздействия на плоскости, остающиеся неподвижными в конкретных условиях полета.

71. (54.) Термин «самолет открытого неба» означает самолет, выполняющий наблюдательный полет в соответствии с Договором по открытому небу от 24 марта 1992 года, который одновременно используется для перевозки

инспекционной группы в пункт въезда или из пункта въезда на территории инспектируемой Стороны.

72. (86.) Термин «собственный опознавательный знак», он же «СОЗ», означает неповторяющийся буквенно-цифровой номер, нанесенный инспектируемой Стороной на МБР, БРПЛ или тяжелый бомбардировщик.

73. (90.) Термин «средство доставки оружия» означает применительно к баллистическим ракетам и крылатым ракетам ракету того или иного типа, какая-либо из ракет которого была запущена или прошла летное испытание, или была развернута в качестве носителя оружия или для использования в качестве оружия, то есть любого механизма или любого устройства, которые, будучи направленными против какой-либо цели, предназначены для ее повреждения или уничтожения.

74. (21.) Термин «стационарное сооружение для мобильных пусковых установок МБР» означает расположенное в пределах района базирования специальное сооружение, которое предназначено для содержания мобильных пусковых установок МБР.

75. (74.) Термин «ступень» означает применительно к МБР или БРПЛ составную часть ракеты, оснащенную двигательной установкой, за исключением автономного блока разведения.

76. (71.) Термин «твердотопливная БРПЛ» означает БРПЛ, все ступени которой оснащены твердотопливными ракетными двигателями.

77. (70.) Термин «твердотопливная МБР» означает МБР, все ступени которой оснащены твердотопливными ракетными двигателями.

78. (72.) Термин «твердотопливный ракетный двигатель» означает ту часть ступени, которая состоит из корпуса, заполненного твердым топливом.

79. (78.) Термин «телеметрическая информация» означает информацию, вырабатываемую на борту ракеты в ходе ее первоначального движения и последующего полета, которая передается в эфир.

80. (23.) Термин «тяжелый бомбардировщик» означает бомбардировщик того или иного типа, какой-либо из бомбардировщиков которого отвечает любому из следующих критериев: а) его дальность составляет более 8000 километров;

или б) он оснащен для ядерных КРВБ большой дальности. Бомбардировщик не рассматривается как тяжелый бомбардировщик, если он не отвечает ни критерию а), ни критерию б) или если Сторонами согласовано иное.

81. (24.) Термин «тяжелый бомбардировщик, оснащенный для неядерных вооружений» означает тяжелый бомбардировщик, не оснащенный для ядерных КРВБ большой дальности, ядерных ракет класса «воздух-поверхность» или ядерных бомб.

82. (25.) Термин «тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений» означает тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных КРВБ большой дальности, ядерных ракет класса «воздух-поверхность» или ядерных бомб.

83. (79.) Термин «тяжелый бомбардировщик, предназначенный для испытаний» означает тяжелый бомбардировщик, оснащенный для ядерных вооружений, предназначенный исключительно для испытаний и базирующийся в центре летных испытаний тяжелых бомбардировщиков.

84. (84.) Термин «учебная модель ракеты» означает непригодную для пуска полномасштабную модель МБР или БРПЛ в инертном снаряжении, которая отличается от МБР или БРПЛ на основе доступных для наблюдения в ходе инспекционной деятельности внешних и функциональных отличий.

85. (26.) Термин «центр летных испытаний тяжелых бомбардировщиков» означает объект, не являющийся объектом по производству тяжелых бомбардировщиков, на котором базируются тяжелые бомбардировщики, предназначенные для испытаний, и обеспечивается их эксплуатация.

86. (3.) Термин «член летного экипажа» означает лицо, выполняющее обязанности, связанные с эксплуатацией самолета, и включенное в список членов летного экипажа инспектирующей Стороны.

87. (65.) Термин «шахтная пусковая установка МБР» означает пусковую установку МБР в шахтном сооружении, находящемся в грунте.

88. (66.) Термин «шахтная пусковая установка, предназначенная для обучения» означает указанную для целей обучения полномасштабную шахтную пусковую установку МБР.

89. (42.) Термин «ядерная КРВБ большой

дальности» означает КРВБ большой дальности в ядерном снаряжении.

90. (53.) Термин «ядерные вооружения» означает применительно к тяжелым бомбардировщикам ядерные КРВБ большой дальности, ядерные ракеты класса «воздух-поверхность» или ядерные бомбы.

Глава вторая — Категории данных в отношении стратегических наступательных вооружений

Раздел I. Общие положения

1. При предоставлении данных в соответствии с Договором и настоящим Протоколом Стороны используют категории данных, содержащиеся в настоящей Главе.

2. Не позднее чем через 45 дней после подписания Договора каждая из Сторон предоставляет в соответствии с Приложением об инспекционной деятельности к настоящему Протоколу схемы объектов и, если это применимо, схемы береговых линий и акваторий применительно к каждому из объектов, на которых может осуществляться инспекционная деятельность.

3. Не позднее чем через 45 дней после вступления в силу Договора Стороны осуществляют первоначальный обмен данными согласно категориям данных, содержащимся в настоящей Главе, и предоставляют в соответствии с Приложением об инспекционной деятельности к настоящему Протоколу фотоснимки, если только такие фотоснимки не были предоставлены ранее в связи с выполнением требований Договора о СНВ.

4. Для целей настоящей Главы и обменов данными знак «— — —» означает, что запись в таком случае не применима. Знак «* * *» означает, что эти данные будут предоставлены, когда они появятся.

5. Каждая МБР, каждая БРПЛ и каждый тяжелый бомбардировщик имеют собственный опознавательный знак.

6. Для целей настоящей Главы географические координаты обозначаются указанием широты и долготы с точностью до минуты, за исключением тех случаев, когда два или более места расположения, в отношении которых указываются географические координаты, находятся друг от друга в пределах одной минуты по широте и долготы и являются однотипными или выглядят одинаково. В таких случаях широта и долгота обозначаются с указанием секунд.

7. При указании географических координат каждая из Сторон использует обычно принятую у нее систему координат.

8. Географические координаты шахтных пусковых установок МБР, находящихся в группе шахтных пусковых установок на базе МБР, и пусковых установок, предназначенных для испытаний, указываются с точностью до минуты.

Глава десятая — Заключительные положения

1. Стороны могут согласовать дополнительные процедуры осуществления настоящего

Протокола. Такие процедуры содержатся в приложениях, которые являются неотъемлемой частью настоящего Протокола.

2. Настоящий Протокол вступает в силу в день вступления в силу Договора и остается в силе до тех пор, пока остается в силе Договор.

Совершено в Праге «08» апреля 2010 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

ЗА РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

ЗА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ПРЕЗИДЕНТ Д. А. МЕДВЕДЕВ

ПРЕЗИДЕНТ Б. ОБАМА

<http://www.kremlin.ru/>

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ					
1	Исламизм как новая геополитическая проблема	Вавилов А. И.	2009	№ 1 (5)	8
2	Повернуть взгляд к Сибири	Ивашов Л. Г.	2009	№ 1 (5)	17
3	Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности: задачи и перспективы развития	Рябухин П. П.	2009	№ 1 (5)	24
4	Геополитика и углеводороды	Соколов К. Н.	2009	№ 1 (5)	27
5	Глобализация и евразийская безопасность	Акаев А. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	8
6	Военная безопасность России: три измерения	Ивашов Л. Г.	2009	№ 2–3 (6–7)	19
7	ШОС на новом этапе геополитической борьбы	Соколов К. Н.	2009	№ 2–3 (6–7)	28
8	Геополитическая структура будущего миропорядка	Ивашов Л. Г.	2009	№ 4 (8)	8
9	Новая военная доктрина США	Калашников М.	2009	№ 4 (8)	13
10	Уроки истории и современное состояние геополитической безопасности Евразии (к 70-летию битвы на р. Халхин-Гол)	Кефели И. Ф.	2009	№ 4 (8)	29
11	Геополитический взгляд на XXI век	Ивашов Л. Г.	2010	№ 1 (9)	9
12	Глобальная геополитика — реалии и теоретическое знание XXI века	Кефели И. Ф.	2010	№ 3 (11)	9
13	Использование морских подводных роботов в освоении нефтегазовых месторождений российского сектора Арктики	Моцак М. В., Кыбальный М. В.	2010	№ 3 (11)	16
14	«Большая геополитическая игра» Барака Обамы в «Goodwill» и проблемы России	Ковалев В. И., Коссе Ю. В., Малков С. Ю.	2010	№ 3 (11)	23
15	Великая информационная война	Нартов Н. А.	2010	№ 3 (11)	33
16	Затаившаяся угроза («Цветные революции» не ушли в прошлое)	Акаев А. А.	2010	№ 4 (12)	9
17	Россия в геополитическом контексте XXI века	Ивашов Л. Г.	2010	№ 4 (12)	20
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ					
1	Актуальные географические проблемы развития стран в условиях глобализации	Сдасюк Г. В.	2009	№ 1 (5)	33
2	Геополитическая стратегия США и ее отражение в средствах массовой информации	Большаков С. Н.	2009	№ 1 (5)	41
3	Геополитические аспекты внешней политики СССР в курсе «История международных отношений»	Сагомоян А. А.	2009	№ 1 (5)	49
4	Обращение к классике (к выходу русского издания книги Р. Челлена «Государство как форма жизни»)	Кефели И. Ф.	2009	№ 1 (5)	52
5	Геополитические аспекты демократии.	Баранов Н. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	36
6	Россия в геополитической системе Рудольфа Челлена	Новикова И. Н.	2009	№ 2–3 (6–7)	45
7	Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования	Акаев А. А., Малков С. Ю.	2009	№ 4 (8)	39
8	Геополитика как наука в России: история и современность	Артюхин А. С., Снигирёв С. Ф.	2009	№ 4 (8)	56
9	Российское пространство социальных отношений в миросистемном и геополитическом измерениях	Изгарская А. А.	2009	№ 4 (8)	68
10	Геополитический смысл понятий пространства и границы	Болотов Д. А., Межевич Н. М.	2009	№ 4 (8)	78

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
11	К типологии геополитических исследований	Елацков А. Б.	2010	№ 1 (9)	14
12	Геополитический статус государства: сущность и типология	Комлева Н. А.	2010	№ 1 (9)	23
13	Русский геостратег XIX века Ростислав Фадеев	Лебедев С. В., Линицкая Т. В.	2010	№ 1 (9)	29
14	Настоящее и будущее восточнославянской цивилизации	Вересова А. А.	2010	№ 1 (9)	59
15	Цивилизационная парадигма в контексте глобальной геополитики	Кефели И. Ф.	2010	№ 2 (10)	64
16	Информационная геополитика: теоретико-методологические вопросы	Нурышев Г. Н.	2010	№ 2 (10)	37
17	Взгляды К. Н. Леонтьева и И. Гаспринского на российско-османские отношения	Селиверстов С. В.	2010	№ 3 (11)	43
18	Глобализация в контексте идеи исторического прогресса (пер.с кит. Мигуновой О.В.)	Ян Цзиньхай	2010	№ 3 (11)	48
19	Геоцивилизационный контекст «китаизации марксизма»	Мигунов Н. И.	2010	№ 3 (11)	52
20	Языковая экспансия США и ее манифестация на геополитической карте мира	Мурай О. В.	2010	№ 4 (12)	27
21	Этнофункциональная парадигма в геополитике	Сухарев А. В.	2010	№ 4 (12)	33
22	О пространственной причинности геополитических процессов	Тынянова О. Н.	2010	№ 4 (12)	37
23	Геостратегическая концепция Полибия	Шестова Т. Л.	2010	№ 4 (12)	50
Региональная геополитика					
1	Пространственные детерминанты внутренней геополитики России	Нурышев Г. Н.	2009	№ 1 (5)	56
2	Регионы и цивилизации Евразии: Арктическая зона России	Кефели И. Ф.	2009	№ 1 (5)	64
3	Регионализация мира как мегатренд первой половины XXI века	Кирвель Ч. С.	2009	№ 2–3 (6–7)	49
4	Геополитическое содержание идентификационных процессов на Юге России	Жаде З. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	56
5	Конфликты идентичностей в сфере национальной безопасности и геополитики Юга России	Попов М. Е.	2009	№ 2–3 (6–7)	62
6	Геополитическое значение Кавказа для России	Федотов Д. С.	2009	№ 2–3 (6–7)	67
7	К вопросу о разработке новой кавказской стратегии России	Халидов Д.	2009	№ 2–3 (6–7)	70
8	Есть ли шанс у Грузии?	Касюк Л. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	76
9	Евразийская судьба России	Кефели И. Ф.	2009	№ 4 (8)	82
10	Современное геополитическое положение Ирана в регионе	Манукян Д. А.	2009	№ 4 (8)	89
11	Арктический вектор геополитики России	Нурышев Г. Н.	2010	№ 1 (9)	35
12	Население и территория приарктических государств в геополитическом пространстве Арктики	Лукин Ю. Ф.	2010	№ 3 (11)	60
13	Перспективы создания геополитического треугольника Германия–Индия–Россия	Печищева Л. А.	2010	№ 3 (11)	72
14	Геополитический пасьянс сил в Восточной Азии накануне и после окончания Второй мировой войны	Кефели И. Ф.	2010	№ 4 (12)	55
ГЕОЭКОНОМИКА					
1	Прогнозные оценки глубины и масштабности мирового кризиса	Татаркин А. И., Татаркин Д. А.	2009	№ 1 (5)	73

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
2	Геоэкономическое положение Единой Европы	Арефьев И. Б.	2009	№ 2–3 (6–7)	83
3	ШОС — поиск глобального равновесия	Комлева Н. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	92
4	Геоэкономическая оценка национального богатства	Карганов С. А.	2009	№ 2–3 (6–7)	99
5	Диверсификация источников природного газа в Польше	Едлиньски М.	2009	№ 4 (8)	95
6	Геополитическое значение балтийского трубопровода	Юнтунен А.	2010	№ 2 (10)	68
7	Энергетическая безопасность Евросоюза и интересы России	Мухаметов Р. С.	2010	№ 2 (10)	74
8	Сдерживающие факторы в развитии современных российско-монгольских экономических отношений	Акулова А. С.	2010	№ 2 (10)	79
9	Новое глобальное общество под общим руководством	Мурай О. В.	2010	№ 3 (11)	77
10	Центральноазиатское направление российской внешней политики	Мухаметов Р. С.	2010	№ 3 (11)	82
11	Национальная идентичность в контексте глобализации	Шмелева Е. В.	2010	№ 4 (12)	68
Национальная безопасность					
1	Американская система ПРО как вызов стратегической стабильности и национальной безопасности России	Белов П. Г.	2009	№ 1 (5)	79
2	Проблемы современной военной безопасности России	Ветров Ю. А.	2009	№ 1 (5)	89
3	Последняя империя	Исаев Б. А.	2009	№ 1 (5)	95
4	Какая структура международной безопасности нужна России?	Исаев Б. А.	2009	№ 2–3(6–7)	109
5	Коллективная безопасность государств-членов ШОС в многополярном мире: геополитические реалии и перспективы	Кефели И. Ф.	2009	№ 2–3(6–7)	117
6	Системно-технологический мониторинг национальной безопасности	Москвин С. В.	2009	№ 2–3 (6–7)	123
7	Специфика использования частных воинских контингентов в вооруженных конфликтах	Комлева Н. А.	2009	№ 4 (8)	102
8	Теоретические проблемы обеспечения национальной безопасности России	Белов П. Г.	2010	№ 1 (9)	41
9	Творческий вклад выпускников Военмеха в создание современной артиллерии	Иванов К. М.	2010	№ 2 (10)	83
10	Политические основы национальной безопасности России	Баранов Н. А.	2010	№ 2 (10)	93
11	Управленческие аспекты национальной безопасности	Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэв	2010	№ 2 (10)	100
12	Информационная безопасность и СМИ в современном мире	Великосельский М. Ю.	2010	№ 3 (11)	88
13	Причины развития неонацизма в наши дни	Волох О. В., Плихун Я. В.	2010	№ 3 (11)	92
14	Корпоративное гражданство в контексте социальной безопасности (российский опыт)	Костина Е. Н.	2010	№ 3 (11)	97
15	Российское государство в XXI в.: возможные сценарии его трансформации	Харин А. Н.	2010	№ 3 (11)	101
16	Модели и механизмы глобальной безопасности	Цыганов В. В.	2010	№ 3 (11)	107
17	Системы удаленного мониторинга и контроля состояния комплексных систем безопасности	Виноградов С. А.	2010	№ 3 (11)	116
18	Рекламная коммуникация в контексте информационной безопасности	Балахонская Л. В.	2010	№ 4 (12)	72
19	Политический маркетинг в контексте британской медиаполитики	Бодрунова С. С., Большаков С. Н.	2010	№ 4 (12)	78

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
20	Проблемы безопасности в глобалистике: политический аспект	Ильин И. В., Урсул А. Д.	2010	№ 4 (12)	85
21	Критические ситуации в социуме и механизмы их нейтрализации	Татаркин А. И.	2010	№ 4 (12)	94
Глобальное оружие и глобальная безопасность. Аналитические обзоры					
1	Морская мощь-21 по-американски	Кыбальный М. В.	2010	№ 4 (12)	104
2	Космические аппараты сверхмалого класса	Толпегин О. А.	2010	№ 4 (12)	115
Наши публикации					
1	Письма Л. Н. Гумилева П. Н. Савицкому. 1956 год		2009	№ 1 (5)	101
2	Письма Л. Н. Гумилева П. Н. Савицкому. 1957 год		2009	№ 1 (5)	108
3	Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1958–1959 годы		2009	№ 2–3 (6–7)	129
4	Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1960–1962 годы		2009	№ 4 (8)	120
5	Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1963–1964 годы		2010	№ 1 (9)	80
6	Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1965–1968 годы		2010	№ 2 (10)	114
Воспоминания современников					
1	Воспоминания о встречах с Д. Ф. Устиновым	Литвинов Б. В.	2009	№ 1 (5)	130
2	Странички воспоминаний	Мельник В. И.	2009	№ 1 (5)	133
3	Историческая роль Д. Ф. Устинова в становлении и развитии г. Коврова — третьей оружейной столицы России	Петрова Л. Г.	2009	№ 1 (5)	135
4	Разработки ракетно-космической техники в КБ «Арсенал»: история и перспективы	Кислицкий М. И., Манойлов О. В.	2009	№ 1 (5)	137
Страницы воспоминаний					
1	Д. Ф. Устинов и ковровский завод № 2 в годы Великой Отечественной войны	Никулин В. В.	2009	№ 4 (8)	115
2	Страницы истории «ВОЕНМЕХА»	Романов А. Р., Трибель М. В.	2010	№ 1 (9)	68
Официальные документы					
1	Декларация московской сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ (5 сентября 2008 года)		2009	№ 1 (5)	142
2	Итоговый документ Международной конференции «Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии» (Иссык-Куль, 4–5 ноября 2008 года).		2009	№ 1 (5)	145
3	Екатеринбургская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (Екатеринбург, 16 июня 2009 года)		2009	№ 2–3 (6–7)	160

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
4	Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества Екатеринбург, 16 июня 2009 года)		2009	№ 2–3(6–)	163
5	Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией		2009	№ 4 (8)	151
6	Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года		2010	№ 1 (9)	117
7	Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года		2010	№ 2 (10)	140
8	Евразийский научный форум		2010	№ 3 (11)	137
9	Конференция ФГП МГУ «Актуальные проблемы глобальных исследований»		2010	№ 3 (11)	139
Научная жизнь					
1	Юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Д. Ф. Устинова		2009	№ 1 (5)	148
2	Международная конференция «Экология пограничной области»		2009	№ 1 (5)	153
3	Круглый стол «Философия глобалистики и геополитики»		2009	№ 1 (5)	154
4	Глобалистика-2009	Выходец Р. С., Селентьева Д. О.	2009	№ 2–3 (6–7)	156
5	Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы обеспечения геополитической безопасности России» 24–25 сентября 2009, Екатеринбург		2009	№ 4 (8)	139
6	Укрепление научных связей геополитиков Санкт-Петербурга и Южного федерального округа		2009	№ 4 (8)	141
7	Совещание руководителей организаций Госкорпорации «Ростехнологии» 23–24 сентября 2009 г.		2009	№ 4 (8)	142
8	7-й «Китайско-Российский форум: сравнительный анализ проблем социально- экономического развития КНР и РФ» 23–26 октября 2009 г. в г. Тяньцзинь (Китай)		2009	№ 4 (8)	146
9.	Первая международная научно-практическая конференция «Россия–Монголия: историко-культурное взаимодействие в прошлом и настоящем (к 70-летию событий на Халхин-Голе)»		2009	№ 4 (8)	148
10.	Академии геополитических проблем — 10 лет		2010	№ 1 (9)	108
11.	Научно-практическая конференция «Россия и современные геополитические проблемы»		2010	№ 2 (10)	135
12.	Международная научная конференция «Великая Победа и современность»		2010	№ 2 (10)	137
13.	НП МА БИ Обращение к коллегам и партнерам		2010	№ 2 (10)	139
14.	Евразийский научный форум		2010	№ 3 (11)	137
15.	Конференция ФГП МГУ «Актуальные проблемы глобальных исследований»		2010	№ 3 (11)	139
Слово молодым исследователям					
1	Истоки «американской идеи» и ее воплощение в политике США	Литвинова Ю. М.	2009	№ 4 (8)	109

№	Название статьи	Автор	Год издания	Номер журнала	Страница
2	Проблемы национальной безопасности России: взгляд молодого исследователя	Титенок Е. В.	2010	№ 1 (9)	61
3	Геополитические процессы на южном стратегическом направлении России	Сарксян А. Р.	2010	№ 1 (9)	64
4	Социальная справедливость как атрибут социальной безопасности	Лыгина М. А.	2010	№2 (10)	106
5	Духовные основания цивилизационного развития	Клименко А. Н.	2010	№2 (10)	111
6	Шанхайская организация сотрудничества: история формирования и предпосылки создания	Белукова Е. С.	2010	№2 (10)	118
Научные обзоры					
1	Обзор современных геополитических исследований в Китае	Кефели И. Ф., Мигунова О. В.	2009	№ 4 (8)	105
Научные переводы					
1	Китай как морская цивилизация (об одном аспекте трансформаций китайской цивилизационной идентичности)	Е Хайлинь	2010	№ 1 (9)	52
2	Китай как морская цивилизация (об одном аспекте трансформаций китайской цивилизационной идентичности)	Мигунова О. В.	2010	№ 1 (9)	58
Великой Победе советского народа — 65 лет					
1	Интервью с профессором Е. В. Кульковым. Воспоминания о войне и мире, учебе и труде		2010	№ 2 (10)	9
2	Интервью с генерал-полковником Л. Г. Ивашовым. Стержень интеграции — Победа		2010	№ 2 (10)	14
3	Решающая роль СССР в Победе над Германией	Ковалев С. Н.	2010	№ 2 (10)	18
4	Решающий вклад советско-германского фронта во Второй мировой войне	Фролов М. И.	2010	№ 2 (10)	25
5	Без крепкой дружбы народов не было бы Победы	Акаев А. А.	2010	№ 2 (10)	30
6	Уральская промышленность в годы Великой Отечественной войны	Татаркин А. И., Берсенёв В. Л. , Запарий В. В. , Горст А. П. .	2010	№ 2 (10)	38
7	Железнодорожный транспорт в период Великой Отечественной войны	Мигунова О. В., Лашко Н. В.	2010	№ 2 (10)	47
8	К итогам Второй мировой войны — спустя 65 лет	Вертлиб Е. А., Юрин О. А.	2010	№ 2 (10)	53
9	Анализ некоторых взглядов западных специалистов на Вторую мировую войну	Гивенс Р.	2010	№ 2 (10)	56
РЕЦЕНЗИИ					
1	Арктические игры в современной истории, или королевство кривых зеркал	Федоров П. В.	2010	№ 3 (11)	143

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
COMMON ISSUES OF GEOPOLITICS					
1	Islamism as a new geopolitical issue	A. I. Vavilov	2009	№ 1 (5)	8
2	Turning our eyes to Siberia	L.G. Ivashov	2009	№ 1 (5)	17
3	Parliamentary Assembly of the Organization of the Contract about collective safety: problems and prospects of development	P. P. Rjabuhin	2009	№ 1 (5)	24
4	Geopolitics and Hydrocarbons	K. N. Sokolov	2009	№ 1 (5)	27
5	Globalization and the Eurasian security	Akaev A. A.	2009	№ 2–3 (6–7)	8
6	Military security of Russia: three measurements	Ivashov L. G.	2009	№ 2–3 (6–7)	19
7	SOC at a new stage of geopolitical struggle	Sokolov K. N.	2009	№ 2–3 (6–7)	28
8	Geopolitical structure of the future world order	Ivashov L. G.	2009	№ 4 (8)	8
9	The new doctrine of the USA	Kalashnikov M.	2009	№ 4 (8)	13
10	The history periods and the current state of geopolitical security of Eurasia (to the 70-th anniversary of the battle on the river Khalkhin-Gol)	Kefeli I. F.	2009	№ 4 (8)	29
11	The Geopolitical sight at the XXI-st century	Ivashov L. G.	2010	№ 1 (9)	9
12	Global geopolitics — Reality and theoretical knowledge of XXI century	Kefeli I. F.	2010	№ 3 (11)	9
13	Using marine underwater robots in developing of oil and gas fields of Russian Arctic's sector	Motsak Mikhail V., Kybalny Mikhail V.	2010)	№ 3 (11)	16
14	Barack Obama's "A big geopolitical game" in "Goodwill" and problems of Russia	Kovalyov Viktor I, Kosse Yuri V., Malkov Sergey Y.	2010	№ 3 (11)	23
15	A Great Information War	Nartov Nikolai A.	2010	№ 3 (11)	33
16	Hidden Threat. Colour revolutions has not passed away	Akaev Askar A.	2010	№ 4	9
17	Russia in the geopolitical context of the XXIst century	Ivashov Leonid G.	2010	№ 4	20
THEORY AND HISTORY OF GEOPOLITICS					
1	Topical geographic issues of country development in a globalized world	G. V. Sdasyuk	2009	№ 1 (5)	33
2	Geopolitic strategy of the USA and its reflexion in mass media	S. N. Bolshakov	2009	№ 1 (5)	41
3	Geopolitical aspects of USSR foreign policy in the course "History of International Relations"	A. A. Sagomonyan	2009	№ 1 (5)	49
4	The reference to classics (to an output of the Russian edition of the book of R. Kjellen « The state as the form of a life »)	Kefeli I. F.	2009	№ 1 (5)	52
5	Geopolitical aspects of democracy	Baranov N. A.	2009	№ 2–3 (6–7)	36
6	Russia in geopolitical system of Rudolf Chellen	Novikova I. N.	2009)	№ 2–3(6–7)	
7	Geopolitical dynamics: opportunities of logical and math modeling	Akaev A. A., Malkov S. Y.	2009	№ 4 (8)	39
8	Geopolitics as a science in Russia: history and modernity	Artyuhin A. S., Snigirev S. F.	2009	№ 4 (8)	56
9	The Russian space of social relations in worldsystem and geopolitical measures.	Izgarskaya A. A.	2009	№ 4 (8)	68
10	Border as a general scientific and political category	Bolotov D. A., Megevich N. M.	2009	№ 4 (8)	78
11	To the typology of geopolitical researches	Elatkov A. B.	2010	№ 1 (9)	14
12	Geopolitical status of the state: essence & classification	Komleva N. A.	2010	№ 1 (9)	23
13	Russian geopolician of the XXc. Rostislav Fadeev	Lebedev S. V., Linitzkaya T. V.	2010	№ 1 (9)	29
14	Future and Past of the Eastern-Slavic civilization	Veresova A. A .	2010	№ 2 (10)	59

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
15	The civilization paradigm in the context of global geopolitics	Kefeli I. F.	2010	№ 2 (10)	64
16	Information Geopolitics: theoretical and methodological grounds	Nuryshv G. N.	2010	№ 3 (11)	37
17	K.N. Leontev's and I.Gasprinski's views on Russian-Ottoman relations	Seliverstov S. V.	2010	№ 3 (11)	43
18	Globalization in the context of historical progress' idea/ Translation from Chinese by O. V. Migunova.	Yang Jinhai	2010	№ 3 (11)	48
19	Geocivilizational context of «Sinicization of Marxism»	Migunov Nikolay I.	2010	№ 3 (11)	52
20	Language expansion of the United States and its manifestation in linguistic and political map of the world	Murray Olga V.	2010	№ 4 (12)	27
21	Ethnofunctional paradigm in geopolitics	Sukharev A. V.	2010	№ 4 (12)	33
22	About generalized spatial causality of geopolitical processes (testing the possibility of geopolitical modelling)	Tynyanova Olga N.	2010	№ 4 (12)	37
23	Geostrategic conception of Polybius	Shestova Tatyana L.	2010	№ 4 (12)	50
Regional Geopolitics					
1	Spatial determinants of internal Russian geopolitics	Nuryshv G. N.	2009	№ 1(5)	56
2	Eurasian regions and civilizations: The Arctic zone of Russia	Kefeli I. F.	2009	№ 1(5)	64
3	Regionalization of the world as a megatrend of first half of the XXIst century	Kirvel C. S .	2009	№ 2–3 (6–7)	49
4	The geopolitical contents of identification processes in the South of Russia	Zhade Z. A.	2009	№ 2–3(6–7)	56
5	Conflicts of identities in the sphere of national security and geopolitics of the South of Russia	Popov M. E .	2009	№ 2–3(6–7)	62
6	Geopolitical significance of Caucasus for Russia	Fedotov D. S .	2009	№ 2–3(6–7)	67
7	To a question on developing a new Caucasian strategy of Russia	Halidov D.	2009	№ 2–3 (6–7)	70
8	Has Georgia a chance?	Kasjuk L. A.	2009	№ 2–3(6–7)	76
9	Eurasian fate of Russia	Kefeli I. F.	2009	№ 4 (8)	82
10	Iran's Political Situation in the Region after the Wars in Afghanistan and Iraq (Positive Aspects)	Manukjan D. A.	2009	№ 4 (8)	89
11	The Arctic vector of geopolitics of Russia	Nuryshv G. N.	2010	№ 1 (9)	35
12	Subarctic States' population and territory in Arctic's geopolitical space	Lukin Jury F.	2010	№ 3 (11)	60
13	The perspectives for creating of geopolitical triangle Germany–India–Russia and its influence on the international relations in the 21st century	Pechischeva Ludmila A.	2010	№ 3 (11)	72
14	Geopolitical solitaire of the forces in East Asia before and after the Second World War	Kefeli Igor F.	2010	№ 4 (12)	55
GEOECONOMY					
1	Forecasting estimations of depth and scale of world crisis	Tatarkin A. I., Tatarkin D. A.	2009	№ 1 (5)	73
2	A geoeconomic situation of United Europe	Arefyev I. B.	2009	№ 2–3 (6–7)	83

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
3	SOC – search of global balance	Komleva N. A.	2009	№ 2–3 (6–7)	92
4	The geoeconomic estimation of national riches	Karganov S. A.	2009	№ 2–3 (6–7)	99
5	The analysis energy politicians polands and problem to deversifications the sources of the natural gas	Jadlinski M.	2009	№ 4 (8)	95
6	The Baltic pipeline's geopolitical meaning	Juntunen A.	2010	№ 2 (10)	68
7	The EU's energy security and the interests of Russia	Mukhamedov R. S.	2010	№ 2 (10)	74
8	Suppressing factors of Russian-Mongolian economy relations' development	Akulova A. S.	2010	№ 2 (10)	79
9	A new global society under the joint governance	Murray Olga V.	2010	№ 3 (11)	77
10	Central Asian direction in Russian foreign policy	Muhametov Ruslan S.	2010	№ 3 (11)	82
11	National identity in the context of globalization	Shmeleva E. V.	2010	№ 4 (12)	27
National Security					
1	The American anti-ballistic missile defense system as a call for the strategic stability and national security of Russia	Belov P. G.	2009	№ 1 (5)	79
2	Problems of modern military safety of Russia	Vetrov Y. A.	2009	№ 1 (5)	89
3	Latest Empire	Isaev B. A.	2009	№ 1 (5)	95
4	What structure of the international safety is necessary to Russia?	Isaev B. A.	2009	№ 2–3 (6–7)	109
5	Collective security of states – members of SOC in the multipolar world: geopolitical realities and prospects	Kefeli I. F.	2009	№ 2–3 (6–7)	117
6	System-technological monitoring of national security	Moskvin S. V.	2009	№ 2–3 (6–7)	123
7	Private military forces in modern war	Komleva N. A.	2009	№ 4 (8)	102
8	Theoretical problems of maintenance of national safety of Russia	Belov P. G.	2010	№ 1 (9)	41
9	The Voenmekh's graduates' contribution in the design of contemporary artillery	Ivanov K. M.	2010	№ 2 (10)	83
10	Russian national security's political basis	Baranov N. A.	2010	№ 2 (10)	93
11	The national security's managerial aspects	Hash-Erdene Sambalkhudev	2010	№ 2 (10)	100
12	Information safety and mass-media in the modern world	Velikoselsky Mikhail U.	2010	№ 3 (11)	88
13	The reasons of neo-fascism development nowadays	Volokh Oleg V., Plikhun Yana V.	2010	№ 3 (11)	92
14	Introduction specifics of the corporative citizenship principles in Russia	Kostina E. N.	2010	№ 3 (11)	97
15	Russian state in the XXI century: possible scenarios for its transformation	Kharin Alexey N.	2010	№ 3 (11)	101
16	Models and mechanisms of global security	Tsyganov V. V.	2010	№ 3 (11)	107
17	Systems of remote monitoring and control of complex security systems	Vinogradov S. A.	2010	№ 3 (11)	116
18	The epatazh as the method of action on the consciousness of the addressee of the advertising communication and the problem of the social- information safety	Balakhonskaya L. V.	2010	№ 4 (12)	72
19	Political marketing in a context of a media policy of Great Britain	Bodrunova S. S., Bolshakov S. N.,	2010	№ 4 (12)	78

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
20	A security problem in global studies	Ilyin I. V., Ursul A. D.	2010	№ 4 (12)	85
21	Critical situations in social development and neutralization mechanisms	Tatarin A. I.	2010	№ 4 (12)	94
Global weapons and global security. Analytical reviews					
1	American 'Marine power-21'	Kybalny M. V.	2010	№ 4 (12)	104
2	Spacecrafts of small-size class and international project «TEMPUS»«CRIST»	Tolpegin O. A.	2010	№ 4 (12)	115
Our Publications					
1	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1956		2009	№ 1 (5)	101
2	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1957		2009	№ 1 (5)	108
3	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1958		2009	№ 2–3 (6–7)	156
4	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1960–1962.		2009	№ 4 (8)	129
5	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1963–1964		2010	№ 1 (9)	80
6	The letters of P. N. Savitsky to L. N. Gumilev. 1965–1968		2010	№ 2 (10)	114
Recollections					
1	Notes on meetings with D. F. Ustinov	Litvinov B. V.	2009	№ 1 (5)	130
2	Recollections	Melnik V. I.	2009	№ 1 (5)	133
3	The historical role of D. F. Ustinov in the establishment and development of the city of Kovrov the third armement capital of Russia	Petrova L. G.	2009	№ 1 (5)	135
4	Space and missile technology developing in the «Arsenal» Design Center: history and prospects	Kislitskiy M. I., Manoylov O. V.	2009	№ 1 (5)	137
Pages of memoirs					
1	D. F. Ustinov and Kovrov plant №2 during World War II	Nikulin V. V.	2009	№ 4 (8)	115
2	History pages «VOENMEH»	Romanov A. R. Tribel M. V.	2010	№ 1 (9)	68
Official Documents					
1	Declaration of the Moscow session of the Council on Collective Security of the Collective Security Treaty (September 5, 2008)		2009	№ 1 (5)	142
2	Outcome Document of the International conference «Foreign Policy Directions Organization of the Countries in Central Asia»(Issyk Kul, November 4–5, 2008)		2009	№ 1(5)	145
3	The Ekaterinburg declaration of chapters of the organization of cooperation(Ekaterinburg, on June, 16th, 2009)		2009	№ 2–3(6–7)	160
4	The joint communique on results of session of Advice of chapters of the states — members of the Shanghai organization of cooperation(Ekaterinburg, on June, 16th, 2009)		2009	№ 2–3(6–7)	163
5	The declaration on development of strategic partnership between the Russian Federation and Mongolia		2009	№ 4 (8)	151

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
6	Ten years of the Academy of Geopolitical Problems		2010	№ 1 (9)	117
7	The sea doctrine of the Russian Federation for the period till 2020		2010	№ 2 (10)	140
8	Eurasian scientific forum		2010	№ 3 (11)	137
9	Conference at the Faculty of global processes of the Moscow State University «Actual problems of global research»		2010	№ 3 (11)	139
Scientific life					
1	The anniversary session, devoted to the 100th anniversary of D. F. Ustinova's birth		2009	№ 1 (5)	148
2	The international conference «Ecology of boundary area»		2009	№ 1 (5)	153
3	Round table «Philosophy of global studies and geopolitics»		2009	№ 1 (5)	154
4	Globalistics -2009	Vyhodets R. S., Selenteva D. O.	2009	№ 2–3 (6–7)	156
5	The All-Russia scientifically-practical conference «Problems of maintenance of geopolitical safety of Russia» On September, 24-25th 2009, Ekaterinburg		2009	№ 4 (8)	139
6	Strengthening of scientific communications of geopoliticians of St.-Petersburg And Southern federal district		2009	№ 4 (8)	141
7	Meeting of heads of the organisations of State corporation «Ростехнологии» On September, 23-24rd 2009 г		2009	№ 4 (8)	142
8	7th «the Chinese-Russian forum: the comparative analysis of problems Social and economic development of the Peoples Republic of China and the Russian Federation" On October, 23-26rd, 2009 to Tianjin (China)		2009	№ 4 (8)	146
9	The first international scientifically-practical conference «Russia-Mongolia: historical and cultural interaction in the past and the present (to the 70 anniversary of events on the Halhin-goal)»		2009	№ 4 (8)	148
10	Ten years of the Academy of Geopolitical Problems		2010	№ 1 (9)	108
11	Scientifically-practical conference «Russia and modern geopolitic problems »		2010	№ 2 (10)	135
12	International Conference «Great Victory and Modernity»		2010	№ 2 (10)	137
13	SP IASI The reference to colleagues and partners		2010	№ 2 (10)	139
14	Eurasian scientific forum		2010	№ 3 (11)	137
15	Conference at the Faculty of global processes of the Moscow State University «Actual problems of global research»		2010	№ 3 (11)	139
Word to young researchers					
1	The origin of "the American idea" and its implementation in the politics of the USA	Litvinova J. M.	2009	№ 4 (8)	109
2	Aspects of Russian national security	Titenok E. V.	2010	№ 1 (9)	61
3	Geopolitical processes on the Southern strategic direction	Sarkisjan A. R.	2010	№ 1 (9)	64
4	Social justice as attribute of social safety	Lygina M. A.	2010	№ 2 (10)	106
5	The spiritual foundation of civilization development	Klimenko A.	2010	№ 2 (10)	111
6	The Shanghai Cooperation Organization: creation history and foundation preconditions	Belukova E. S.	2010	№ 4 (12)	118

№	The name of clause	The author	Year of Publication	number of magazine	page
Scientific reviews					
1	Survey of contemporary geopolitical researches in China	Kefeli I. F., Migunova O. V.	2009	№ 4 (8)	105
Scientific translations					
1	From Land to the Sea: what kind of the strategy China needs / Translation and comments by O. V. Migunova	E Hailin	2010	№ 1 (9)	52
2	China as an maritime civilization (on one aspect of the Chinese transformations of the civilization identity)	Migunova O. V.	2010	№ 1 (9)	58
The Soviet people's Great Victory celebrates its 65th anniversary					
1	Memories of the war and peace, study and labor (an interview with professor E. V. Kulkov)		2010	№ 2 (10)	14
2	The core of integration is the victory (an interview with colonel-general L. G. Ivashov)		2010	№ 2 (10)	14
3	The USSR's decisive role in defeating Germany	Kovalev S. N.	2010	№ 2 (10)	18
4	The solving contribution of the Soviet-Germany front to the Second World war	Frolov M. I.	2010	№ 2 (10)	25
5	There wouldn't be any victory without the nations' strong friendship	Akaev A. A.	2010	№ 2 (10)	30
6	The Ural industry during the Great Patriotic War	Tatarkin A. I., Bersenev V. L., Zapariy V. V., Gorst A. P.	2010	№ 2 (10)	38
7	The strategic role of the railway transport during the Great Patriotic War	Migunova O. V., Lachko N. V.	2010	№ 2 (10)	47
8	To the results of the Second World War — after 65 years	Vertlib E. A., Jurin O. A.	2010	№ 2 (10)	53
9	The analysis of the western specialists' view on the Second World War	Givens R.	2010	№ 2 (10)	56
Reviews					
1	Arctic Games in modern history, or the kingdom of crooked mirrors	Fedorov P. V.	2010	№ 3 (11)	143

Акаев Аскар Акаевич — доктор технических наук, иностранный член Российской Академии наук, askarakaev@mail.ru

Балахонская Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью факультета журналистики СПбГУ, докторант кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: Balakhonsky@mail.ru

Белукова Екатерина Сергеевна — аспирантка кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ, e-mail: ekaterina_louis@yahoo.com

Бодрунова Светлана Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Большаков Сергей Николаевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: subolshakov@mail.ru

Ивашов Леонид Григорьевич — президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, geopolis@mail.ru

Ильин Илья Вячеславович — кандидат геолого-минералогических наук, доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой глобалистики ФГП МГУ.

Кефели Игорь Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и глобалистики БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем; e-mail: geokefeli@mail.ru

Кыбальный Михаил Васильевич — эксперт, капитан 1 ранга запаса; e-mail: vvr@mail.ru

Мурай Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, докторант кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета, e-mail: muray007@mail.ru

Сухарев Александр Владимирович — доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии геополитических проблем, ведущий научный сотрудник института психологии РАН; E-mail: zavor753@mail.ru

Татаркин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор Института экономики Уральского отделения РАН; e-mail: navra@mail.ru

Толпегин Олег Александрович — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Балтийского государственного технического университета

Тынянова Ольга Николаевна — к. полит. н., эксперт по проблемам народонаселения Академии гуманитарных исследований; e-mail: pro_gnosis@mail.ru, ucg.ltd@list.ru

Урсул Аркадий Дмитриевич — академик Академии наук Молдавии, доктор философских наук, профессор, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета

Шестова Татьяна Львовна — кандидат исторических наук, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, tshestova@mail.ru

Шмелева Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики СПбГУ; e-mail: elena.shmeleva@gmail.com

Askar A. Akaev — Doctor of Technical Sciences, Foreign Member of Russian Academy of Sciences; askarakaev@mail.ru

Balakhonskaya Ludmila V. — the candidate of philological sciences, the docent of the department of connections with the community of the department of journalism of the Saint Petersburg state University, the doctoral candidate of the department of the philosophy of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); e-mail: Balakhonsky@mail.ru

Bodrunova Svetlana S. — the candidate of political sciences, the senior lecturer of chair of the international journalism of the St.-Petersburg state university; e-mail: Spasibo-tebe@yandex.ru

Bolshakov Sergey N. — the doctor of political sciences, the professor managing chair of the theory of communications of the St.-Petersburg state university; e-mail: snbolshakov@mail.ru

Ilyin Ilya V. — the candidate of geologo-mineralogical sciences, the senior lecturer, the dean of faculty of global processes of the Moscow State University of M. V. Lomonosova.

Tatyana L. Shestova — PhD in History, Lomonosov Moscow State University, Global Studies Faculty, tshestova@mail.ru

Ursul Arcady D. — the academician of Academy of Sciences of Moldova, the Doctor of Philosophy, the professor, the professor of the Moscow State University of M. V. Lomonosova, the director of the Center of researches of global processes and a sustainable development of the Russian state trade and economic university.

Igor F. Kefeli — the Doctor of Philosophy, the Professor, managing chair of cultural science and global studies in the BSTU «Voenmeh» in honour of D.F.Ustinov, the honored worker of the Higher School of the Russian Federation, the vice-president of Academy of Geopolitical Problems; e-mail: geokefeli@mail.ru

Mikhail V. Kybalny — The expert, First rank Captain; e-mail: mvvr@mail.ru

Murray Olga V. — PhD, Moscow State Linguistic University, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, graduate Ph.D.; e-mail: murray007@mail.ru

Leonid G. Ivashov — the colonel-general, the Doctor of historical sciences, the Professor of chair of the theory and history of the international relations of the Moscow State Linguistic University, the president of Academy of Geopolitical Problems, geopolis@mail.ru

Alexander I. Tatarkin — Doctor of Economy, professor, RAS academician, Honored worker of Russian Federation Science, the head of the Ural RAS Department Institute of Economy, narva@mail.ru

Shmeleva E. V. — PhD in Sociology., Associate Professor of the periodical press of the Journalism Department; e-mail: elena.shmeleva@gmail.com

Tolpegin Oleg A. — Doctor of Technical Sciences, the Professor, managing chair in the BSTU «Voenmeh» in honour of D.F.Ustinov

Tynyanova Olga N. — k. polit. Mr., an expert on population issues, the Academy of Humanitarian Research; E-mail: pro_gnosis@mail.ru, ucg.ltd@list.ru

Акаев А. А. Затаившаяся угроза. «Цветные революции» не ушли в прошлое.

Аннотация: В статье анализируются последствия «цветных революций», происшедших в постсоветских республиках – в Грузии (2003 г.), в Украине (2004 г.) и Киргизии (2005 г.). Демократические институты повсеместно были резко ослаблены, нарастали авторитарные тенденции. Вспыхнули внутренние межрегиональные и межэтнические конфликты. Наблюдаются спад производства, сокращение инвестиций, рост безработицы, ухудшение социальных показателей. Каких-либо новых «точек роста» как предвестников позитивных перемен «революционеры» предложить не в состоянии. Радикальные перемены наметились в отношениях с Россией, из бывших партнерских и союзнических они стали трансформироваться в недружелюбные. Однако революционная волна 2003–2005 годов не смогла оторвать постсоветские страны от России, о чем мечтали идеологи революций.

Ключевые слова: «цветные революции», насаждение демократии извне, государственный переворот, деградация.

Ивашов Л. Г. Россия в геополитическом контексте XXI века.

Аннотация. Человечество, через создание ситуации хаоса, непреодолимых страданий, чувства безысходности, подводится к мысли о создании единого органа мировой власти, наделенного глобальными диктаторскими полномочиями. Сегодня эта теневая сила претендует на роль главного субъекта мировых исторических процессов. Востребован новый тип элиты: геополитически ответственной и глубоко понимающей суть происходящих мировых событий, способной остановить разрушительные процессы, восстановить гармонию с природой, предложить новую философию и смысл жизни, сохранив, тем самым, человеческую цивилизацию.

Ключевые слова: геополитика, геополитический статус государств, мировое правительство, этнокультурные цивилизации, мировой порядок.

Мурай О. В. Языковая экспансия США и ее манифестация на геополитической карте мира.

Аннотация: В статье рассматриваются глобальные лингвистические процессы в связи с распространением и функционированием международных языков. В частности, анализируются некоторые аспекты распространения заимствований из английского языка в другие языки мира.

Ключевые слова: лингвистическая экспансия, международные языки, лингвистическая карта мира, глобальный английский.

Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в геополитике

Аннотация: На основе оригинального принципа исторической актуальности предпринята попытка преодоления методологического кризиса в исторической науке и геополитике. С целью преодоления данного кризиса применяется новая этнофункциональная парадигма в науке. Данная парадигма основывается на ряде важнейших положений Библии, актуальных в современной культурно-исторической ситуации, и открывает новые области геополитических исследований и практического применения результатов. В отношении этнофункционального развития ментальности народов и человечества в целом предложена концепция «этнофункционального глобализма» как нового типа геополитического мышления.

Ключевые слова: принцип исторической актуальности, геополитика, этнофункциональная парадигма, ментальность, этнофункциональный глобализм.

Тынянова О. Н. О пространственной причинности геополитических процессов.

Аннотация: В статье предложен методологический подход к выявлению наиболее энергетически предпочтительных направлений геополитической экспансии по осям «Восток–Запад» и «Север–Юг» исходя из проекции на поверхность Земли силовых линий ее электромагнитного поля, основных направлений переноса солнечной энергии и «мирового хода времени» (по Н. А. Козыреву). Для анализа организации политико-географического и социального пространства по оси «центр–периферия» предложена гравитационная модель политики. На основе обширного фактологического материала гуманитарного и естественнонаучного характера показана пространственная специфика образования и смещения геополитических центров силы вследствие переноса энергии социального действия, а также пошпиртных зональных различий геополитической экспансии.

Ключевые слова: Геополитические процессы, энергия социального действия, геополитический центр силы, электромагнитное поле, мировой ход времени, перенос солнечной энергии, гравитационная модель политики, оси «Восток–Запад», «Север–Юг», «центр–периферия», предпочтительное направление вектора геополитической экспансии.

Шестова Т. А. Геостратегическая концепция Полибия.

Аннотация: В статье раскрываются основные положения геостратегической концепции крупнейшего эллинистического историка Полибия, суть которой состоит в утверждении закономерности установления мирового господства римлян. Полибий писал в эпоху цивилизационного перелома, в ходе которого центр силы эйкуменического пространства сместился – от Великой Эллады к Великому Риму. Полибий стал одним из первых, кто отразил этот переход в своей концепции всемирной истории.

Ключевые слова: геостратегическая концепция, глобальная история, мировое господство, цивилизационный перелом, эллинистическая историография, Полибий.

Кефели И. Ф. Геополитический пасьянс сил в Восточной Азии накануне и после окончания Второй мировой войны.

Аннотация. Анализируются геополитическая динамика в предвоенный период на западном и восточном театрах военных действий и планы японского военного командования в Приморье, а также итоги советско-японской войны 1945 г. Если в предвоенный период акторами геополитического противостояния в Восточной Евразии выступали Советский Союз и Япония, то в настоящее время этот регион становится столкновением интересов, главным образом, России, Китая, Японии и США. Геополитическое взаимодействие России и Китая в регионе координируется в рамках ШОС, тогда как США и Япония выступают выразителями интересов «золотого миллиарда».

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-японская война 1945 г., Приморье, геополитическое противостояние, пространство ШОС.

Шмелева Е. В. Дискурс национальной идентичности в контексте модернизации российской экономики.

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики системы формирования национальной идентичности в кон-

тексте глобальных изменений в экономике, культуре, политике. Рассматривается актуальность исследования национальной, классовой, социальной, профессиональной идентичности в связи с проблемами трансформационной экономики России. Дается представление о роли СМИ в становлении идеологии и программы инновационного развития страны. В статье анализируются национальные аттитюды, негативные и позитивные стереотипы, распространяемые российскими СМИ. Акцент на нестабильность национальной идентичности является деструктивной формой участия отечественных СМИ в осуществлении национальной стратегии инновационного развития.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, нация, классовая идентичность, идентичность среднего класса, профессиональная идентичность, трансформационная экономика, структура национальной идентичности.

Балахонская Л. В. Рекламная коммуникация в контексте информационной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, социально-информационная безопасность, сознание, рекламная коммуникация, эпатаж, провокационная реклама, речевое воздействие.

Бодрунова С.С., Большаков С.Н. Политический маркетинг в контексте медиаполитики: политическая журналистика Великобритании на рубеже веков.

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные проблемы политического маркетинга и его атлантическая теория, обобщается практика британских партий в контексте политического маркетинга. В статье демонстрируется практика медиаполитики в современной Великобритании и участие парламента и правительства в медиаполитике как итоге политического маркетинга, выявлена роль журналистики Великобритании в медиаполитике.

Ключевые слова: медиаполитика, политический маркетинг, информационная безопасность, журналистика.

Ильин И. В., Урсул А.Д. Проблема безопасности в глобалистике.

Аннотация: В статье показывается, что обеспечение безопасности всего человечества невозможно в той форме (модели), в которой происходило развитие цивилизации в последние столетия. Для будущей глобальной цивилизации необходимо обеспечить устойчивый способ ее бытия, сохранения ее природы в условиях внутренних и внешних негативных воздействий и изменений, т.е. глобальную безопасность как безопасность мирового сообщества, реализующуюся в условиях коэволюции систем “человек–общество” и “человек–общество–природа”.

Анализируется идея дальнейшего развертывания глобализации и ряда других глобальных процессов через устойчивое развитие. Модель устойчивого развития предполагает формирование новых контуров общественного развития и социоприродного взаимодействия и, соответственно, – планетарной среды, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех значений, которые должны обеспечить выживание и безопасную глобальную эволюцию человечества и сохранение биосферы.

Ключевые слова: выживание цивилизации, глобальная безопасность, глобальные процессы, безопасность, безопасность через устойчивое развитие, национальная безопасность, сохранение биосферы, стратегия национальной безопасности, устойчивое развитие Дмитриевич. Проблема безопасности в глобалистике.

Татаркин А. И. Критические ситуации в социальном развитии и механизмы их нейтрализации.

Аннотация: Критические ситуации в социуме и механизмы их нейтрализации. В статье рассмотрена проблема критических ситуаций в общественном развитии как феномена глобализации национальных экономик, ускорения НТП, повышения экономических и социальных требований. Предложены меры по прогнозированию и оценке критических ситуаций, организации постоянного мониторинга для нейтрализации негативных последствий.

Ключевые слова: критические ситуации, условия и причины формирования, сущность и сферы возникновения критических ситуаций, последствия и механизмы нейтрализации.

Кыбальный М. В. «Морская мощь-21» по-американски.

Аннотация: Командование Военно-морских сил США разрабатывает новую стратегию применения военно-морской мощи и программу радикального обновления боевого состава ВМС. Главная цель: придать им глобальные боевые возможности в будущих войнах шестого поколения. Еще в 2002 г. начальник морских операций ВМС США адмирал Верн Кларк обозначил основные положения этой стратегии в концепции «Морская мощь-21», основные положения которой изложены ниже в авторском стиле. Полное изменение облика ВМС США на новой технологической базе ожидается в 2025–2035 годах.

Ключевые слова: морская мощь, военно-морские силы США, войны шестого поколения, морской удар, морской щит, морское базирование.

Толпегин О. А. Космические аппараты сверхмалого класса и международный проект «TEMPUS» «CRIST».

Аннотация: Рассказывается о сверхмалых космических аппаратах и их применении, а также о международном проекте «TEMPUS» «CRIST» подготовки кадров для их проектирования.

Белукова Е. С. Шанхайская организация сотрудничества: история формирования и предпосылки создания.

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса формирования Шанхайской организации сотрудничества и факторов, которые повлияли на становление организации. Среди основных причин автор выделяет: необходимость обеспечения стабильности и безопасности в центрально-азиатском регионе, потребность в новой форме разнопланового сотрудничества между соседствующими странами, а также перспективу формирования альтернативного полюса и создания новой устойчивой планетарной конструкции. Особое внимание в работе уделяется рассмотрению исторических событий, предшествующих созданию ШОС и оказавших влияние на процесс формирования организации.

Ключевые слова: ШОС, Центральная Азия, Евразия, безопасность, сотрудничество, геополитика.

Askar A. A. Hidden Threat. Colour revolutions has not passed away.

Abstract: The article analyzes consequences of colour revolutions that took place in post-Soviet republics of Georgia (2003), Ukraine (2004), and Kyrgyzstan (2005). It is demonstrated that as their result democratic institutions were weakened, and autocratic tendencies increased. Internal interregional and interethnic conflicts flared up. Industry decline was observed along with investment reduction, unemployment growth, and deterioration of social indicators. The “revolutionaries” were unable to offer any new “growth points” which would secure any positive change. Radical changes were observed in relations with Russia, as they began their transformation toward animosity from former partnership. However, revolutionary wave of 2003 – 2005 was unable to tear the post-Soviet countries away from Russia, which was the dream of revolutionary ideologists.

Keywords: colour revolutions, external propagation of democracy, coup d'état, degradation.

Ivashov L. G. Russia in the geopolitical context of the XXIst century.

Abstract: Mankind through the creation of a situation of chaos, insurmountable suffering, and feelings of hopelessness is supplied to the idea of creating a unified body of world power with a global dictatorial power. Today this shadow force claims to be the main subject of world historical processes. A new kind of the elite is demanded - elite with geopolitical responsibility and deep understanding of the world events, elite that can stop the destructive processes, restore harmony with nature and propose a new philosophy and the meaning of life and thus saving human civilization.

Key words: geopolitics, geopolitical status of the States, global government, ethno-cultural civilization, world order.

Murray O. V. Language expansion of the United States and its manifestation in linguistic and political map of the world.

Abstract: The article deals with global linguistic processes in connection with the distribution and operation of international languages. In particular, examines some aspects of the spread of words from English into other languages.

Keywords: linguistic expansion, international languages, linguistic map of the world, global English.

Sukharev A. V. Ethnofunctional paradigm in geopolitics.

Abstract: In this article on the base of the original principle of historical actuality the attempt to overcome the methodological crisis in history and geopolitics has been made. With the purpose to overcome this crisis the new ethnofunctional paradigm has been proposed. This paradigm, based on principles of Bible, which are actual for modern historical moment, and reveals the new fields in geopolitical researches and practical applications. In relation to ethnofunctional development of mentality peoples and mankind as a whole, the conception of «ethnofunctional globalism» as the new type of geopolitical thinking has been proposed.

Keywords: principle of historical actuality, geopolitics, ethnofunctional paradigm, mentality, ethnofunctional globalism.

Olga N. Tynyanova. About generalized spatial causality of geopolitical processes (testing the possibility of geopolitical modelling).

Abstract In the article the methodological approach aimed at discovering the most energetically preferable ways of geopolitical expansion in axes “East-West” and “South-

North” is presented (based on the projections of geomagnetic field lines on the Earth surface and major trajectories in transformation of sun energy and “world passage of time” (after A.N.Kozyrev). To analyze the formation of political and geographical, as well social spaces in the axis “Centre-Periphery” the gravitation model of politics is formulated. On the basis of large humanitarian and natural sciences’ material the specifics of geopolitical force centres’ formation and transformation, which develop as a result of shifts in energy of social action and differences in zones of geopolitical expansion, has been observed.

Keywords: Geopolitical processes, energy of social action, geopolitical centre of force, world passage of time, gravitation model of politics, axes “East-West”, “South-North”, “Centre-Periphery”, preferable direction in vector of geopolitical expansion

Shestova T L. Geostrategic conception of Polybius.

Abstract: The article describes the main provisions of the geostrategic conception of the largest Hellenistic historian Polybius. Its essence is in the statement of predetermination of Romans world domination establishment. Polybius wrote in the era of civilizational crisis, when the power center in Mediterranean moved – from the Great Hellenica to the Great Rome. Polybius was first of Hellenistic historians who reflected this transition in global history conception.

Keywords: geostrategic conception, global history, world domination, civilizational crisis, Hellenistic historiography, Polybius.

Kefeli I. F. Geopolitical solitaire of the forces in East Asia before and after the Second World War.

Abstract. In this article geopolitical dynamics in the prewar period in the western and eastern theaters of operations, plans of the Japanese military command in Primorye, the result of the Soviet-Japanese war in 1945 are analyzed. If the pre-war period actors geopolitical confrontation in eastern Eurasia were the Soviet Union and Japan, so at present this region becomes a conflict of the interests, mainly the interests of Russia, China, Japan and the United States. Geopolitical relations between Russia and China in the region are coordinated by the SCO, while the U.S. and Japan are the mouthpieces of the ‘golden billion’.

Keywords: the Second World War, the Soviet-Japanese War in 1945, Primorye, geopolitical confrontation, the SCO region.

Shmeleva E. V. The discourse of national identity within the scope of Russian economy’s modernization.

Summary: The article analyzes specific character of national identity shaping system within the scope of global changes in economy, culture, politics. The relevance of studying national, class, social, vocational identity is considered in connection with issues of Russia’s transformational economics. The idea of mass media role in establishing ideology and program of country’s innovational development is given. The article examines national attitudes, negative and positive stereotypes, spreaded by Russian mass media. Emphasis on national identity’s instability is the destructive form, in which a number of domestic mass media participate in realization of national innovational development strategy.

Keywords: national identity, ethnic identity, nation, class identity, middle class identity, vocational identity, transformational economics, structure of national identity.

Balakhonskaya L. V. The epatazh as the method of action on the consciousness of the addressee of the advertising

communication and the problem of the social- information safety.

Abstract: The epatazh as the method of action on the consciousness of the addressee of the advertising communication and the problem of the social- information safety

The article is dedicated to a study of the method of epatazh, as the nontraditional tool of action on the addressee of advertising communication. The author reveals two opposing tendencies: from one side, the epatazh is frequently the planned marketing motion, the aspect of the concept of brand, while from the other side, there is a danger of the appearance of the social-destructive consequences of similar methods of advertising for the safety of society. In the article is done the conclusion that the turning to the tabu themes and the use of the tabu vocabulary can damage to the image of state, since in the eyes of foreigners precisely advertisement frequently becomes the index of the level of the culture of this society.

Keywords: the safety, the social-information safety, the consciousness, the advertising communication, the epatazh, the provocative advertisement, the vocal action.

Bodrunova S. S. , Bolshakov S.N. Media space globalisation: technologies of political marketing and political journalism of Great Britain on a boundary of centuries.

Abstract: The summary on article: In given article actual problems of political marketing and its Atlantic theory are considered, practice of the British parties in a context of political marketing is generalised. In article practice of a media policy in modern Great Britain and participation of parliament and the government in the media politician as a result of political marketing is shown, the role of journalism of Great Britain in the media politician is revealed.

Keywords: : political marketing, media policy, participation of parliament, journalism of Great Britain, political mass-media, political journalism, public opinion.

Ilyin I. V., Ursul A. D. A security problem in global studies.

Abstract: The summary. In article it is shown that security of all mankind is impossible in that form (model) in which there was a civilization development last centuries. For the future global civilization it is necessary to provide a steady way of its life, preservation of its nature in the conditions of internal and external negative influences and changes, i.e. global security as the safety of the world community realized in conditions coevolution of systems "person-society" and "person-society-nature".

The idea of the further expansion of globalization and of some other global processes through a sustainable development is analyzed. The sustainable development model assumes formation of new contours of social development and society-nature interactions and, accordingly, – the planetary environment in which threats scales and levels will be essentially lowered to those values which should provide a survival and safe global evolution of mankind and biosphere preservation.

Keywords: civilization survival, global security, global processes, security, security through a sustainable development, national security, biosphere preservation, strategy of national security, sustainable development.

Alexander I. Tatarkin. Critical situations in social development: dialectics of the reasons, essence and neutralization mechanisms .

Abstract. The article is devoted to the problem of critical situations in the social development as the phenomenon of the globalization of the national economies, acceleration of

STP, the increase in the economic and social requirements. The author proposes means for prognostication and estimation of critical situations, organization of a constant monitoring for neutralizing the negative consequences.

Keywords: critical situations, conditions and reasons of the forming, essence and the sphere of the appearance of the critical situations, consequences and the mechanisms of the neutralization.

Kybalny M. V. American 'Marine power-21'.

Abstract. The Command of the Naval forces in the United States is developing a new strategy of the naval power application and a program of radical renewal for the fighting strength of the Naval forces. The main purpose: to give them a global combat capability in future wars of the sixth generation. Even in 2002, chief of naval operations, Adm. Vern U.S. Navy Clark outlined the main provisions of the strategy in the concept of 'Sea power-21', the main provisions of which are outlined below in the author style. The total change in shape of the U. S. Naval forces on a new technological base is expected in the years 2025-2035.

Keywords: sea power, naval forces of the United States, the war of the sixth generation, marine attack, sea shield, sea-based.

Tolpegin O. A.. Spacecrafts of small-size class and international project «TEMPUS»«CRIST».

Abstract: Tells about small-size vehicles and their application, and also about the international project «TEMPUS»«CRIST» of professional training for designing of small-size space vehicles.

Belukova E. The Shanghai Cooperation Organization: creation history and foundation preconditions.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Shanghai Cooperation Organization creation process and those factors, which have influenced the development of the organization. Among key issues the author highlights the following reasons: necessity of providing security and stability in Central Asia, need for a new form of diverse cooperation among neighboring countries and creation of a new form of a stable global structure. Special emphasis is made on historical events, which have brought to and influenced the foundation of the organization.

Keywords: SCO; Central Asia; Eurasia; security; cooperation; geopolitics.

Информация для авторов журнала!

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству научных и научно-педагогических работников, политических деятелей, сотрудников государственных учреждений и независимых аналитических центров, занимающихся геополитической проблематикой и вопросами обеспечения безопасности личности, общества, государства. В журнале публикуются статьи и аналитические материалы по следующим направлениям:

- философские науки;
- политические науки;
- экономические науки;
- географические науки;
- технические науки.

Материалы принимаются в виде файлов, выполненных в текстовом редакторе объемом до 50 000 печ. знаков, включая пробелы. Растрированная графика должна предоставляться в виде отдельных файлов (разрешение не менее 240–300 точек на дюйм) в форматах JPEG, (TIFF, PSD), векторная (EPS), или иллюстрации должны быть предоставлены редакции для сканирования. Файлы материалов принимаются по электронной почте, на CD, DVD (дискетах — текст) или на флеш-носителях.

Редакция принимает к рассмотрению и публикации статьи при наличии следующих сопровождающих документов:

- 1) *аннотация статьи* на русском и английском языках (объемом до 200 слов);
- 2) *ключевые слова* на русском и английском языках;
- 3) *Ф. И. О. автора (авторов) и название статьи* на английском языке;
- 4) фото автора (авторов);
- 5) авторская справка на русском и английском языках (**фамилия, имя, отчество — полностью, место работы или учебы, ученые степени и звания, приоритетные темы исследований, контактный телефон, факс, почтовый адрес, e-mail**).

Рецензирование статей осуществляется редакцией.

При отсутствии данных сопроводительных документов редакция вправе не публиковать статьи и материалы авторов.

Редакция журнала «Геополитика и безопасность» считает возможным публиковать статьи, теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакционной коллегии.

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ № 4(12) 2010 г. аналитический и научно-практический журнал

Учредители	БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ООО «Геополитика и безопасность», Издательский дом «Петрополис» при участии Академии геополитических проблем
Регистрационный номер	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-32689 от 1 августа 2008 г.
Индекс подписки	35 575
ISSN 2071-2332	ISSN International Centre
Адрес редакции:	190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., д. 1 Тел./ факс: (812) 251-17-20; e-mail: geokefeli@mail.ru
Главный редактор	Кефели Игорь Федорович
Отв. секретарь	Мигунова Ольга Владимировна
Верстка	Данилова Евгения Геннадьевна
Корректор	Муратова Ангелина Валерьевна
Типография	«Град Петров» Издательского дома «Петрополис» 197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16, офис-центр 1, 5 этаж, офис 12. Тел./факс 336-50-34
	Тираж 1 000 экз. На обложке изображение с сайта Google Планета Земля www.geobez.ru

Перепечатка материалов возможна только с письменного разрешения редакции.
При цитировании ссылка на журнал «Геополитика и безопасность» обязательна.